

СИБИРСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

SIBERIAN JOURNAL OF PSYCHOLOGY

№ 87

**Зарегистрирован Министерством Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
(свидетельство о регистрации ПИ № 77-12789 от 31 мая 2002 г.)**

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны
быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой
степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук»,
Высшей аттестационной комиссии

Томск
2023

Учредитель – Томский государственный университет

«Сибирский психологический журнал» является научно-практическим изданием, публикует оригинальные статьи по различным отраслям психологии. «Сибирский психологический журнал» публикует результаты завершённых оригинальных исследований в различных областях современной психологии, ранее нигде не публиковавшиеся и не представленные к публикации в другом издании. Решение о публикации принимается научной редакцией после рецензирования, учитывая соответствие тематике журнала, актуальность проблемы, научную и практическую новизну и значимость, профессионализм выполнения работы, качество подготовки и оформления материала. Официальные языки журнала: русский и английский. Средний срок рассмотрения рукописи 3–6 месяцев.

«Сибирский психологический журнал» выходит ежеквартально. Публикации осуществляются на некоммерческой основе. Все опубликованные материалы находятся в свободном доступе.

Журнал индексируется: eLIBRARY.RU; Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index; Scopus

Адрес редакции и издателя: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, сайт <http://journals.tsu.ru/psychology>

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор – **Лукьянов О.В.** (Томский государственный университет, Томск). E-mail: lukyjanov7@gmail.com

Алексеевская Е.О. – ответственный секретарь редакции журнала (Томский государственный университет, Томск). E-mail: sibjornpsy@gmail.com

Богомаз С.А. (Томский государственный университет, Томск); **Бохан Т.Г.** (Томский государственный университет, Томск); **Кабрин В.И.** (Томский государственный университет, Томск); **Карнышев А.Д.** (Иркутский государственный университет, Иркутск); **Красноярцева О.М.** (Томский государственный университет, Томск); **Серый А.В.** (Кемеровский государственный университет, Кемерово)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Асмолов А.Г. (МГУ имени М.В. Ломоносова, федеральное государственное автономное учреждение «Федеральный институт развития образования», Москва, Россия); **Бохан Н.А.** (Томский национальный исследовательский медицинский центр Российской академии наук, Томск, Россия); **Вассерман Л.И.** (Санкт-Петербургский научно-исследовательский психоневрологический институт имени В.М. Бехтерева, Санкт-Петербург, Россия); **Галажинский Э.В.** (Томский государственный университет, Томск, Россия); **Гарбер И.Е.** (Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия); **Зинченко Ю.П.** (МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия); **Знаков В.В.** (Институт психологии РАН, Москва, Россия); **Ковас Ю.** (Голдсмитс, Университет Лондона, Лондон, Великобритания); **Лаги Ф.** (Римский университет Ла Сапиенца, Рим, Италия); **Ломбардо К.** (Римский университет Ла Сапиенца, Рим, Италия); **Лучиди Ф.** (Римский университет Ла Сапиенца, Рим, Италия); **Малых С.Б.** (Психологический институт РАО, Москва, Россия); **Такушян Г.** (Фордхемский университет, Нью-Йорк, США); **Тхостов А.Ш.** (МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия); **Ушаков Д.В.** (Институт психологии РАН, Москва, Россия)

Издательство: Издательство Томского государственного университета

Редактор Шумская Е.Г.; редакторы-переводчики: Лукьянова Е.О., Стайпек А.А., Горенинцева В.Н.; оригинал-макет Шумской Е.Г.; дизайн обложки: Кривцова Л.Д.

Подписано в печать 30.03.2023 г. Формат 70x100^{1/16}. Усл.-печ. л. 15,7. Тираж 50 экз. Заказ № 5373. Цена свободная.

Дата выхода в свет 04.04.2023 г.

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании Издательства Томского государственного университета. 634050, пр. Ленина, 36, Томск, Россия

Тел.: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–52-96-75. Сайт: <http://publish.tsu.ru>. E-mail: rio.tsu@mail.ru

ABOUT SIBERIAN JOURNAL OF PSYCHOLOGY

Founder – Tomsk State University

The scientific journal “Siberian journal of psychology” publishes the results of the completed original researches (theoretical and experimental manuscripts) in different areas of contemporary psychology which have not been published before in this or any other edition. Besides, it includes descriptions of conceptually new methods of research, round-up articles on particular topics and overviews.

The Editorial Board of the “Siberian journal of psychology” commits to the internationally accepted principles of publication ethics expressed.

International standard serial edition number: ISSN 1726-7080 (Print), ISSN 2411-0809 (Online)

Language: Russian, English

Publications are on non-commercial basis (FREE).

Open access

Term of publication: 3–6 months

Abstracting and Indexing: eLIBRARY.RU; Emerging Sources Citation Index (Web of Science Core Collection's); Scopus.

Contact the Journal

Tomsk State University, 36 Lenin Ave., Tomsk 634050, Russian Federation

<http://journals.tsu.ru/psychology/en/>

Editor-in-Chief – Oleg V. Lukyanov, Dr. Sci. (Psychol.), Tomsk State University, Russia.

E-mail: lukyanov7@gmail.com

Executive secretary – Ekaterina O. Alekseevskaya, Tomsk State University, Russia.

E-mail: sibjornpsy@gmail.com

EDITORIAL COUNCIL

S.A. Bogomaz (Tomsk State University, Tomsk, Russia); **T.G. Bokhan** (Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation); **V.I. Kabrin** (Tomsk State University, Tomsk, Russia); **A.D. Karnyshev** (Irkutsk State University, Irkutsk, Russia); **O.M. Krasnorjadtseva** (Tomsk State University, Tomsk, Russia); **A.V. Seryy** (Kemerovo State University, Kemerovo, Russia)

EDITORIAL BOARD [In Russian Alphabetical order]

A.G. Asmolov (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); **N.A. Bokhan** (Mental Health Research Institute, Tomsk, Russia); **L.I. Vasserman** (St. Petersburg Research Institute of neuropsychiatric named Bekhterev, St. Petersburg, Russia); **E.V. Galazhinsky** (Tomsk State University, Tomsk, Russia); **I.E. Garber** (Saratov NG Chernyshevskii State University, Saratov, Russia); **Iu.P. Zinchenko** (Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia); **V.V. Znakov** (Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia); **Yu. Kovas** (Goldsmiths, University of London, London, UK); **F. Laghi** (Sapienza University of Rome, Rome, Italy); **C. Lombardo** (Sapienza University of Rome, Rome, Italy); **F. Lucidi** (Sapienza University of Rome, Rome, Italy); **S.B. Malykh** (Psychological Institute Russian Academy of Education, Moscow, Russia); **H. Takooshian** (Fordham University, New York, USA); **A.Sh. Tkhostov** (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); **D.V. Ushakov** (Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

PUBLISHER:

Tomsk State University Press (Tomsk State University, Tomsk, Russia)

Editor E.G. Shumskaya; editor-translators: E.O. Lukyanova, A.A. Stipek; V.N. Gorenintseva; camera-ready copy E.G. Shumskaya; cover design L.D. Krivtsova.

Passed for printing 30.03.2023. Format 70x108¹/₁₆. Conventional printed sheets 15,7. Circulation – 50 copies. Order N 5373.

36 Lenin Ave., Tomsk 634050, Russian Federation. Tel. +7(382-2)–52-98-49. <http://publish.tsu.ru>. E-mail: rio.tsu@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Общая психология и психология личности

Сизикова Т.Э. Модальный подход в психологии и модальная психология	6
Карнышев А.Д. Взаимосвязь вариантов идентификации человека с природными атрибутами и заботы об экологии территорий (на материалах Сибири и Байкала)	36
Мишкевич А. М., Щebetенко С.А., Калугин А.Ю., Сиротина У.Е., Витко Ю.С., Ключкова Е.А. Русская таксономия черт личности: результаты экспертного отбора слов	51
Дорошева Е.А., Голубев А.М. Особенности измерения predisposedности к скуке: психометрические свойства русскоязычной версии опросника BPS	68
Певнева А.Н. Взаимосвязь ригидности–флексibilityности и исследовательского потенциала студентов	86

Педагогическая психология

Тихомирова Т.Н., Малых С.Б. Половые различия в успешности школьного обучения математике и русскому языку: кросскультурное исследование	104
--	-----

Медицинская психология

Циринг Д.А., Сергиенко Е.А., Пономарева И.В., Пахомова Я.Н. Психологические факторы ранней диагностики злокачественных новообразований наиболее частых локализаций (на примере рака легких и рака желудка)	124
Пешковская А.Г., Галкин С.А., Бохан Н.А. Когнитивные функции и их нарушения при алкогольной зависимости: обзор актуальных концепций, гипотез и методов исследования	138

Краткие сообщения

Главатских М.М., Реверчук И.В., Языков К.Г. Связь соматизации с социально-психологическими особенностями личности у подростков	159
Бохан Т.Г., Терехина О.В., Силаева А.В., Лещинская С.Б., Шабаловская М.В. Удовлетворенность материальным положением и взаимоотношения в семьях с ЭКО и естественным зачатием	170
Поздравляем А.Д. Карнышева с юбилеем!	187
Поздравляем И.Я. Стоянову с юбилеем!	191

CONTENTS

General psychology and psychology of the person

Sizikova T.E. Modal Approach in Psychology and Modal Psychology	6
Karnyshev A.D. The Relationship of Human Identification Options with Natural Attributes and Concern for the Ecology of Territories (Based on Materials from Siberia and Lake Baikal)	36
Mishkevich A.M., Shchebetenko S.A., Kalugin A.Yu., Sirotina U.E., Vitko Yu.S., Kliuikova E.A. A Russian Taxonomy of Personality Traits: Preliminary Findings from the Word Selection Stage	51
Dorosheva E.A., Golubev A.M. Peculiarities of Measuring Boredom Proneness: Psychometric Properties of Russian Language Version of BPS	68
Pevneva A.N. The Relationship between Rigidity to Flexibility and Students' Research Potential	86

Psychology of education

Tikhomirova T.N., Malykh S.B. Gender Differences in School Achievement on Mathematics and Russian Language: Cross-cultural Study	104
--	-----

Medical psychology

Tsiring D.A., Sergeenko E.A., Ponomareva I.V., Pakhomova Y.N. Psychological Factors of Early Diagnosis of Malignant Neoplasms of the Most Common Localizations (On the Example of Lung Cancer and Stomach Cancer)	124
Peshkovskaya A. G., Galkin S.A., Bokhan N.A. Cognition in Alcohol Dependence: Review of Concepts, Hypotheses and Research Methods	138

Work in Progress

Glavatskih M.M., Reverchuk I.V., Yazykov K.G. The Relationship of Somatization with the Socio-Psychological Characteristics of Personality among Adolescents	159
Bokhan T.G., Terekhina O.V., Silaeva A.V., Leshchinskaia S.B., Shabalovskaya M.V. Financial Satisfaction and Relationship in Families with In Vitro Fertilization and Natural Pregnancy	170
Our congratulation to A.D. Karnyshev!	187
Our congratulation to I.Ya. Stoyanova!	191

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

УДК 159.9

МОДАЛЬНЫЙ ПОДХОД В ПСИХОЛОГИИ И МОДАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Т.Э. Сизикова¹

¹ Новосибирский государственный педагогический университет, Россия, 630126, Новосибирск, ул. Вилюйская, д. 28

Резюме

Актуальность. В связи с новыми вызовами времени, одним из которых является доминирование целостности над системностью, необходим пересмотр существующей научной психологии. В статье рассматривается проект развития новой, модальной психологии, соответствующей постнеклассическому типу научной рациональности. **Проблематизация.** Для выявления противоречий автор конкретизирует основные существующие направления развития отечественной психологии, выделяя их ограничения и возможности. Относительно деятельностного подхода автор призывает к пересмотру границ и очищению от подмены понятий. В культурно-историческом подходе усматривается потенциал для модальной психологии. Культурно-деятельностное направление поддерживается в рамках развития обучения. Сделан вывод о необходимости новой психологии, развиваемой на фундаменте культурно-исторической психологии. **Цель статьи** – раскрыть общность культурно-исторической психологии Л.С. Выготского и критической онтологии Н. Гартмана для выделения основ построения модальной психологии. Применяется **аналитический метод**: выделение общего и частного, сравнение, обобщение и систематизация. Для анализа привлечено более 70 источников.

Результаты. В исследовании существующих отечественных фундаментальных подходов в психологии автор раскрывает культурно-историческую психологию (КИП) как постнеклассическое научное знание и выстраивает параллели с критической онтологией Н. Гартмана для обоснования встроенности КИП во всеобщую онтологию. Для проекта модальной психологии вводится базовое различие: модальный подход и модальная психология. Автором принимается метод Л.С. Выготского – построение психологии из «точки извне». Этот метод переносится на модальную психологию, для которой опорой служит «точка» в качестве философии. Выделяется два пути построения модальной психологии: «снизу» и «сверху», и показывается, что каждый имеет исток и не является завершённым. На примере собственных исследований рефлексии автор подтверждает возможность построения модальной психологии путем «сверху вниз». **Основные выводы:** 1) единая методологическая платформа взглядов Л.С. Выготского и Н. Гартмана в вопросах онтологии реальности, метода исследования целого, отношения к личности; 2) концепции восприятия, сознания, личности, мышления, в которых применяется поня-

тие «модальность», являются потенциалом для развития модального подхода и модальной психологии; 3) во всем многообразии применения понятия «модальность» в психологии определенно выделяется два пути построения модальной психологии – один «снизу вверх», когда модальности восприятия не исчезают и объективируются в высших психологических функциях, другой «сверху вниз», из «точки извне», данной философией, когда применяются для анализа онтические модальности необходимого, возможного, действительного и их противоположности; 4) автор определяет культурно-историческую психологию в качестве фундамента построения модальной психологии «сверху вниз», аргументируя в данной статье сходством методов анализа с помощью «единиц анализа целого» (Л.С. Выготского) и модального анализа (Н. Гартмана).

Ключевые слова: модальный подход; модальная психология; деятельностный подход; культурно-историческая психология; модальность; единица анализа психики; критическая онтология

Современная ситуация интенсивных изменений в общественной жизни, экономике, образовании и других сферах жизнедеятельности человека, связанных с разработкой и внедрением цифровых технологий, предъявляет новые требования к гуманитарным наукам для сохранения здоровья и творческого когнитивно-личностного развития человека. Отвечая на вызовы времени, переосмысливается то, что уже исследовано, понимаются ограничения и определяются возможности для нового, необходимого психологии современности.

Цель статьи – раскрыть концептуальное согласование между двумя областями науки: философией, давшей критическую онтологию Н. Гартмана, и психологией, сохранившей и развивающей культурно-историческую психологию Л.С. Выготского, для исследования модального подхода и пути построения модальной психологии, соответствующей постнеклассическому типу научной рациональности.

Базовым тезисом является понимание культурно-исторической психологии как онтологически завершенной и соответствующей постнеклассическому типу научной рациональности (Сизикова, 2021). Данное позволяет разрабатывать проект новой – модальной – психологии, встроенной в рамку всеобщей онтологии и отвечающей вызовам времени. Л.С. Выготский понимал необходимость философских оснований психологии. Критикуя психологию чистого спиритуализма и психологию чистого натурализма, он писал, что они «полностью подлежат принципиальному пересмотру, как только самая их философская основа подвергается критике» (Выготский, 1984а, с. 75). Л.С. Выготский не имел для разрабатываемой им психологии основ в философии того времени. Такая философия, давшая новую онтологию, появилась годом позже. Н. Гартман разработал онтологию, в которой целое дано в виде гетерогенных слоев и связей между ними. В качестве метода исследования был предложен модальный анализ, применимый к каждому слою реальности. Ранее мы раскрывали идентичность понятий «единица анализа целого» (Л.С. Выготский) и «модальность» (Н. Гартман) (Сизикова, 2021). Данное основание позволяет разрабатывать проект модальной психологии.

Функционально-структурно-атрибутивные и феноменологический подходы, заслуги которых соответствуют историческому времени, ни в коей мере в данном проекте не умаляются. Эти подходы исследовали психику в большей степени гносеологически, не отвлекаясь на вопросы онтологии и сосредоточившись на полезности производственной практики, со слабо выраженным человеческим лицом. А.А. Гагаев писал об ограничении данных подходов: «Каждый подход ориентирован на свой класс познавательных задач. При этом нет взаимозаменяемости, образы бытия, создаваемые каждым подходом, как дополнительные, так и противоречивы, ибо объекты исследования, хотя и одни и те же, но берутся в различных аспектах. Например, в феноменологическом, функциональном и структурном подходах вещи моделируются как предикаты всеобщего, функционального и структурного общего, т.е. односторонне, и потому не имеют самостоятельного бытия, но в предмете познания служат проявлениями общего» (Гагаев, 1994).

В современный переходный период от одних научных подходов к другим, обусловленный переходом от одной парадигмы к другой и сменой онтологии разделенности бытия на онтологию его единства, одни научные подходы рельефно, другие штрихами проявили, по нашему мнению, суть и границы трех путей, которыми может идти современное развитие психологии, ориентированной на исследование целого и целостности как взаимосвязи внутри целого его составляющих, например слоев сознания, по В.П. Зинченко (Зинченко, Моргунов, 1994).

Первый путь связан с выделением субстратных единиц целого. Данное возможно осуществить в рамках доминирующего в конце XX столетия деятельностного подхода в психологии на основе базовой категории «деятельность» путем выделения субстратных единиц деятельности, но не психики, исследуемой через призму деятельности. Деятельностный подход имеет свои ограничения, например исследование общения способом вписывания в привычные рамки деятельности не раскрывает, а подменяет его суть. Подобным образом строится отношение к личности, а социальная ситуация развития, раскрываемая в культурно-историческом подходе, как считает В.В. Рубцов (Рубцов, 2016), в деятельностном подходе была заменена просто деятельностью с сохранением содержания социальной ситуации развития. При замещении понятий изменяются суть и смысл, вкладываемые при применении понятия. Замещение создает иную ситуацию реальности, отражаемую в понятии-заменителе. Этим вызваны некоторые противоречия в деятельностном подходе. В.П. Зинченко и Е.Б. Моргунов (Зинченко, Моргунов, 1994) отмечают, что «имеются принципиальные расхождения и трудности в трактовке понятия деятельности, выборе оснований для ее классификации, в создании таксономии единиц, предназначенных для ее анализа, в выборе адекватных методов исследования и т.д.» (Волкова, 2007, с. 4).

Главный принцип деятельностного подхода – связь психики с деятельностью. Следует заметить, что это только связь, а не постулирование дея-

тельностью природы, деятельностью сущности психики. Гиперболизация этого принципа и осуществление определенных подмен привели в прошлом веке приравниванию психики к деятельности без выделения недеятельной природы психики и ее проявлений. Так, следуя А.Н. Леонтьеву (Леонтьев, 1975), деятельностный подход в свое основание вносит существование двух видов деятельности: материальной, внешней деятельности и психической, внутренней, являющейся модификацией внешней. Такая онтологизация деятельности привела ко многим редуциям в исследовании психики, например к процессу интериоризации без категорий «развитие» и «рефлекс» или взглядам Н.Ф. Талызиной, считающей, что «деятельностный подход – это действительно построение новой психологии, не психологии функций, а психологии действий» (Талызина, 2001). Такая психология, по нашему мнению, не является новой и продолжает сводить психику к деятельности. По крайней мере для психологии катастрофично выделение в качестве ее субстратной единицы действия. Хотя Н.Ф. Талызина обозначает различие между психологией деятельности и деятельностным подходом, но существенно это не влияет на осуществляемое редуцирование психики к деятельности. В работах последователей подхода в качестве взаимозамещающих понятий употребляются «действие» и «деятельность», что тоже вносит противоречие в понимание сути этих понятий и их места относительно друг друга. Подобные противоречия можно встретить в работах А.Н. Леонтьева (Леонтьев, 1975), П.Я. Гальперина (Гальперин, 1998), С.Л. Рубинштейна (Рубинштейн, 1989, 1998), Н.Ф. Талызиной (Талызина, 2001) и др. С одной стороны, представители деятельностного подхода подчеркивают: считать, «что психика – это деятельность – неверно; ибо не всякий элемент психики является деятельностью» (Талызина, 2001). С другой стороны, утверждают, что «фактически психика существует в двух видах: она существует или как элемент практической деятельности, или как самостоятельный вид деятельности, удовлетворяющий всем требованиям понятия “деятельность”: имеет системное строение, включает все элементы системы, и так далее» (Талызина, 2001). Из последнего утверждения следует: если психика либо элемент, либо вид деятельности, то понятие «деятельность» шире понятия «психика». Следовательно, методологически корректным является исследование психологии деятельности, а не деятельностный подход в изучении психики.

Современное включение искусственного интеллекта в жизнь общества показывает, что деятельность может осуществляться без личности и ее активности. Если схему деятельности, по А.Н. Леонтьеву (Леонтьев, 1975), применить к искусственному интеллекту, то мало что изменится, кроме одного и самого существенного – программу для искусственного интеллекта разрабатывает человек и, более того, личность. Именно то, какой искусственный интеллект разрабатывается, определяется не деятельностью, а личностью. Психика обеспечивает деятельность и несводима к ней. Искусственный интеллект способен осуществлять деятельность, вырабатывать цель, задачи, выполнять действия, операции, но не обладает психи-

кой. Из наших рассуждений следует, что взгляды А.Н. Леонтьева о деятельности достаточны для понимания деятельности искусственного интеллекта, взгляды С.Л. Рубинштейна достаточны для понимания деятельности человека – субъекта, способного к своему саморазвертыванию, согласованию различных внутреннего и внешнего, управлению своей активностью. Научные школы, развивающие взгляды своих основоположников, в большинстве исследований не показывают ограничений деятельностного подхода. Выделение субстратных единиц в исследовании психологии деятельности позволит данному подходу встроиться в требования постнеклассической научной рациональности, предметом которой является исследование целого и целостности психологических феноменов.

В «деятельностном подходе» мы употребляем общепринятое обозначение; общенаучное понятие «субстратная единица» заменено понятием «единица анализа». В качестве субстратных единиц психики, рассматриваемой сквозь призму деятельности, выделяли: действие в деятельности (Гальперин, 1998); задачу («...в экспериментальных исследованиях школы П.Я. Гальперина критерием выделения деятельности служит задача. Система действий, приводящая к решению задачи, обозначается как деятельность, адекватная данной задаче» (Талызина, 2001)); «установку (Д.Б. Узнадзе писал: «Единица анализа субъекта деятельности и, соответственно, центральный предмет конкретных исследований – это определенная “модификация целостного субъекта”, или установка»), поступок (Л.И. Божович), отдельную деятельность (А.Н. Леонтьев), действие (Н.Д. Гордеева, В.П. Зинченко) и «совокупное действие» (Б.Д. Эльконин, В.П. Зинченко, А.И. Мещеряков, Б.Г. Мещеряков), которое можно отнести к синтезу деятельностного и культурно-исторического подходов, значащие переживания (Ф.В. Бассин), личностные смыслы (А.Н. Леонтьев), отношение (Б.Ф. Ломов) и другие» (Сизикова, 2022, с. 19).

Еще раз подчеркнем, что психика несводима к деятельности, следовательно, действие не является субстратной единицей психики, но является субстратной единицей деятельности, осуществляемой субъектом или личностью, индивидуально или коллективно. Задача является системообразующим элементом деятельности, но не субстратной единицей психики. В современных условиях исследование «задачи» перспективно для индустрии искусственного интеллекта. Таким образом, при наличии существенных противоречий в соотношении психики и деятельности, выстраиваемом по принципу линейного детерминизма, казуальной системности, не избежать размытости границ подхода, следовательно, сложностей с выделением субстратной единицы и, главное, уточнения субстратной единицы чего? Деятельностный подход в психологии при наличии указанных противоречий не рассматривается нами как соответствующий постнеклассическому типу научной рациональности. Его развитие может идти путем разрешения указанных противоречий и определения своих границ, развития психологии деятельности и выделения субстратных единиц психики именно в осуществлении деятельности.

Второй путь – более глубокое исследование культурно-исторической психологии, разработанной Л.С. Выготским: исследование понятий и «единиц анализа» психики, построение взаимосвязи между «единицами анализа» психики, выделение новых «единиц анализа целого». Все это соответствует способам исследования, определенным В.С. Стёпиным (Стёпин, 2006) как постнеклассический тип научной рациональности. Работы Б.Г. Мещерякова (Мещеряков, 1998) и Б.И. Беспалова (Беспалов, 2014) о логико-семантическом анализе центрального методологического основания культурно-исторической психологии – единицы анализа психики и других понятий, труды А.Д. Майданского (Майданский, 2008) о философских основаниях культурно-исторической психологии, статьи В.В. Рубцова (Рубцов, 2016) о проблемах культурно-исторической психологии, доклады и статьи Н.Н. Вересова (Вересов, 2005, 2018, 2020) о законах развития, принципах анализа, методе исследования в культурно-исторической психологии, книги и статьи Г.Г. Кравцова (Кравцов, 2006; Кравцов, Кравцова, 2029, 2020) и Е.Е. Кравцовой (Кравцова, 2012, 2014, 2018) о вершине культурно-исторической психологии – личности, а также о социальной ситуации развития, игре и обучении, В.Т. Кудрявцева (Асмолов, Кудрявцев, 2017; Кудрявцев, 1999) об императиве свободы в психологии Л.С. Выготского, В.С. Собкина (Собкин, 2021) о «точке извне», которой для Л.С. Выготского являлось искусство, – это далеко не полное перечисление «современного круга Выготского», неустанно трудящегося над все более глубоким раскрытием культурно-исторической психологии современникам. Л.С. Выготским разработана такая концепция психологии, которая имеет в себе источник развития, как и сама психика человека. Источником развития являются базовые, ядерные понятия – социальная ситуация развития, актуальная в любое историческое время, а также личность, обучение и развитие. Методологическая концепция «единиц анализа целого» психики делает культурно-историческую психологию онтологически завершенной и гносеологически развивающейся. Структура взаимопроникновения ядерных понятий и «единиц анализа целого» психики порождает многоплановость и вариативность в исследовании данной целостности как связей внутри структуры.

Третий путь – культурно-деятельностный подход как попытка синтезировать два противоположных подхода: культурно-исторический и деятельностный. Более всего представители культурно-деятельностного подхода раскрывают антропологическую сторону реальности жизни человека (направление СНАТ; идейный вдохновитель Майкл Коул (США)) и деятельностный аспект, культивируемый в рамках Международного общества культурно-исторических и деятельностных исследований (ISCAR), президентом которого является Катерина Плакитси (Греция). В России эти исследования поддерживаются А.Г. Асмоловым (2007), В.В. Рубцовым и соавт. (Рубцов и др., 2018).

Наша статья посвящена раскрытию новых возможностей в рамках второго пути развития современной психологии, основой которой являются

принципы постнеклассического типа научной рациональности (Стёпин, 2006). Мы предлагаем новый взгляд на культурно-историческую психологию и возможности ее развития. Мы применили метод Л.С. Выготского в построении психологии, исходя из «точки извне». Для Л.С. Выготского такой точкой было искусство, мы предлагаем рассмотреть еще из одну точку – философию.

Общность взглядов Л.С. Выготского и Н. Гартмана в методологических основах исследования реальности

Л.С. Выготский изначально в своей психологии задал онтологию целостности и раскрыл ее на примере выделяемых им «единиц анализа целого», например переживания как «клеточки», «в которой в неразложимом виде представлена, с одной стороны, среда, то, что переживается, – переживание всегда относится к чему-то, находящемуся вне человека, – с другой стороны, представлено то, как я переживаю это, т.е. все особенности личности и все особенности среды представлены в переживании» (Выготский, 2001, с. 75–76), «единство средовых и личностных моментов» (Выготский, 2001, с. 77); значения слова как единство мышления и речи (Выготский, 1999); «динамическая смысловая система, представляющая собой единство аффективных и интеллектуальных процессов» (Выготский, 1999, с. 19); мысли как единства аффекта и воли, «действительное и полное понимание чужой мысли становится возможным только тогда, когда мы вскрываем ее действительную, аффективно-волевою подоплеку <...> за каждой репликой героя драмы стоит хотение, как учит Станиславский, направленное к выполнению определенных волевых задач» (Выготский, 1999, с. 332); слова как единицы речевого мышления, являющейся единством мышления и речи (Выготский, 1999), в то же время «значение слова представляет в такой же мере единицу этих обеих функций речи (функция общения и функция мышления, мое), как и единицу мышления» и далее – «есть все основания рассматривать значение слова не только как единство мышления и речи, но и как единство обобщения и общения, коммуникации и мышления» (Выготский, 1999, с. 17); единицей звуковой стороны речи является единство значимого звука и знаковой стороны речи, выполняющего в целом функцию означения, а также смысловой стороны речи (Выготский, 1999). Он исследует психику нелинейно, выделяя единицы разного уровня обобщения. Например, слово, является единицей на более высоком уровне обобщения, значение слова и звук являются единицами более низкого уровня обобщения, можно предположить иерархические отношения между единицами анализа и порождение одних «единиц» из других. Данный вывод важен в связи с тем, что отношения, раскрываемые А.А. Медовой (Медова, 2010, 2016), между модальностями имеют как горизонтальные, так и иерархические связи, одни модальности порождают другие модальности.

Развитие понимания психологии Л.С. Выготским С.М. Морозов рассматривает как переход от понимания одной единицы к другой. «На каж-

дом из этапов развития психологической системы Л.С. Выготского автором используется в качестве методического средства особая единица анализа – соответственно «рефлекс» на первом этапе, «инструментальный акт» на втором этапе, «значение» на последнем этапе построения теории» (Морозов, 2002, с. 3). Но вывод, который сделан автором: «...таким образом, только интерпретация психики как деятельности, а деятельности – как единства поведения и психики позволит провести полноценный анализ понятий, выступающих в качестве единиц анализа в работах Выготского» (Морозов, 2002, с. 28), – нами не поддерживается и, более того, противоречит многим утверждениям самого автора, приведенным в его работе. По нашему мнению, в движении мысли Л.С. Выготского можно увидеть прообраз онтологии слоев Н. Гартмана и даже то, о чем сам Н. Гартман не писал, склоняясь к различию и самодостаточности, автономности слоев, но это не мешает нам, исходя из понимания целого, в каждом слое узреть эти слои в качестве ступеней.

Движение мысли Л.С. Выготского в исследовании «единиц анализа» психики данное делает очевидным для психологического слоя, представленного в критической онтологии Н. Гартмана. Критическую онтологию Н. Гартмана (Hartmann, 1964; Гартман, 2003) Л.С. Выготский не мог знать, но его путь целостного понимания психики провел его по всем четырем слоям данной онтологии как ступеням в одном слое. Л.С. Выготский в психологическом слое онтологии охватил материю в качестве оперирования ребенком орудиями, органический вид жизни в качестве рефлексов и натуральных функций человека, собственно душевный (психологический) как единство аффективной и интеллектуальной сфер личности, духовный (культурный) в качестве социальной ситуации развития, личности и ее культурных, высших функций. Обобщая, можно утверждать, что Л.С. Выготский и Н. Гартман искали решение общего вопроса отношения «познавательных» категорий к «предметным» на одной методологической платформе, но в разных предметностях.

Главная объединяющая платформа Л.С. Выготского и Н. Гартмана – это применение категорий «единство» и «целое» к рассматриваемым явлениям – психической реальности (Л.С. Выготский) и реальности в целом (Н. Гартман).

Л.С. Выготский так показал логику единства: «Кто оторвал мышление с самого начала от аффекта, тот навсегда закрыл себе дорогу к объяснению причин самого мышления, потому что детерминистический анализ мышления необходимо предполагает вскрытие движущих мотивов мысли, потребностей и интересов, побуждений и тенденций, которые направляют движение мысли в ту или другую сторону. Так же точно, кто оторвал мышление от аффекта, тот наперед сделал невозможным изучение обратного влияния мышления на аффективную, волевую сторону психической жизни, ибо детерминистическое рассмотрение психической жизни исключает как приписывание мышлению магической силы определить поведение человека одной своей собственной системой, так и превращение мысли

в ненужный придаток поведения, в его бессильную и бесполезную тень» (Выготский, 1999). Л.С. Выготский раскрывает данным примером реализацию идеи не только единства, но и целого, так как именно в целом можно выделить прямые и обратные связи между элементами так, чтобы эти связи представляли собой целостность, порождали такую единицу целого, которая отражает в себе все свойства и характеристики целого. Введением логики слоев и ступеней Н. Гартман решает ту же задачу, что и Л.С. Выготский.

К. Лоренц в работе «Оборотная сторона зеркала» приводит слова Н. Гартмана из работы *Der Aufbau der gealen*: «Точно так же психическое бытие и сознание обусловлено несущим их организмом, в котором и вместе с которым они только и могут явиться на свет. Подобным же образом великие исторические явления духовной жизни связаны с психической жизнью индивидов, их носителей в тех или иных условиях. Перемещаясь от слоя к слою через разделяющие их границы, мы каждый раз обнаруживаем одно и то же отношение основанности на “низшем”, обусловленности этим “низшим” и в то же время самостоятельности высшего в его своеобразии и собственной закономерности. Это отношение и есть, по существу, единство реального мира. При всем разнообразии и всей неоднородности мира он вовсе не лишен единства. Он обладает единством некоторой системы, но это система, состоящая из слоев. Реальный мир имеет слоистое строение. Дело здесь не в том, что разделительные границы непреодолимы – потому что они, может быть, непреодолимы только “для нас”, – а в появлении новых закономерностей, новых способов образования категорий, хотя и зависящих от низшего слоя, но своеобразных и самостоятельных по отношению к нему» (Лоренц, 1998).

Н. Гартман «все многообразие мира пытается охватить целостно, исходя из идеи всеединства. Следуя за ним, его онтология позволяет исследовать для сознания, рефлексии и других идеальных объектов психофизические и нейропсихические корреляты, что ранее считалось недопустимым в той парадигме, которая разводила существование материи и существование духа» (Сизикова, Дураченко, 2020, с. 162). Именно новое понятие реальности, введенное Н. Гартманом (Гартман, 2003), позволяет ему разработать строение реальности по слоям. Идеальное настолько же реально, как и материальное. Т.Н. Горнштейн поясняет, что «Фридрих Дессауер и другие подчеркивали коренное различие сфер духовной и материальной реальности: нельзя считать одной и той же реальностью естественнонаучную реальность и реальность человеческих судеб, как бы они ни были связаны» (Горнштейн, 1969, с. 31). Гартман отвечал: «Я не говорю, что судьбы – то же самое, что механические процессы. Но отсюда не следует, что их реальность, понятая строго как модус бытия, иная и что они разыгрываются в двух различных мирах. Напротив, один единственный реальный мир разнообразен; в нем имеет место одновременно самое гетерогенное. Падение камня может стать судьбой человека. Это не значит, конечно, что падение камня по закону Галилея тождественно с прежде-

временной смертью человека. Но это значит, что закон падения принадлежит к тому же общему реальному процессу, что и судьба человека» (Hartmann, 1935, S. 8).

Реальный мир в смысле реальности, по Н. Гартману, может быть исследован с помощью модального анализа во всех слоях. А.А. Пископелль считает, что «гартмановская онтология ориентирована антропологически, вся выстроена вокруг проблемы данности сущего отдельному человеку, возвышения эмоционально испытанного и пережитого («затронутости» миром) до объективного» (Пископелль, 2018, с. 214). Исследование переживания было одной из центральных тем того времени. Л.С. Выготский занимался переживанием как «единицей целостности». Г.П. Щедровицкий, слегка критикуя подход Н. Гартмана, писал: «...он вместе с тем иногда не разделял в своих рассуждениях два разнородных момента: человечество с его специфически общественными организованностями – языком, техникой, знаниями и т.п. и отдельного человека с его сознанием, психикой, переживаниями, специфическими целями и т.п., или, если говорить языком Гегеля, – “дух” и “душу”. Благодаря этому “знания”, “представления” и “понятия”, принадлежащие “разуму”, можно было относить в зависимости от потребностей и установок то к человечеству и его истории, то к отдельному человеку и его целенаправленным, сознательным действиям» (Щедровицкий, 1996, с. 240). Думаем, что Н. Гартман делал это осознанно, показывая, что человек, все области науки, его исследующие, могут применять модальный анализ, подразумевающий единичное во всеобщем, всеобщее в единичном.

А.А. Медова выделила центральную характеристику модального объекта: «...модальный объект обретает тождественность себе через тождественность иному и сохраняет единственность, будучи множественным» (Медова, 2016, с. 14–15).

Единая методологическая платформа Н. Гартмана и Л.С. Выготского позволяет разрабатывать модальную психологию, применение модального анализа в психологии, разработанной Л.С. Выготским, тем самым развивая культурно-историческую психологию. Замена понятия «единица анализа целого» на понятие «модальность» позволит не только сохранить в психологии анализ Л.С. Выготского, но и включить психологию во всеобщие онтологические связи всех наук, что, несомненно, обогатит психологию и позволит исследовать психику с новой позиции. Идентичность понятия «единица анализа целого», применяемого Л.С. Выготским, и модальности Н. Гартмана мы установили ранее (Сизикова, 2021, 2022)

Обращение к понятию «модальность» в психологии не ново. Мы выделяем два способа его использования. Первый способ осуществляется путем определения и применения фундаментальных, базовых модальностей ко всем категориям психики. Второй способ: выделение отдельных модальностей применительно к какой-либо категории психики. В первом случае можно говорить о модальной психологии, во втором – о модальном подходе в психологии.

Модальная психология

Попытки построения модальной психологии не новы. Они шли двумя путями. Первый путь – условно «собственно психологический», рожденный внутри психологии, другой путь – условно «извне», когда понятие из одной дисциплины, в нашем случае философии, переносится в другую, в данном случае психологию, сохраняя свои свойства. В нашей статье мы кратко, выделив отдельные работы в качестве примера, рассмотрим оба пути.

К первому, исторически первому, пути относятся исследования, рассматривающие модальности низшего уровня психики – восприятия – как первичные, и раскрывающие высшие уровни психики на их основе.

В психологии утвердилось и не опровергается в настоящее время модальное понимание восприятия. Модальности восприятия получили свою практическую реализацию, разработаны методики развития и обучения (Бандурка, 2000, 2005).

Л.М. Веккер пишет, что «через экспериментальную психологию ощущений, восприятий и представлений, т.е. через всю психологию образа, насквозь проходит категория качественной, модальной специфичности во всем многообразии ее конкретных характеристик» (Веккер, 1998), но «в массиве фактов и феноменов традиционной лабораторной экспериментальной психологии мышления свойство модальности отсутствует полностью» (Веккер, 1998). Данное свойство модальности мысли, точнее, мысли как модальности мышления, раскрывается при снятии пороговых ограничений. Л.М. Веккер считает, что «хотя модальность и не входит в число традиционно описываемых и анализируемых характеристик мысли, тот факт, что в области мысли снимаются пороговые ограничения, едва ли может вызвать серьезные сомнения» (Веккер, 1998).

Подход Л.М. Веккера хоть и получил поддержку научного сообщества, но не имел продолжения. Возможно, в связи со сложностью исследования высших психических функций. Этой сложностью объясняется то положение, что до настоящего времени исследование данных функций с помощью модального анализа не было востребовано. Об этой сложности Л.М. Веккер писал: «Устранение субъективных ограничений и наслоений не ликвидирует, а объективирует модальные характеристики, что выражается в их переводе в более общую систему отсчета и на более универсальный физический язык при сохранении, однако, тех специфических особенностей, которые воплощены в каждом из этих диапазонов (наше: восприятия) <...> Между тем это устранение субъективных лимитов и особенностей модальных характеристик, реализующее их объективацию при переходе от образа к мысли, принимается в традиционной психологии за исчезновение самих модальных характеристик <...> такой парадоксальной интерпретации, принимающей расширение и универсализацию соответствующей характеристики за ее исчезновение, способствует отождествление логико-символической и собственно психологической структуры мысли. При таком отождествлении психологическая структура мысли, поскольку она, как всякое соб-

ственно психическое образование, «трагически невидима», приносится в жертву структуре логико-символической, которая тем самым – будучи к тому же еще чувственно доступной – становится единственным объектом рассмотрения. В результате такой подстановки создается абстрактная теоретическая возможность (опирающаяся на возникающую этим же путем видимость эмпирической обоснованности) лишить мысль модальности <...> Так или иначе, в результате этих разнообразных взаимно дополняющих и усиливающих друг друга «эффектов маскировки» модальность интерпретируется традиционной психологией как специфическая характеристика только ощущений, восприятий и представлений, т.е. образов, или «первых сигналов» (Веккер, 1998). Л.М. Веккер делает глубокое предположение, что, «по-видимому, есть достаточные основания заключить, что модальность <...> является общей характеристикой по крайней мере всех познавательных психических процессов» (Веккер, 1998), тем самым прочерчивая путь модальной психологии «снизу вверх».

Исследуя мышление, Л.М. Веккер обосновывает то, как модальности восприятия в модальности мышления – мысли, объективируются и образуют ее полимодальность и интермодальность. Данный принцип мы назвали «порождением», порождение одних модальностей другими. Он отличен от принципа подмены – подмены одних модальностей другими. Принцип подмены раскрыт в работах Н. Гешвинда и концепции визуального мышления Р. Арнхейма (Арнхейм, 1974). Г.Т. Хант в своей работе «О природе сознания: с когнитивной, феноменологической и трансперсональной точек зрения» приводит заключение невролога Н. Гешвинд: «...все символическое познание основано на способности к трансляции между различными модальностями восприятия» (Хант, 2004, с. 35). А.А. Медова считает, что «принцип подмены реализуется в различных формах и качествах, попадая в определенные измерения сознания, т.е. демонстрирует его модальную природу» (Медова, 2010, с. 43). Из этого следует вывод, что связи между модальностями сознания строятся на основе двух принципов: порождения и подмены.

В целом предлагаемый Л.М. Веккером способ понимания мышления может рассматриваться как путь от низших ступеней к высшим, когда на каждой из ступеней модальные характеристики не исчезают, сохраняются и порождают новые благодаря объективации одних модальностей в других. Заслугой Л.М. Веккера, по нашему мнению, является выделение второго вида модальностей – это неизменяемые модальности при переходах от низшего к высшему. «Образы являются генетически исходным и более общим компонентом познавательных процессов, модальные свойства образов представляют родовые составляющие модальных характеристик, т.е. те их слагаемые, которые сохраняются и при переходе от образа к мысли как другому, высшему виду общего рода – “познавательные психические процессы”» (Веккер, 1998). В концепции Л.М. Веккера две модальности мышления – мысль и образ, в одной трансформируются модальности восприятия при переходе от низшего к высшему, другая относится к родово-

му, неизменяемому при переходе от низшего к высшему. Под модальностью Л.М. Веккер понимает качество и считает, что родовые модальности могут сохраняться на разных ступенях психического. Выделение родовых модальностей позволяет провести аналогию с архетипами в сознании, исследуемыми начиная с работ К.Г. Юнга (2020), но архетип несводим к модальности и ею не является.

В русле первого способа построения модальной психологии раскроем две концепции модального представления о сознании: М.И. Яновского (2005) и В.П. Зинченко, Е.Б. Моргунова (2004). М.И. Яновский применял понятие модальности, В.П. Зинченко не применял, но мы берем на себя смелость отнести его концепцию к модальной психологии. М.И. Яновский выделил структурные уровни сознания как модусы, и они аналогичны «регистрам» Ж. Лакана (2002). М.И. Яновский полагал, что «различные структурные уровни сознания представляют собой различные модусы интегрированности психики» (Яновский, 2005, с. 92). Такое понимание сознания позволяет проследить путь от «низшего к высшему», от уровня чувственной ткани до смыслов и значений (Яновский, 2005). Сделаем предположение, что не только взгляды Ж. Лакана повлияли на взгляды М.И. Яновского, но и концепция В.П. Зинченко. В.П. Зинченко применил логику слоев для сознания, а также выделил его целостные структурные элементы, связи между которыми выстроены от «низшего к высшему». В бытийном слое он выделил биодинамическую ткань движения и чувственную ткань образа, в рефлексивно-созерцательном слое – значение и смысл, в духовном слое – взаимодействующих Я и Другого. Слоистое понимание сознания уже само по себе является модальным. Слоям предназначено проникать друг в друга. Следовательно, биодинамическая и чувственная ткань объективируются в значении и смысле, а значение и смысл – в Я и Другом. Каждое может рассматриваться как модальность.

К настоящему времени собственно психологический способ «снизу вверх» построения модальной психологии реализован в исследовании восприятия, мышления, сознания. Фундаментом модального анализа являются модальности восприятия. Мы не встретили исследования личности, которые бы могли отнести к данному способу. Видимо, это указывает на ограничение возможностей способа «снизу вверх».

Второй путь – это путь «сверху вниз», он связан с построением трансдисциплинарных связей, позволяющих психологии встроиться во всеобщую онтологию, разрабатываемую в философии или другом знании, и применить тот метод, который адекватен исследованию онтологии психики, – модальный анализ.

Здесь мы представляем два проекта построения модальной психологии. Один – когда «точка извне» для построения «сверху вниз» модальной психологии берется из философии, другой – из богословия.

Первый проект обращается к критической онтологии, разработанной Н. Гартманом (Гартман, 2003). Такие понятия, как форма, средства, процесс, механизм, структура и др., в том числе и системообразующий фак-

тор, применяемые в системном подходе, раскрывают гносеологическую сторону психики и ее феноменов. Вопрос же онтологии в отечественной психологии волновал немногих. Л.С. Выготский первым научно диалектически подошел к онтологии психики. Его поиски на языке метатеории интерпретировала Дороти Роббинс в статье «Неклассическая диалектическая метапсихология Выготского» (Robbins, 2003). По ее мнению, теория Л.С. Выготского «развивается в единую трехчастную модель с философией, позиционирующей наверху, общими науками в середине и отдельными дисциплинами и практиками в нижней части модели, с диалектическим движением сверху вниз и снизу вверх. <...> Выготский позиционирует большую часть своего общего метода в рамках мета-теоретического единства и синтеза, <...> синтезировать эпистемологию (субъект–объект) и онтологию (упор на сознание и материю), оба из которых находятся в пределах конкретного подхода – диалектически научного. Диалектика включает в себя уровень более высокого синтеза, который затем поднимает этот метод до уровня метатеории в рамках психологии «высоты», в отличие от фрейдистской психологии «глубины» (Быкова, 2009).

Л.С. Выготский не обозначил конкретно онтологию психики, но ряд исследователей выделяют его онтологические допущения, которые они видят в культурно-исторической психологии, исходя из своих воззрений на этот предмет. Культурно-историческая «теория адекватна своему предмету: чем больше развиваешь, тем больше остается» (Эльконин, Зинченко, 2000), и далее – «Л.С. Выготский писал развитием о развитии» (Эльконин, 1996). В этих метких оценках Б.Д. Эльконин показывает, что исследовательский проект Л.С. Выготского выстраивался в онтологии развития.

П.Г. Щедровицкий считает, что «Лев Семенович не сумел однозначно примкнуть к какой-либо онтологии, взять на вооружение какую-то группу онтологических представлений и вместе с тем не смог построить свою собственную завершенную онтологическую картину. И в этом, с одной стороны, его сила, эффектность многих его построений, а с другой стороны, в этом, конечно, его слабость» (Щедровицкий, 1996, с. 4). Он доказывает, что в ранних работах Л.С. Выготского онтологическим допущением, формировавшимся под влиянием исторического времени и развития бихевиоризма, было поведение как ответ на вопрос: в чем суть человека как человека, в поздних работах – личность (Щедровицкий, 2005).

По нашему мнению, Л.С. Выготский вполне точно обозначил не только необходимость новой онтологии: «Психология в настоящее время переходит от чисто описательного, эмпирического и феноменологического изучения явлений к раскрытию их внутренней сущности» (Выготский, 1984б, с. 246), – но и определил, какой ей надлежит быть, чтобы действительно соответствовать раскрытию сущности психики как сложного многогранного образования, несводимого к сознанию, мышлению, рефлексу, действию, личности, физическому и физиологическому. «Психическое» относится Л.С. Выготским к той категории явлений, «внутренним элементом самого существования которых является с самого начала то, о действии чего мож-

но и, главное, приходится говорить на специально создаваемом для этого языке». И, подчеркнем, вне такого языка, а значит и вне правил, по которым можно вообще что-то помыслить о психике, «психика», «психическое» (соответственно, сознание, мышление и т.д.) остается фикцией и становится условием для появления разного рода псевдонаучных «мифов», таких как, например, отождествление психического с физиологическим или их «параллельное» сосуществование – писал В.А. Канаухов (Канаухов, 2012, с. 201–202). Для прояснения онтологии нужен специальный язык. Полагая предметом психологии личность и проникая в ее сущность, Л.С. Выготский пришел к новой онтологии, открыв совершенно иное онтологическое измерение на синтезе философии, психологии, педагогики, эпистимологии. Это онтология единства физического и психического, в котором психическое так же реально, как и материальное, и, как следствие, частная онтология – онтология личности, единства в ней индивидуального и культурного. Г.Г. Кравцов замечает, что «Л.С. Выготский оставил нам прямые указания о тождественности (в определенном смысле, конечно) понятий личности и развития: «Между личностью ребенка и ее культурным развитием мы ставим знак равенства» (цит. по: Психология личности : хрестоматия. Самара, 1999. Т. 2., с. 160). Далее он отмечает: «Личность развивается как целое» (Кравцов, 2006, с. 21). Личность является вершиной психики, присущей человеку, «только личность есть та тотальность, если воспользоваться этим термином Г.В.Ф. Гегеля, которая способна к развитию как к саморазвитию» (Кравцов, 2006, с. 20), что неоднократно подчеркивал Л.С. Выготский.

«“Старую” механистическую онтологию Ром Харрэ и Грант Жиллет условно называют “онтологией Ньютона”, а новую дискурсивную – “онтологией Выготского”» (Макаров, 2003, с. 15). «Дискурс как высказывание существует в качестве актуального события. Дискурсивная картина мира есть открытая динамическая система понятий, которая, с одной стороны, формируется под влиянием дискурсивных практик, а с другой – влияет на их интенциональность. С онтологической точки зрения эта система находится между языком и реальностью, оказывая влияние как на язык, так и на реальность», – поясняют А.В. Мельник и Т.И. Шемонаев (Мельник, Шемонаев, 2019, с. 5). Из разных трактовок онтологии, которую разработал Л.С. Выготский и, возможно, не завершил ее оформления, но данное не является компетенцией психологии, которой предназначено опираться в этом вопросе на философию, можно заключить общее: это новая онтология единства и взаимотрансформации, взаимопроникновения явлений, феноменов реального мира, в котором ментальное, психическое, душевное, духовное так же реально, как наблюдаемое и осязаемое материальное.

Таким образом, мы пришли к выводу, что в качестве онтологии психического культурно-историческая психология полагала развитие личности. Для такой онтологии Л.С. Выготский не успел разработать в полной мере адекватный язык, а взять его было неоткуда. Важно, что в данной онтологии невозможен, и мы обращаемся к высказыванию Г.Г. Кравцова, «пря-

мой путь в тупики натуралистических решений и хорошо известных псевдопроблем типа “биологического и социального” в психике человека, ущербных психологических понятий вроде понятия “социализация” и вымученных теорий адаптационно-гомеостатического свойства» (Кравцов, 2006, с. 20).

Завершенная онтология единства / целостности годом позже, после ухода из жизни Л.С. Выготского, была разработана Н. Гартманом. Критическая онтология позволяет выделять единицы целого, обладающие свойствами целого, и рассматривать действительность не в дихотомии материальное–идеальное, а как целое. Пойдя по пути развития, определяемому картезианским противоречием, психология утратила онтологию единого и целого. Л.С. Выготский ей ее возвратил, но для понимания этой ценности условия созрели только в настоящем времени. Равно как и «критическая онтология» Н. Гартмана, возвращающая целостность своей слоистой структурой взаимопроникновения слоев, в которых действительное – это не различение материального и идеального, познается глубоко и востребована только в наше время. У Л.С. Выготского и Н. Гартмана одна онтологическая и методологическая платформа, что позволяет «критическую онтологию» рассматривать как «точку извне» для построения модальной психологии. Культурно-историческую психологию мы относим к модальной психологии. Рассмотрим общие представления Л.С. Выготского и Н. Гартмана о реальности психики и ее онтологии. По Н. Гартману, «реальная, протекающая независимо от степени ее познания психическая жизнь существует очевидным образом, и она не тождественна сознанию. Она происходит в том же реальном времени, в котором происходят и физические события, изменяется и развивается в том же однозначно-необратимом отношении следования, обнаруживает тот же модус возникновения и исчезновения; она даже пребывает в многообразной взаимообусловленности с внешними событиями. Лишь непространственность отличает ее от них» (Гартман, 2003, с. 93). Психологическое для Н. Гартмана реально так же, как реален мир вещей, и подлежит не описанию, а объяснению. Из пространственно-временных характеристик бытия ему характерно время. Психологическая реальность в онтологии Н. Гартмана составляет третий слой бытия. Во взглядах Л.С. Выготского мы находим критику описательных концепций и метафизики, а также необходимость со стороны философии руководства психологией. А.А. Пископпель выделяет в работе Л.С. Выготского «Исторический смысл психологического кризиса», что «преодоление кризисного состояния психологической мысли, вооружение ее принципом практики, конечно, требует сознательного руководства со стороны философии, но “никакая философская система не может овладеть психологией как наукой непосредственно без помощи методологии, т.е. без создания общей психологии”» (Пископпель, 2018, с. 419). И «кто пытается перескочить через эту проблему, перепрыгнуть через методологию, чтобы сразу строить ту или иную частную психологическую науку, тот неизбежно, желая сесть на коня, перепрыгивает через него» (Пископпель, 2018, с. 419).

Что же общего во взглядах на онтологию реальности у Л.С. Выготского и Н. Гартмана? Это представления об онтологии единства и целого. «Единство, не данное содержательно, известно тем не менее как налично существующее. В этом смысле его можно прекрасно рассматривать как данное заодно (mitgegebenе). Именно это есть задача онтологии – впервые добиться от мира тайны этого единства. <...> Оно касается лишь способов бытия, отношений бытия, форм бытия» (Гартман, 2003, с. 131–132). План раскрытия Н. Гартманом новой онтологии единства является основополагающим в онтологии единства для любых исследований бытия в любых предметных областях и научных дисциплинах: «Первое исследование имеет дело с наиболее внутренним ядром онтологии – с учением о модальности. В его рамках должны быть приняты решения о сущностной возможности и реальной возможности, о сущностной необходимости и реальной необходимости, а косвенно, стало быть, и об идеальности и реальности вообще, равно как и о причинно-следственной связи, господствующей в пределах сфер бытия. Второе же имеет дело уже с конкретизацией сущего по его содержательной структуре и тем самым образует переход к учению о категориях» (Гартман, 2003, с. 139). Указанное утверждает, что психика модальна, все ее категории, изученные средствами атрибутивно-структурно-функциональных и феноменологического подходов, по своей сущности являются модальными объектами, и их исследование в рамках модальной психологии – это узнавание этих категорий «под другим углом зрения», из недекартовой системы координат.

Мы считаем, что модальное понимание психики в целом, о чем очень осторожно писал Л.М. Веккер в конце прошлого столетия (Веккер, 1998), нуждается в фундаментальном основании. Л.С. Выготский смотрел на психику из «точки извне», которой для него являлось искусство. Мы предлагаем такой «точкой извне» быть философии, чьей непосредственной функцией является исследование онтологии бытия. С.В. Чебанов в своем докладе, посвященном слоистой онтологии Николая Гартмана и ее отношению к предельным вопросам, выделил, что Н. Гартман является последним в европейской традиции создателем «философской системы, причем системы онтологии, что вообще является редкостью для XX в., озабоченного аксиологией, этикой, эпистемологией. Поэтому новая онтология Гартмана привлекает особое внимание <...>. Наиболее яркой чертой философии Гартмана при этом является выделение разных слоев онтологии, а не признание однородности бытия» (Чужов, Чебанов, 2014, с. 60).

Критическая онтология и культурно-историческая психология отвечают принципу целостности. Ю.В. Линник отмечал, что «1. Понятие целостности, которое Г. Дриш связывал исключительно с жизнью, Н. Гартман распространял также и на небиологические образования. 2. Н. Гартман отрицал реальность энтелехии как нематериального фактора. Однако, полемизируя с Гансом Дришем, он все же признает в биологических явлениях “нечто иррациональное, метафизический проблемный остаток, непроверяемый и неразрешимый одновременно”, полагает, что “своеобразие жиз-

ненного процесса остается метафизической загадкой»». И все же на место неуловимой энтелехии мыслитель ставит способность к самоорганизации, самовоссозданию (*Selbstwiederbildung*), предвзято на несколько десятилетий теорию диссипативных структур. Для Л.С. Выготского (Выготский, 1983) личность – это овладение собственным поведением, мышлением и деятельностью. Там, где овладение собой и самоорганизация, там вопросы рефлексии, которые не раскрыты у этих мыслителей, что создает возможность ее глубоко исследования на фундаментальных основаниях этих концепций.

Для истолкования феномена жизни Гартман предлагает «бесцельное возникновение целесообразного» и «само собой сохраняющееся равновесие без субстанциональности». Сфера живого для Николая Гартмана – промежуточная: «Именно здесь – большой пробел в нашем познании: своеобразный тип детерминации в жизненном процессе нам неизвестен. Это – причина, почему в нашем осознании живого либо каузальные, либо финальные представления постоянно выходят вперед и затемняют тот факт, что своеобразие жизненного процесса остается метафизической загадкой» (Чужов, Чебанов, 2014, с. 59). А.Л. Чужов, ссылаясь на фундаментальный труд Т.Н. Горнштейн, выделил различие между ранними и поздними работами Н. Гартмана в отношении основных вопросов психофизической и психофизиологической проблем, решаемых разными научными дисциплинами. Он отметил, что Н. Гартман понимал «ментальные состояния онтологически отличными от физических процессов, Н. Гартман, тем не менее, в поздний период своего творчества свою позицию радикально изменил. В таких своих сочинениях как *Grundzüge einer Metaphysik der Erkenntnis* (1921) и *Der Aufbau der realen Welt* (1940) он ограничивает причинность исключительно неорганическим слоем, отрицая тем самым причинность психофизическую. <...> Позднее, как свидетельствует анализ текста *Philosophies der Natur* (1950), отношения сознания и тела ему представлялись уже отношениями *sui generis*, подобными не пространству, а времени. Связь объекта и субъекта, по Гартману, дана нам в качестве феномена. Структуру и механизмы этой детерминации, названной им транскаузальной, он полагал загадочными и непознаваемыми (*resp.* апория знания). <...> психофизическая проблематика в позднем периоде творчества уходит из поля интересов философа. Вероятно, это связано <...> все отчетливее обозначавшимся тупиком психофизической проблемы» (Щедровицкий, 2005, с. 61).

Суть психофизиологической проблемы в данной редакции была сформулирована еще Л.С. Выготским, который писал: «Как известно, две основные проблемы до сих пор еще не разрешены для старой психологии: проблема биологического значения психики и выяснения условий, при которых мозговая деятельность начинает сопровождаться психологическими явлениями» (Выготский, 1982, с. 139), – и продолжает, – «это есть целостный процесс поведения, который тем и характерен, что имеет свою психическую и свою физиологическую стороны, но психология изучает его

именно как единый и целостный процесс» (Выготский, 1982, с. 138). К сожалению, эти проблемы в современной «старой» психологии не разрешены до сих пор и не могут быть разрешены в связи с недостаточностью метода. Противоречия, обозначенные этими проблемами, снимаются только в модальной психологии.

Синергетический подход, претендующий на создание единой картины мира, имеющий междисциплинарный характер, разработанный в онтологии целостности, которую из себя представляет система (открытая и закрытая), не разрешает эти противоречия. Сторонники синергии применяют метод синтеза к данным об объекте, полученным из атрибутивно-структурно-функциональных и феноменологического подходов, объясняют через бифуркацию, повышение уровня сложности системы, взаимодействие человека и среды, через проверку действием самоорганизации открытой системы. Данное не является сменой координат, это смена метода. Но в синергетическом подходе анализ неживой природы, строящийся на принципе условно называемого нами «упорядоченного хаоса», раскрывающего самоорганизацию в закрытых системах, когда рост энтропии зависит от числа возможностей, и в открытых системах, когда возможности управляемы, что является основанием самоорганизации, вполне согласуется с представлением Н. Гартмана о неорганическом слое реальности. Попытки перенести основной принцип синергетики на живую природу в некоторых случаях успешны, тем самым создается видимость единства разных миров, единой картины мира. В свое время Н. Гартман предупреждал, что в слоях психическом и духовном, как и в каждом из четырех слоев, работают свои принципы и объяснительными являются собственные категории. Слои едины, к их анализу можно применить один доступный для всех слоев метод – модальный анализ, но принципы, категории в каждом слое соответствующие только ему, что предохраняет от соблазна прямых переносов принципов и категорий из одного слоя в другой. Следует отдать должное основателю синергетики Г. Хакену, отвечающему на им же поставленный вопрос: «Не могут ли процессы такого рода в конечном счете обладать свойствами, сходными со свойствами, характеризующими жизнь? Хотя, по-видимому, полностью исключить подобные допущения нельзя, все же жизни на Земле, по-видимому, присуще еще кое-что, чем не обладают открытые системы, наблюдаемые в неживой природе» (Хакен, 2003, с. 292). Эту рамку ограничений необходимо удерживать последователям синергетического подхода, в то же время она открывает возможности для новых исследований в психологии. Анализ самоорганизации открытых живых систем способствует пониманию роли рефлексии в данном процессе и ее модальностей, через призму которых раскрывается сущность самоорганизации (Сизикова, 2019а).

Модальный анализ Н. Гартмана (Гартман, 2003) осуществляется с помощью нахождения в феноменах реальности отношений модальностей действительного, возможного, необходимого и их противоположностей. Такой анализ для эстетики реализовал М. Эпштейн (Эпштейн, 2001). В разработке

модальной психологии можно воспользоваться данным опытом, но, как нам видится, применимое традиционное отношение двух модальностей к действительному необходимо сменить раскрытием тройственных отношений (триангулярных) между модальностями. Исследуя рефлексивность, мы построили на основе модального анализа триангулярную сеть полимодальности рефлексии (Сизикова, 2019б; Сизикова, Дураченко, 2020).

Второй проект. В исследованиях А.А. Медовой «точкой извне» является обращение к богословию. Модальности сознания, к которым, по ее мнению, относятся время, пространство, Я, самоидентичность, язык, символ, смысл и др., раскрываются на фундаменте триединства в христианской философии. Ее ход мысли в доказательстве модальной природы сознания движется от высшего к низшему, от духовно-культурного слоя (по Н. Гартману, 2003) к психологическому.

Проводя параллели между ипостасью и модальностью, она пишет, что «ипостасность представляет собой логический предел модальности. Это модальность в ее “радикальной” форме. Отличие модуса и ипостаси лишь в том, что модусы, будучи одной и той же вещью, по сути, между собой все же различны, ипостаси же, будучи одной и той же сущностью, абсолютно совпадают, сохраняя при этом абсолютное тождество. Идея ипостасности абсолютизирует аспект тождества модусов, но сохраняет сам принцип модальности» (Медова, 2010, с. 42). Модальность она понимает как суть одного и того же, представление одного через другое. Например, она приводит взгляды Спинозы, который считал, что смысл под другим углом зрения предстает как язык, «время в экзистенциализме и феноменологии интерпретируется как Я и т.д.» (Медова, 2010, с. 42). Она выделяет три основные характеристики в сравнении модальности и ипостаси относительно сознания: тождественное различие, самоотношение и личностность. Первые две из них «являются и важнейшими признаками сознания в его модальной трактовке, они не раз отмечались в феноменологии, аналитической философии и психоанализе» (Медова, 2010, с. 40). Суть модальной интерпретации, считает А.А. Медова, «заключена в описании актов и содержаний сознания как измерений единого объекта» (Медова, 2010, с. 38), понимая модальности как измерения. «Сознание по своей природе модально <...> Суть модальности – обнаружение самоотношения объекта <...> Модус – это особое измерение объекта или форма его существования, что в данном случае одно и то же. Модусы сознания образуют определенные его измерения или “силовые поля”, в зависимости от которых мы выделяем различные группы или регистры модальностей. Применительно к сознанию можно говорить о множестве типов (регистров) модальностей, так как модальность сама порождает модальные же отношения» (Медова, 2010, с. 38).

В целом мы показали возможности разработки модальной психологии в будущем при опоре на «точку извне». В качестве такой опоры мы раскрыли философию, позволяющую психологии, сохраняя границы своей самостоятельности как научной дисциплины, быть во всеобщей связи со

всеми науками в одной онтологии. Богословская «точка извне» выводит психологию за границы научной дисциплины, и опора на теологическую онтологию может увести от основной задачи психологии – видеть за предметом, что не позволяет просто верить в предмет.

Точка «извне», о которой говорил Л.С. Выготский, находя ее в искусстве при построении «одной психологии», не встраивает психологию во всеобщую онтологию, но позволяет выполнить основную задачу психологии – вскрыть видимое и в нем невидимое.

Наиболее оптимальный путь построения новой (модальной) психологии – в рамках всеобщей онтологии при опоре на культурно-историческую психологию. Тем и сильна культурно-историческая психология, что она имеет в себе ресурсы развития уже на протяжении столетия и неиссякаема в силу своей онтологичности.

Модальный подход

Модальный подход характеризуется центральной категорией «модальность», применяемой в качестве определенной формы выделения целостности психологического объекта к разным объектам без построения модальной связи между ними. Выделение форм целостности не представляет систему, построенную вертикально, каждый объект раскрывается через горизонтальную систему его модальностей. Модальный подход в психологии не является по полноте охваченных объектов психики завершенным и полным. Лишь отдельные модальные объекты подлежали исследованию их целостности. К модальному подходу мы относим исследования Р. Бернсом личности (Бернс, 1986). В работе Р. Бернса «Развитие Я-концепции и воспитание» представлены три модальности личности: реальное «Я», зеркальное (социальное) «Я», идеальное «Я». В каждой из модальностей он выделил качественные характеристики: физическое Я, социальное Я, умственное Я, эмоциональное Я (Бернс, 1986). Отношения между этими тремя модальностями определяют ту или иную личность, что позволяет в другой, ортогональной, плоскости строить типологию, классификацию, стиль, вид, структуру и другие гносеологические единицы личности.

Отметим, что некоторые антропологические концепции оперируют понятием «модальная личность» (Linton, 1938; Kardiner, 1945; Inkeles, Levinson, 1969), но по своим основаниям мы не можем отнести их ни к одному из рассматриваемых в статье путей и способов разработки модальной психологии. R. Linton в середине прошлого века вводит понятие «модальная личность», которое отражает наиболее распространенный тип личности в данной общности. Т.Г. Стефаненко считает, что «в отличие от базовой личности, понятие модальной личности описывает не общие особенности всех членов общности, а лишь присущие ее большинству характеристики. Что также важно, R. Linton рассматривает именно общности, а не культуры, так как это понятие больше соответствует современным обществам, которые могут включать в себя несколько культур» (Стефаненко,

2004). В работах А. Inkeles, D.J. Levinson (1969), приводятся разные виды модальной личности, получившей наибольшее количество процентов представленности такого вида личности в общности, включающей этнические, религиозные, профессиональные и другие характеристики. На наш взгляд, такой подход упрощает понимание и применение модальности в исследованиях. Личность модальна, но модальная личность – это такое понятие, в котором произведена подмена сути, равно как если бы было введено современное понятие «цифровая личность».

Таким образом, исследования, оперирующие понятием модальности, могут быть отнесены к модальному подходу или модальной психологии. Как подход, так и психология имеют свои основания в понимании того, что является модальностью, а также метода модального анализа «снизу вверх» или «сверху вниз», либо горизонтально как отдельно взятая система.

Проект модальной психологии не разработан. Каждый из указанных путей и способов имеет начало, но не имеет завершения, рамки которого определяются полнотой исследованности психики человека. Мы раскрыли возможность таких разработок, что является перспективным в поиске путей разрешения кризиса психологии, начавшегося в начале прошлого века и еще не завершившегося в наши дни, переживая смену уже третьей парадигмы.

Литература

- Арнхейм, Р. (1974). *Искусство и визуальное восприятие* : пер. на рус. яз. с изм. М.: Прогресс.
- Асмолов, А. Г. (2007). *Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека*. М.: Смысл; Академия.
- Асмолов, А. Г., Кудрявцев, Т. В. (2017). Культурно-историческая психология – «наука о свободе». *Вестник РГГУ. Сер. Психология. Педагогика. Образование*, 1, 18–38.
- Бандурка, Т. Н. (2000). *Методика исследования модальной структуры восприятия у студентов, изучающих иностранный язык в вузе*. Иркутск: Иркут. гос. ун-т.
- Бандурка, Т. Н. (2005). *Полимодальность восприятия в обучении. Как раздвинуть границы познания*. Иркутск: Оттиск.
- Бернс, Р. (1986). *Развитие Я-концепции и воспитание*. М.: Прогресс.
- Беспалов, Б. И. (2014) Логико-семантический анализ и развитие представлений Л. С. Выготского о «единицах» и «элементах» психологических систем. *Национальный психологический журнал*, 1, 18–31.
- Быкова, Ю. А. (2009). *Реферативный обзор «Некоторые актуальные проблемы современной культурно-исторической психологии»*. URL: <http://www.vygotsky.mgppu.ru/index.php/ru/publications/85-lit/144-kip-question.html> (дата обращения: 01.02.2022).
- Веккер, Л. М. (1998). *Психика и реальность. Единая теория психических процессов*. URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/6487/6498> (дата обращения: 01.02.2022).
- Вересов, Н. Н. (2005). Ведущая деятельность в психологии развития: понятие и принцип. *Культурно-историческая психология*, 1(2), 76–86. ORCID: 0000-0001-8714-7467
- Вересов, Н. Н. (2018). Живая ткань живой работы. *Культурно-историческая психология*, 14(4), 25–29. doi: 10.17759/chp.2018140404
- Вересов, Н. Н. (2020). Что нам делать с «Большой Королевской Печатью»: новая реальность в наследии Выготского. *Культурно-историческая психология*, 16(2), 107–117. doi: 10.17759/chp.2020160212

- Волкова, М. Н. (2007). *Деятельностный подход и категория деятельности в психологии: учеб. пособие*. Владивосток: Мор. гос. ун-т.
- Выготский, Л. С. (1982). *Психика, сознание, бессознательное*. М.: Педагогика.
- Выготский, Л. С. (1983). *История развития высших психических функций*. М.: Педагогика.
- Выготский, Л. С. (1984а). *Орудие и знак в развитии ребенка*. М.: Педагогика.
- Выготский, Л. С. (1984б). *Проблема возраста*. М.: Педагогика.
- Выготский, Л. С. (1999). *Мышление и речь*. М.: Лабиринт.
- Выготский, Л. С. (2001). *Лекции по педологии*. Ижевск: Удмуртский университет.
- Гагаев, А. А. (1994). *Теория и методология субстратного подхода в научном познании: автореферат дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.01*. М.: МГУ. URL: <http://www.dslib.net/ontologia/teorija-i-metodologija-substratnogo-podhoda-v-nauchnom-poznanii.html> (дата обращения: 01.02.2022).
- Гальперин, П. Я. (1998). *Психология как объективная наука*. М.: Ин-т практической психологии; Воронеж: НПО «МОДЭК».
- Гартман, Н. (2003). *К основоположению онтологии*. СПб.: Наука.
- Горнштейн, Т. Н. (1969). *Философия Николая Гартмана (критический анализ основных проблем онтологии)*. Ленинград: Наука.
- Зинченко, В. П., Моргунов, Е. Б. (1994). *Человек развивающийся. Очерки российской психологии*. М.: Тривола.
- Карнаухов, В. А. (2012). К истокам «неклассической» психологии: попытка интерпретации представлений о сущности психики в статье Л. С. Выготского «Методика рефлексологического и психологического исследования». *Научные ведомости. Сер. Гуманитарные науки*, 24(143), 200–205.
- Кравцов, Г. Г. (2006). Проблема личности в культурно-исторической психологии. *Культурно-историческая психология*, 2(1), 18–25.
- Кравцов, Г. Г., Кравцова Е. Е. (2019). Воображение и творчество: культурно-исторический подход. *Психолого-педагогические исследования*, 11(1), 1–11.
- Кравцов, Г. Г., Кравцова Е. Е. (2020). Взаимосвязь обучения и развития: проблемы и перспективы. *Культурно-историческая психология*, 16(1), 4–12.
- Кравцова, Е. Е. (2012). Культурно-исторические основания трансформации натуральных психических функций в высшие психические функции. *Вестник РГГУ. Сер. Психология. Педагогика. Образование*, 15(95), 87–102.
- Кравцова, Е. Е. (2014). Современные исследования в культурно-исторической психологии. *Вереск. Интернациональный научный журнал*, 1, 49–70.
- Кравцова, Е. Е. (2018). Роль и место психологии искусства в культурно-исторической психологии Л. С. Выготского. *Человек. Искусство. Вселенная*, 1, 38–45.
- Кудрявцев, Т. В. (1999). *Психология развития человека: основания культурно-исторического подхода*. Рига: Эксперимент.
- Лакан, Ж. (2002). *Семинары. Кн. 5: Образования бессознательного (1957–1958 гг.)*. М.: Гнозис; Логос.
- Леонтьев, А. Н. (1975). *Деятельность. Сознание. Личность*. М.: Политиздат.
- Лоренц, К. (1998) *Оборотная сторона зеркала*. М.: Республика. URL: http://www.uhlib.ru/nauchnaja_literatura_prochee/oborotnaja_storona_zerkala/index.php (дата обращения: 01.02.2022).
- Макаров, М. (2003). *Основы теории дискурса*. М.: Гнозис.
- Майданский, А. Д. (2008). Выготский–Спиноза: диалог сквозь столетия. *Вопросы философии*, 10, 116–127.
- Медова, А. А. (2010). Понимание сознания в модальном ключе. *Вестник Томского государственного университета*, 335, 38–43.
- Медова, А. А. (2016). *Онтология модальности: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.01*. Красноярск: КГУ.

- Мельник, А. В., Шемонаев, Т. И. (2019). Дискурсивная картина мира: онтологический анализ. *Известия Уральского федерального университета. Сер. 3, Общественные науки*, 14(2(188)), 5–13.
- Мещеряков, Б. Г. (1998). *Логико-семантический анализ концепции Л. С. Выготского*. Самара: Изд-во Самар. гос. пед. ин-та.
- Морозов, С. М. (2002). *Предмет исследования и единицы анализа в психологической системе Л.С. Выготского*: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01. М.: МГУ.
- Пископфель, А. А. (2018). «Критическая онтология» Н. Гартмана и психическая реальность. *Ярославский педагогический вестник*, 5, 210–222. doi: 10.24411/1813-145X-2018-10170
- Рубинштейн, С. Л. (1989). Принцип творческой самодеятельности. *Вопросы философии*, 4, 88–95.
- Рубинштейн, С. Л. (1998). *Основы общей психологии*. СПб.: Питер Ком.
- Рубцов, В. В. (2016). Культурно-историческая научная школа: проблемы, которые поставил Л. С. Выготский. *Культурно-историческая психология*, 12(3), 4–14. doi: 10.17759/chp.2016120301
- Рубцов, В. В., Коул, М., Верч, Дж., Асмолов, А. Г., Эльконин, Б. Д., Лекторский, В. А., Нечаев, Н. Н., Кудрявцев, В. Т., Ахутина, Т. В., Глозман, Ж. М., Фаликман, М. В., Марголис, А. А., Гуружапов, В. А. (2018). Творческий потенциал культуры и человеческое развитие (круглый стол методологического семинара под руководством В. В. Рубцова и Б. Д. Эльконина). *Культурно-историческая психология*, 14(4), 41–51. doi: 10.17759/chp.2018140406
- Сизикова, Т. Э. (2019а). Влияние полимодальности рефлексии на самоорганизацию личности. *Science for Education Today*, 1, 57–75. doi: 10.15293/2658-6762.1901.04
- Сизикова, Т. Э. (2019б). Методологические основания модальной психологии рефлексии. *Сибирский психологический журнал*, 72, 21–45. doi: 10.17223/17267080/72/2
- Сизикова, Т. Э. (2021). «Единица анализа» Л.С. Выготского и модальный анализ Н. Гартмана: размышления в поиске новой психологии. В сб.: *Психология творчества и одаренности*: Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием 15–17 ноября 2021 г., Москва (с. 263–268). М.: Ассоциация технических университетов. URL: <http://atuniversities.ru/wp-content/uploads/odarennost-2021-3.pdf> (дата обращения: 28.03.2022).
- Сизикова, Т. Э. (2022). «Единица анализа» Л. С. Выготского и «модальность» Н. Гартмана. *Сибирский психологический журнал*, 85, 6–34.
- Сизикова, Т. Э., Дураченко, О. А. (2020). *Исследование и психодиагностика рефлексии: учеб. пособие*. Новосибирск: Изд-во НГПУ.
- Собкин, В. С. (2021). Михаил Лермонтов в работах Льва Выготского: поэт в культурном диалоге с ученым. *Вопросы психологии*, 67(5), 1–25.
- Стёпин, В. С. (2006). *Философия науки. Общие проблемы*. М.: Центр гуманитарных технологий. URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/5321/5326> (дата обращения: 14.03.2022).
- Стефаненко, Т. Г. (2004). *Этнопсихология*. М.: Аспект Пресс.
- Талызина, Н. Ф. (2001) Сущность деятельностного подхода в психологии. URL: http://psy.msu.ru/science/seminars/activity/materials/01_talyzina.pdf (дата обращения: 14.03.2022).
- Хакен, Г. (2003). *Тайны природы. Синергетика: учение о взаимодействии*. М.–Ижевск: Институт компьютерных исследований.
- Хант, Г. Т. (2004). *О природе сознания: с когнитивной, феноменологической и трансперсональной точек зрения*. М.: АСТ.
- Чужов, А. Л., Чебанов С. В. (2014). Николай Гартман на «Днях философии в Санкт-Петербурге – 2014». *Холизм и здоровье*, 2(10), 58–62.
- Щедровицкий, П. Г. (1996). Л. Выготский и современная педагогическая антропология. URL: <http://knigi1.dissers.ru/books/library1/7115-4.php> (дата обращения: 01.02.2022).

- Щедровицкий, Г. П. (2005). *Мышление. Понимание. Рефлексия*. М.: Наследие ММК.
- Эльконин, Б. Д. (1996). Предисловие к циклу лекций П.Г. Щедровицкого «Лев Выготский и современная педагогическая антропология». *Экспериментальная жизнь*. URL: <https://shchedrovitskiy.com/elkonin-predislovie> (дата обращения: 01.02.2022).
- Эльконин, Б. Д., Зинченко, В. П. (2000). *Психология развития (по мотивам Л. Выготского)*. URL: <https://www.psychology.ru/library/00073.shtml> (дата обращения: 01.02.2022).
- Эпштейн, М. Н. (2001). *Философия возможного*. СПб.: Алетейя.
- Юнг, К.Г. (2020). *Архетипы и коллективное бессознательное*. М.: АСТ.
- Яновский, М. И. (2005). Внимание как критерий оценки состояния сознания. *Вопросы психологии*, 6, 91–97

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе *References* после англоязычного блока.

Поступила в редакцию 03.05.2022 г.; повторно 06.02.2023 г.;
принята 08.02.2023 г.

Сизикова Татьяна Эдуардовна – доцент кафедры коррекционной педагогики и психологии Новосибирского государственного педагогического университета, кандидат психологических наук.

E-mail: tat@ccru.ru

For citation: Sizikova, T. E. (2023). Modal Approach in Psychology and Modal Psychology. *Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal – Siberian journal of psychology*, 87, 6–35. In Russian. English Summary. doi: 10.17223/17267080/87/1

Modal Approach in Psychology and Modal Psychology

T.E. Sizikova¹

¹ Novosibirsk State Pedagogical University, 28, Vilyuiskaya St., Novosibirsk, 630126, Russian Federation

Abstract

Relevance. The author believes that in connection with the new challenges of the time, one of which is the dominance of integrity over systemicity, it is necessary to revise the existing scientific psychology. The article discusses the development project of a new, modal psychology, corresponding to the post-non-classical type of scientific rationality. **Problemization:** In order to identify contradictions, the author concretizes the main existing directions in the development of domestic psychology, highlighting their limitations and opportunities. Regarding the activity approach, the author calls for a revision of the boundaries and purification from the substitution of concepts. The cultural-historical approach shows potential for modal psychology. The cultural and activity direction is supported within the framework of the development of education. The author comes to the conclusion about the need for a new psychology developed on the foundation of cultural-historical psychology. **The purpose of the article** is to reveal the commonality between the cultural-historical psychology of L. S. Vygotsky and the critical ontology of N. Hartmann in order to highlight the foundations for constructing modal psychology. The author applied the **analytical method:** allocation of general and particular, comparison, generalization and systematization. More than 70 sources were involved in the analysis. **Results:** In the study of existing domestic fundamental approaches in psychology, the author reveals cultural-historical psychology (CHP) as a post-non-classical scientific knowledge and builds parallels with the critical ontology of N. Hartmann to justify the built-in (CHP) into the universal ontology. For the modal psychology project, a basic distinction is

introduced: modal approach and modal psychology. The author adopts the method of L. S. Vygotsky - the construction of psychology from a "point from outside". This method is transferred to modal psychology, for which the "point" serves as a support as a philosophy. The author identifies two ways of building modal psychology: "from below" and "from above", showing that each has a source and is not complete. On the example of his own studies of reflection, the author confirms the possibility of building a modal psychology in a "top-down" way. **Main conclusions:** 1) A unified methodological platform of the views of L. S. Vygotsky and N. Hartman in matters of the ontology of reality, the method of studying the whole, and the attitude to the individual. 2) The concepts of perception, consciousness, personality, thinking, in which the concept of modality is applied, are the potential for the development of the modal approach and modal psychology. 3) In all the variety of applications of the concept of modality in psychology, two ways of constructing modal psychology are definitely distinguished, one "from the bottom up", when the modalities of perception do not disappear and are objectified in higher psychological functions, and the other, "from top to bottom" from the "point from outside", given philosophy, when the ontic modalities of the necessary, the possible, the actual and their opposites are used for analysis. 4) The author defines cultural-historical psychology as the foundation for building modal psychology "from top to bottom", arguing in this article by the similarity of methods: analysis using "units of analysis of the whole" (L. S. Vygotsky) and modal analysis (N. Hartman).

Keywords: modal approach; modal psychology; activity approach; cultural-historical psychology; modality; unit of mental analysis; critical ontology.

References

- Arnheim, R. (1974). *Iskusstvo i vizual'noe vospriyatie* [Art and visual perception] (V. N. Samokhin, Trans.). Moscow: Progress.
- Asmolov, A. G. (2007). *Psikhologiya lichnosti: kul'turno-istoricheskoe ponimanie razvitiya cheloveka* [Psychology of personality: Cultural and historical understanding of human development]. Moscow: Smysl; Akademiya.
- Asmolov, A. G., & Kudryavtsev, T. V. (2017). Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya – "nauka o svobode" [Cultural-historical psychology is the "science of freedom"]. *Vestnik RGGU. Ser. Psikhologiya. Pedagogika. Obrazovanie*, 1, 18–38.
- Bandurka, T. N. (2000). *Metodika issledovaniya modal'noy struktury vospriyatiya u studentov, izuchayushchikh inostrannyi yazyk v vuze* [Methodology for studying the modal structure of perception students studying a foreign language at the university]. Irkutsk: Irkutsk State University.
- Bandurka, T. N. (2005). *Polimodal'nost' vospriyatiya v obuchenii. Kak razdvinut' granitsy poznaniya* [Polymodal Perception in Teaching. How to Push the Boundaries of Knowledge]. Irkutsk: Ottisk.
- Burns, R. (1986). *Razvitie Ya-kontseptsii i vospitanie* [Development of self-concept and education] (Trans.). Moscow: Progress.
- Bespalov, B. I. (2014) Logical-semantic analysis and development of L.S. Vygotsky's ideas about "units" and "elements" of psychological systems]. *Natsional'nyy psikhologicheskiy zhurnal – National Psychological Journal*, 1, 18–31. (In Russian). doi: 10.11621/npj.2014.0102
- Bykova, Yu. A. (2009). *Referativnyy obzor "Nekotorye aktual'nye problemy sovremennoy kul'turno-istoricheskoy psikhologii"* [Abstract review "Some topical problems of modern cultural-historical psychology"]. Retrieved from: <http://www.vygotsky.mgppu.ru/index.php/ru/publications/85-lit/144-kip-question.html> (Accessed: 1st February 2022).
- Chuzhov, A. L., & Chebanov, S. V. (2014). Nikolay Gartman na "Dnyakh filosofii v Sankt-Peterburge – 2014" [Nikolai Hartman at the "Days of Philosophy in St. Petersburg – 2014"]. *Kholizm i zdorov'e*, 2(10), 58–62.

- Elkonin, B. D. (1996). *Predislovie k tsiklu lektsiy P.G. Shchedrovitskogo "Lev Vygotskiy i sovremennaya pedagogicheskaya antropologiya". Eksperimental'naya zhizn'* [Preface to the series of lectures by P.G. Shchedrovitsky "Lev Vygotsky and modern pedagogical anthropology". Experimental life]. Retrieved from: <https://shchedrovitskiy.com/elkonin-predislovie> (Accessed: 1st February 2022).
- Elkonin, B. D., & Zinchenko, V. P. (2000). *Psikhologiya razvitiya (po motivam L. Vygotskogo)* [Psychology of development (based on L. Vygotsky)]. Retrieved from: <https://www.psychology.ru/library/00073.shtml> (Accessed: 1st February 2022).
- Epstein, M. N. (2001). *Filosofiya vozmozhnogo* [Philosophy of the Possible]. St. Petersburg: Aleteyya.
- Gagaev, A. A. (1994). *Teoriya i metodologiya substratnogo podkhoda v nauchnom poznanii* [Theory and methodology of the substrate approach in scientific knowledge]. Abstract of Psychology Dr. Diss. Moscow. Retrieved from: <http://www.dslib.net/ontologia/teoriya-i-metodologiya-substratnogo-podkhoda-v-nauchnom-poznanii.html> (Accessed: 1st February 2022).
- Galperin, P. Ya. (1998). *Psikhologiya kak ob"ektivnaya nauka* [Psychology as an Objective Science]. Moscow: Institute of Practical Psychology; Voronezh: NPO MODEK.
- Gornstein, T. N. (1969). *Filosofiya Nikolaya Gartmana (kriticheskiy analiz osnovnykh problem ontologii)* [Philosophy of Nikolai Hartmann (a critical analysis of the main problems of ontology)]. Leningrad: Nauka.
- Haken, G. (2003). *Tayny prirody. Sinergetika: uchenie o vzaimodeystvii* [Secrets of Nature. Synergetics: The Doctrine of Interaction] (A. R. Logunov, Trans.). Moscow; Izhevsk: Institute for Computer Research.
- Hartmann, N. (1935). Zum Problem der Realitätsgegebenheit. *Revue Philosophique de la France Et de l, 120*(9).
- Hartmann, N. (1964). *Der Aufbau der realen Welt*. Berlin: Berghahn Books. Retrieved from: https://books.google.vg/books?id=52_0lOyaemEC&printsec=frontcover&source=gbv_atb#v=onepage&q&f=false
- Hartmann, N. (2003). *K osnovopolozheniyu ontologii* [On the basis of ontology] (Yu.V. Medvedev, Trans.). St. Petersburg: Nauka.
- Hunt, G. T. (2004). *O prirode soznaniya: s kognitivnoy, fenomenologicheskoy i transpersonal'noy tochkoy zreniya* [On the nature of consciousness: from the cognitive, phenomenological and trans-personal points of view] (A. Kiselev, Trans.). Moscow: AST.
- Inkeles, A., & Levinson, D. J. (1969). National character: The study of modal personality and sociocultural systems. *The Handbook of Social Psychology*, 4(2), 418–506.
- Jung, K. G. (2020). *Arkhetipy i kollektivnoe bessoznatel'noe* [Archetypes and the Collective Unconscious] (A. Chechina, Tans.). Moscow: AST.
- Kardiner, A. (1945). *The Individual and His Society*. New York: Columbia University.
- Karnaukhov, V. A. (2012). K istokam "neklassicheskoy" psikhologii: popytka interpretatsii predstavleniy o sushchnosti psikhiki v stat'e L.S. Vygotskogo "Metodika refleksiologicheskogo i psikhologicheskogo issledovaniya" [To the origins of "non-classical" psychology: An attempt to interpret ideas about the essence of the psyche in the article by L.S. Vygotsky "Methodology of reflexological and psychological research"]. *Nauchnye vedomosti. Ser. Gumanitarnye nauki*, 24(143), 200–205.
- Kravtsov, G. G. (2006). Problema lichnosti v kul'turno-istoricheskoy psikhologii [The problem of personality in cultural-historical psychology]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya – Cultural-Historical Psychology*, 2(1), 18–25.
- Kravtsov, G. G., & Kravtsova, E. E. (2019). Imagination and Creativity: Cultural–Historical Approach. *Psikhologo-pedagogicheskie issledovaniya – Psychological-Educational Studies*, 11(1), 1–11. (In Russian). doi: 10.17759/psyedu.2019110101
- Kravtsov, G. G., & Kravtsova, E. E. (2020). Relationship between Learning and Development: Problems and Perspectives. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya – Cultural-Historical Psychology*, 16(1), 4–12. (In Russian). doi: 10.17759/chp.2020160101

- Kravtsova, E. E. (2012). The cultural and historical base for transformation of natural mental functions in higher mental functions. *Vestnik RGGU. Ser. Psikhologiya. Pedagogika. Obrazovanie*, 15(95), 87–102. (In Russian).
- Kravtsova, E. E. (2014). Sovremennye issledovaniya v kul'turno-istoricheskoy psikhologii [Modern research in cultural-historical psychology]. *Veresk. Internatsional'nyy nauchnyy zhurnal*, 1, 49–70.
- Kravtsova, E. E. (2018). Rol' i mesto psikhologii iskusstva v kul'turno-istoricheskoy psikhologii L.S. Vygotskogo [The role and place of the psychology of art in the cultural-historical psychology of L.S. Vygotsky]. *Chelovek. Iskusstvo. Vseennaya*, 1, 38–45.
- Kudryavtsev, T. V. (1999). *Psikhologiya razvitiya cheloveka: osnovaniya kul'turno-istoricheskogo podkhoda* [Psychology of human development: Foundations of the cultural-historical approach]. Riga: Eksperiment.
- Lacan, J. (2002). *Seminary* [Seminars] (Trans.): Vol. 5: Obrazovaniya bessoznatel'nogo (1957–1958 gg.) [Formations of the Unconscious (1957–1958)]. Moscow: Gnozis; Logos.
- Leontiev, A. N. (1975). *Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'* [Activity. Consciousness. Personality]. Moscow: Politizdat.
- Linton, R. (1938). The present status of anthropology. *Science*, 87(2255), 241–248.
- Lorents, K. (1998) *Obrotnaya storona zerkala* [The reverse side of the mirror] (A. I. Fedorov et al., Trans.). Moscow: Respublika.
- Makarov, M. (2003). *Osnovy teorii diskursa* [Fundamentals of the Theory of Discourse]. Moscow: Gnozis.
- Maydanskiy, A. D. (2008). Vygotskiy–Spinoza: dialog skvoz' stoletiya [Vygotsky – Spinoza: a dialogue through the centuries]. *Voprosy filosofii*, 10, 116–127.
- Medova, A. A. (2010). Ponimanie soznaniya v modal'nom klyuche [Understanding consciousness in a modal way]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 335, 38–43.
- Medova, A. A. (2016). *Ontologiya modal'nosti* [Ontology of Modality]. Philosophy Dr. Diss. Krasnoyarsk: KSU.
- Melnik, A. V., & Shemonaev, T. I. (2019). Diskursivnaya kartina mira: ontologicheskii analiz [The discursive picture of the world: an ontological analysis]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 3, Obshchestvennye nauki*, 14(2(188)), 5–13.
- Meshcheryakov, B. G. (1998). *Logiko-semanticheskii analiz kontseptsii L.S. Vygotskogo* [Logical and semantic analysis of L.S. Vygotsky's concept]. Samara: Samara State Pedagogical University.
- Morozov, S.M. (2002). *Predmet issledovaniya i edinit'sy analiza v psikhologicheskoy sisteme L.S. Vygotskogo* [Subject of study and units of analysis in the psychological system of L.S. Vygotsky]. Abstract of Psychology Cand. Diss. Moscow.
- Piskoppel, A. A. (2018). “Kriticheskaya ontologiya” N. Gartmana i psikhicheskaya real'nost' [“Critical Ontology” by N. Hartmann and Psychic Reality]. *Yaroslavskiy pedagogicheskii vestnik*, 5, 210–222. doi: 10.24411/1813-145X-2018-10170
- Robbins, D. (2003). Vygotsky's Non-classical Dialectical Metapsychology. *Journal for the Theory of Social Behaviour*, 33(3), 303–312.
- Rubinstein, S. L. (1989). Printsip tvorcheskoy samodeyatel'nosti [The principle of creative initiative]. *Voprosy filosofii*, 4, 88–95.
- Rubinstein, S. L. (1998). *Osnovy obshchey psikhologii* [Fundamentals of General Psychology]. St. Petersburg: Piter Kom.
- Rubtsov, V. V. (2016). Cultural-Historical Scientific School: the Issues that L.S. Vygotsky Brought up. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya – Cultural-Historical Psychology*, 12(3), 4–14. (In Russian). doi: 10.17759/chp.2016120301
- Rubtsov, V. V., Cole, M., Verch, J., Asmolov, A. G., Elkonin, B. D., Lektorsky, V. A., ... Guruzhapov, V. A. (2018). Human Development and the Creative Potential of Culture (Roundtable of the methodological seminar supervised by V.V. Rubtsov and B.D. Elkonin).

- Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya – Cultural-Historical Psychology*, 14(4), 41–51. (In Russian). doi: 10.17759/chp.2018140406
- Sizikova, T. E. (2019a). Vliyaniye polimodal'nosti refleksii na samoorganizatsiyu lichnosti [Influence of polymodality of reflection on self-organization of personality]. *Science for Education Today*, 1, 57–75. doi: 10.15293/2658-6762.1901.04
- Sizikova, T. E. (2019b). Methodological Foundations of the Modal Psychology of Reflection. *Sibirskiy psikhologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Psychology*, 72, 21–45. (In Russian). doi: 10.17223/17267080/72/2
- Sizikova, T. E. (2021). “Edinitsa analiza” L.S. Vygotskogo i modal'nyy analiz N. Gart-mana: razmyshleniya v poiske novoy psikhologii [L.S. Vygotsky's “unit of analysis” and N. Hartmann's modal analysis: Reflections in search of a new psychology]. In D. B. Bogoyvlenskaya (Ed.), *Psikhologiya tvorchestva i odarennosti* [Psychology of Creativity and Giftedness] (pp. 263–268). Moscow: Association of Technical Universities. Retrieved from: <http://atuniversities.ru/wp-content/uploads/odarennost-2021-3.pdf> (Accessed: 28th March 2022).
- Sizikova, T. E. (2022). “Unit of analysis” by L.S. Vygotsky and “modality” by N. Hartmann. *Sibirskiy psikhologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Psychology*, 85, 6–34. (In Russian). doi: 10.17223/17267080/85/1
- Sizikova, T. E., & Durachenko, O. A. (2020). *Issledovanie i psikhodiagnostika refleksii* [Research and Psychodiagnostics of Reflection]. Novosibirsk: NSPU.
- Sobkin, V. S. (2021). Mikhail Lermontov v rabotakh L'va Vygotskogo: poet v kul'turnom dialoge s uchenym [Mikhail Lermontov in the works of Lev Vygotsky: A poet in a cultural dialogue with a scientist]. *Voprosy psikhologii*, 67(5), 1–25.
- Stepin, V. S. (2006). *Filosofiya nauki. Obshchie problem* [Philosophy of Science. Common Problems]. Moscow: Center for Humanitarian Technologies. Retrieved from: <https://gtmarket.ru/library/basis/5321/5326> (Accessed: 14th March 2022).
- Stefanenko, T. G. (2004). *Etnopsikhologiya* [Ethnopsychology]. Moscow: Aspekt Press.
- Talyzina, N. F. (2001). *Sushchnost' deyatel'nostnogo podkhoda v psikhologii* [The essence of the activity approach in psychology]. Retrieved from: http://psy.msu.ru/science/seminars/activity/materials/01_talyzina.pdf (Accessed: 14th March 2022).
- Shchedrovitskiy, P. G. (1996). *L. Vygotskiy i sovremennaya pedagogicheskaya antropologiya* [L. Vygotsky and modern pedagogical anthropology]. Retrieved from: <http://knigi1.dissers.ru/books/library1/7115-4.php> (Accessed: 1st February 2022).
- Shchedrovitskiy, G. P. (2005). *Myshlenie. Ponimanie. Refleksiya* [Thinking. Understanding. Reflection]. Moscow: Nasledie MMK.
- Vekker, L. M. (1998). *Psikhika i real'nost'. Edinaya teoriya psikhicheskikh protsessov* [Psyche and Reality. Unified Theory of Mental Processes]. Retrieved from: <https://gtmarket.ru/library/basis/6487/6498> (Accessed: 1st February 2022).
- Veresov, N. N. (2005). Vedushchaya deyatel'nost' v psikhologii razvitiya: ponyatie i printsip [Leading activity in developmental psychology: The concept and principle]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya – Cultural-Historical Psychology*, 1(2), 76–86.
- Veresov, N. N. (2018). The Lively Character of the Continuous Work. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya – Cultural-Historical Psychology*, 14(4), 25–29. (In Russian). doi: 10.17759/chp.2018140404
- Veresov, N. N. (2020). Discovering the Great Royal Seal: New Reality of Vygotsky's Legacy. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya – Cultural-Historical Psychology*, 16(2), 107–117. (In Russian). doi: 10.17759/chp.2020160212
- Volkova, M. N. (2007). *Deyatel'nostnyy podkhod i kategoriya deyatel'nosti v psikhologii* [Activity theory and category of activity in psychology]. Vladivostok: Mor. gos. un-t.
- Vygotskiy, L. S. (1982). *Psikhika, soznanie, bessoznatel'noe* [Mind, Consciousness, Unconscious]. Moscow: Pedagogika.
- Vygotskiy, L. S. (1983). *Istoriya razvitiya vysshikh psikhicheskikh funktsiy* [The History of the Development of Higher Mental Functions]. Moscow: Pedagogika.

- Vygotskiy, L. S. (1984a). *Orudie i znak v razvitii rebenka* [Tool and Sign in the Development of the Child]. Moscow: Pedagogika.
- Vygotskiy, L. S. (1984b). *Problema vozrasta* [Age Problem]. Moscow: Pedagogika.
- Vygotskiy, L. S. (1999). *Myshlenie i rech'* [Thinking and Speech]. Moscow: Labirint.
- Vygotskiy, L. S. (2001). *Lektsii po pedologii* [Lectures on Paedology]. Izhevsk: Udmurtskiy universitet.
- Yanovskiy, M. I. (2005). Vnimanie kak kriteriy otsenki sostoyaniya soznaniya [Attention as a criterion for assessing the state of consciousness]. *Voprosy psikhologii*, 6, 91–97
- Zinchenko, V. P., & Morgunov, E. B. (1994). *Chelovek razvivayushchiysya. Ocherki rossiyskoy psikhologii* [A Developing Person. Essays on Russian Psychology]. Moscow: Trivola.

Received 03.05.2022; Revised 06.02.2023; Accepted 08.02.2023

Tatyana E. Sizikova – Associate Professor of the Department of Correctional Pedagogy and Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University, PhD in Psychology.
E-mail: tat@ccru.ru

УДК 159.99

ВЗАИМОСВЯЗЬ ВАРИАНТОВ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЧЕЛОВЕКА С ПРИРОДНЫМИ АТРИБУТАМИ И ЗАБОТЫ ОБ ЭКОЛОГИИ ТЕРРИТОРИЙ (НА МАТЕРИАЛАХ СИБИРИ И БАЙКАЛА)

А.Д. Карнышев¹

¹ Иркутский государственный университет, Россия, 664003, Иркутск, ул. Карла Маркса, д. 1

Резюме

В науке и практике все чаще используют понятия «природоподобный», «природосообразный», «природоориентированный», что, например, особенно актуально для решения задачи превратить город Байкальск в первый экогород России и создать в нем систему «рачительного эколого-ориентированного хозяйствования» (В. Путин); и это в будущем необходимо перенести на весь регион. Достижение таких целей предполагает идентификацию и идентичность человека с некоторыми атрибутами природы, что органично осуществлялось в период древнего бытия людей и / или натурального хозяйствования, но сегодня все чаще происходит разрыв психологической идентичности с естественной средой. Автор рассматривает атрибуты природы, с которыми человек может осуществлять свою идентификацию, в следующих вариантах: территории и ландшафты, представители животных, растения (деревья, кустарники, травы, цветы), стихии (вода, огонь, ветер и т.п.), сакральные существа. Специфику в процесс идентификации в Сибири вносит эндемизм – распространение организмов животных и растений в определенном географическом районе, с чем так или иначе связан человек. Эмпирической оценке в статье подвергаются объекты территориальной идентификации, забота о которых проявляется в разных уровнях экологического патриотизма. Результаты прикладного исследования позволяют выделить как минимум три момента: во-первых, проявилось наличие уровней экологической заботы о территориальных объектах, причем приоритет имеют наиболее значимые для многих людей «эндемичные единицы» – малая родина и места проживания; во-вторых, аборигены байкальских мест – буряты – характеризуются более высокой оценкой уровня экологической заботы о конкретных территориях и отличиями в экологическом патриотизме; в-третьих, проявляется легитимизация респондентами разных национальностей понятия «экологический патриотизм», который постепенно становится слагаемым менталитета жителей Сибири в целом и Байкальского региона в частности.

Ключевые слова: природосообразность; эндемизм; изоморфизм; идентичность с местом; сакральные существа; новый космополит

Введение

Человеку всегда необходимо найти в окружающем его мире опоры, которые позволяли бы чувствовать свою психологическую устойчивость, несмотря на происходящие изменения и катаклизмы. Когда социальный мир нестабилен, поневоле приходится обращаться к миру природному, хотя он тоже «расшатывается», но не так быстро, как мир социальный. Кроме того, забота об экологии окружающей среды становится одним из важнейших показателей благополучного существования людей и эффективности их природопользования. Например, Сибирь в целом и Байкал в частности могут выступить примером организации экологичной экономики, если заметно нивелировать чисто сырьевое и потребительское отношение к природным ресурсам. Одним из примеров такого подхода являются слова В. Путина на пленарном заседании XXV Петербургского экономического форума в 2022 г. об уникальном «проекте комплексного развития г. Байкальска, который должен стать эталоном рачительного эколого-ориентированного хозяйствования» в России. В январе 2023 г. Председатель правительства РФ М. Мишустин подписал распоряжение по утверждению Программы социально-экономического развития города до 2040 г. В результате ее внедрения Байкальск станет туристическим кластером мирового уровня и первым экогородом России.

Нельзя не вспомнить, что до закрытия Байкальского целлюлозно-бумажного комбината (БЦБК) в 2013 г. данный город считался своего рода «монстром» российской экологии. В научном плане проблемой является то, что все намечающие позитивные сдвиги во многом будут зависеть способности человека укрепить свою связь с природой, усилить тождество с ее характеристиками. Неслучайно не только ученые, но и практики все чаще используют понятия «природоподобный», «природосообразный», «природо-ориентированный» и т.п. Последние аспекты предполагают идентификацию и идентичность человека с некоторыми атрибутами природы. В этом отношении актуальна работа О. Лукьянова, который не только анализирует самоидентичность в изменяющемся мире, но и показывает ее научно-практическую направленность: «Конкретные концепции понимания идентичности – это ответы или попытки ответа на вызов современности» (Лукьянов, 2009, с. 18). *Цель статьи* – анализ характеристик разрыва с внешним миром природы психологической, внутренней идентичности, которая была всеобъемлющей и естественной в период древнего бытия людей и / или натурального хозяйствования. Возможные трагические последствия такого разрыва уже в XVIII в. почувствовали Ж.-Ж. Руссо и Ш. Фурье, введя в науку термин «природосообразность» и сформулировав девиз «Назад к природе» (Фурье, 1954). «Назад к природе» в современных условиях – это не возврат к стародавним научным положениям, а способность человека и организаций к гармонизации взаимодействий с природными атрибутами, что предполагает и определенный уровень идентификации с некоторыми из них и развитие на этой основе экологического патриотизма.

Основные задачи и методы

Сегодня в психологии недостаточно распространен анализ междисциплинарного, системного характера. М. Иванов и В. Штроо пишут: «Вместо системного анализа в большинстве исследований продолжается традиция изучения “чистой психологии” даже при работе со сложными живыми системами» (Иванов, Штроо, 2018, с. 142). Согласно нашей гипотезе алгоритмы анализа идентичности и идентификации в первую очередь должны затрагивать психологические параметры личности, являющиеся наиболее значимыми при их взаимодействии с природой. Для обеспечения междисциплинарного подхода приоритетной задачей является совмещение такого анализа с поиском (использованием) разработок естественных наук, способных выступать в качестве конкретных источников связи человека с миром природы, заботы о ней, а также обеспечивать природосообразную жизнедеятельность людей. Не менее важно в ходе анализа компетентных источников конкретизировать атрибуты природы, с которыми человек может осуществлять свою идентификацию.

Приведенные сложности побудили нас в прикладном исследовании опереться главным образом на параметры территориальной идентичности, установив их определенную иерархию. Основной задачей исследовательских процедур было диагностирование уровня заботы респондентов об экологии конкретных «объектов» в связи со спецификой территориальной идентичности по десятибалльной шкале (1 – минимальная оценка, 10 – максимальная). Согласно детализированной гипотезе, данная процедура позволяет увязать результаты исследования с содержательными характеристиками «экологического патриотизма» респондентов в его уровне содержания.

Варианты идентификации с природой

Термин «идентичный» поясняется через латинское *identicus* – тождественный, а идентичность представлена как свойство идентичного. Приведено также понятие «идентификация» – отождествление, установление идентичности.

В современных естественных и социальных науках понятия «идентичность» и «идентификация» занимают все более и более значимое место, являясь преимущественно междисциплинарными. Одним из свидетельств этого являются позиции двух известных в мире нейробиологов, авторов популярных концепций автопоэзиса (само-производства) Ф. Варелы и У. Матураны. Задавшись целью найти ключевое свойство всяких живых систем, они в ходе теоретической и экспериментальной работы предположили, что «сущность жизни заключается в способности живой системы поддерживать свою идентичность» (Князева, 2013, с. 380). Такое определение значительно расширяет «поле» идентификации с конкретными природными атрибутами и возможностью использовать их в разных целях.

Если рассматривать термины «идентификация» и «идентичность» в содержательном плане, то их соотношение можно рассмотреть как процесс и его результат. Например, понятие «идентификация» буквально может означать «делание тождества» (лат. *identicus* – тождественный + *facere* – делать; аналог: стратификация), т.е. нахождение тождества между какими-либо явлениями, процессами, свойствами и т.п. В таком случае эти понятия можно рассматривать как минимум по трем схемам:

1. Я (Мы) осуществляю собственную идентификацию с социальными и / или природными объектами.

2. Я (Мы) идентифицирую других.

3. Другие идентифицируют меня (кстати, существует даже так называемый «критерий приписывания» – человек учитывает то, кем значимые другие его воспринимают) (Эриксон, 1996).

Наличие как минимум трех возможностей показывает, что установление собственной идентичности требует от личности не только рефлексии, но и аналитической работы. В достаточно современной американской психологической энциклопедии этот термин в личностном плане трактуется как «чувство тождественности или преемственности Я, сохраняющееся несмотря на средовые изменения и индивидуальное развитие»¹. Для нас в данной формулировке ключевым является сочетание «средовые изменения», поскольку они предполагают наличие метаморфоз в природных явлениях и, как следствие, в отдельных личностных характеристиках.

Еще более остро отнестись к данной проблеме психолог мирового уровня К.Г. Юнг. В его в книге «Йога и Запад» встречается мысль о разрушающем влиянии внутренней природы человека на него самого, когда он неадекватно отразит свою зависимость от внешней и будет противодействовать последней. «Западному человеку незачем стремиться к победе над природой, как внешней, так и внутренней. Он этого уже добился, причем чудовищной ценой. Чего ему действительно недостает, так это осознания своей зависимости от природы. Он должен понять, что не может поступать так, как ему заблагорассудится. Если он этого не поймет, то будет уничтожен собственной внутренней природой. Он не знает собственной души, которая с самоубийственной настойчивостью борется против него» (Юнг, 1994, с. 35–36). Зависимость от природы и забота о ней становятся краеугольными научно-практическими категориями в современном мире.

Идентичность в природе всегда увязана с дифференциацией объектов и субъектов окружающего мира по разным критериям, в том числе на «наших» и «не наших». Причем такое деление – это биологический закон, который нельзя игнорировать. Ф. де Вааль в заочном споре с утилитаристами (сторонниками принципа максимизации счастья для всех и вся) приводит доводы, что именно такое расчленение объективно ведет к возникновению преданности и патриотизма. «Все в природе построено на разнице между

¹ Корсини В. Р., Ауэрбах А. (2006). *Психологическая энциклопедия* (2-е изд.). СПб.: Питер. URL: <http://yanko.lib.ru/books/psycho/psych-enc.htm>

своим и чужим, родичем и чужаком, другом и врагом. Даже растения распознают генетическое родство и формируют более мощную и конкурентоспособную корневую систему, если их сажают вместе с чужаком, а не с родичем. В природе нет абсолютно никаких примеров существ, которые стремились бы к благополучию всех подряд, без разбора. Утилитаристы не учитывают миллионы лет семейных связей и группового патриотизма» (Вааль, 2015, с. 264).

Чтобы почувствовать свою зависимость от природы и идентифицировать себя с чем-то (кем-то), человеку важно найти в «объекте» идентификации соотносительные (соответствующие) своим внутренним параметры. По аналогии здесь можно использовать мысль В.Е. Ключко и Э.В. Галажинского о примере взаимодействия двух сложных систем: «...необходимо такое соответствие противостоящих сторон (систем), когда каждая из них видит в другом “свое иное”, пусть еще и не ставшее подлинно своим, но, не присвоив которое, т.е. не включив в собственную систему, под сомнением оказывается “возможность устойчивого существования системы”» (Ключко, Галажинский, 2009, с. 146–147). Отсюда идентификация с объектами природы должна привести к распознаванию человеком в чем-то другом, природном «своего иного». Примером данного подхода можно назвать приписываемое Будде выражение: «Увидь себя в других. Кому тогда сможешь принести боль? Как сможешь навредить?»

Такое распознавание будет осложненным, поскольку в биологическом плане большинство природных объектов, в частности в Сибири, отличается своим эндемизмом (греч. *endemos* – местный) – распространением организмов животных и растений в определенном географическом районе. Эндемичность не может не зависеть от особенностей внешних факторов, которые субъекты эндемичности принимают и осваивают в качестве «своего иного» и / или нужного для себя «дополнения». Эндемичные особенности формировались с давнего времени и у аборигенов. Например, детализируя такого рода закономерности, Р. Линн так пишет о характерных чертах жителей Сибири: «Именно в ответ на холодные зимы у аборигенов Восточной Азии развились такие приспособительные особенности, как уплощенный нос для предотвращения обморожения, короткие ноги и широкое туловище для сохранения тепла, слой подкожного жира, который придает коже желтоватый оттенок, редкие волосы на лице у мужчин (поскольку густая борода замерзла бы и привела к обморожению) и эпикантус, смягчающий ослепляющее действие света, отраженного от снега и льда. Суровые зимы должны были обеспечить жесткий отбор по интеллекту...» (Линн, 2010, с. 252). Такие факты ярко демонстрируют, что человек изоморфен (похож по определенным характеристикам) окружающей среде, а идентичность включает в себя и осознание данного явления. Эндемики более изоморфны с окружающей средой и, можно сказать, как субъекты идентификации более наполнены патриотическими чувствами: они являются «порождением» конкретных условий и мест и вне них не могут полноценно существовать.

Если конкретизировать атрибуты природы, с которыми человек может осуществлять свою идентификацию, то как минимум это могут быть:

- территории и ландшафты, места пребывания (где человек родился, вырос и т.п.);
- представители животных (зверей, птиц, рыб);
- растения (деревья, кустарники, травы, цветы);
- духи и / или звероподобные существа – посредники контактов с природой;
- стихии (вода, огонь, ветер и т.п.).

Кратко рассмотрим возможные «объекты» идентификации (естественно, далеко не все).

1. С давних пор для обозначения территориальной «принадлежности» индивида и группы и соответствующей идентификации используется целый веер понятий: региональная идентичность, идентичность со средой, городская идентичность, идентичность с местом, локальная идентичность и т.п. В совместной монографии философского факультета МГУ и Института социологии РАН есть раздел «Территориализация идентичности», рассматривающий причины, согласно которым в «гражданских» государствах важна такая процедура: «Принцип *jus soli*, “право земли” при предоставлении гражданства в таких государствах предполагает, что человек отказывается от “кровяной” идентичности своих предков во имя гражданской общности, общей идентичности тех, кто населяет территорию» (Момджян и др., 2015, с. 429). На конкретной из территориальных – идентификации с местом – в дальнейшем мы остановимся подробнее.

2. Стремление идентифицировать себя со значимыми животными проявлялось с древности. Г. Спенсер писал, что не должны вызывать удивления факты, когда человек, «лишенный знания и говорящий на грубом языке, вообразит, что какой-нибудь из его предков, называвшийся “Тигром”, был действительно тигром» (Спенсер, 1997, с. 279). Например, в Сибири объектами позитивной или негативной идентификации были представители животного мира, которые заслуживали определенного признания и почитания. Бурятский этнограф М.Н. Хангалов приводит следующие формы обожания представителей фауны бурятами и определенной идентификации с ними: 1) непосредственное обоготворение, например орла, вследствие его небесного происхождения (были роды, считавшие его своим предком); 2) обожание животного как родоначальника племени: лебедя, волка, налима; 3) обожание животного, представляемого воплощением божества или хозяином целого вида, например хорька, куницы, горностая, лисицы, соболя и т.п. (Хангалов, 2004, с. 266).

3. Человеческие общности, проживающие в местностях с преобладанием определенного вида растений, увязывали свое происхождение с данными растениями или по крайней мере уверовали в их благотворное влияние на жизнь своего рода, племени, семьи и т.п., поэтому их целесообразно было идентифицировать в качестве своих «предков» и родственников. Со всем не случайно то, что у многих людей фамилии «растительного» происхождения: Соснин, Кедров, Березов, Елькин и т.д.

4. Объектами идентификации для первобытного человека могли быть сакральные, мистические «существа» – духи, божества, которые помогали наводить контакты со значимым миром природы. Автор книги о «Томской писанице», древнем уникальном памятнике мировой истории и культуры, А. Мартынов рассказывает о рисунках первобытных «художников» антропоморфных существ со звериными головами: «Это зверолюди, что-то среднее между человеком и животным, оборотни, которыми наполнены позднейшие сказки и предания. Они могут приобретать то образ человека и жить среди людей, то животного и понимать их “язык”. Они выполняют роль посредников между миром людей и миром животных. Такова их сущность» (Мартынов, 2002, с. 51).

Таким образом, у древних людей идентификация касалась тех атрибутов природы, которые были нужнее, сильнее, массивнее, изворотливее, опережали человека по каким-то другим значимым качествам и которых выгодно было записать в свои образцы поведения и / или родственники. Развитие науки и практики приводило и приводит к пониманию все более и более «тонких» межвидовых и междисциплинарных механизмов идентификации, причем векторы познания передвигаются в последнее время с животного на растительный мир. Профессор Флорентийского университета, автор книги «О чем думают растения» С. Манкузо стремится подводить под такие связи научную основу: «Хотя на уровне анатомического строения между растениями и животными мало общего, в поведенческом отношении можно обнаружить множество общих черт. И это неудивительно: все живые существа имеют одни и те же базовые задачи и решают их похожими методами» (Манкузо, 2020, с. 161).

Одна из таких базовых задач – самосохранение, и она может быть только тогда эффективно решена, когда, с одной стороны, человек через идентичное освоение «своего иного» проявляет устойчивость внутреннего мира во внешней среде: «...сущность жизни в сохранении идентичности», – как говорилось выше (Князева, 2013). С другой стороны, человек на основе подлинно природосообразного изоморфизма сможет целенаправленно «настраивать» все живые организмы на достижение взаимной пользы. Кстати, С. Манкузо, заглядывая в будущее, показывает один из перспективных путей такого взаимодействия: «В эволюционной цепи роботов вслед за роботами, подражающими человеку (андроидами) и животным, вскоре должны появиться новые поколения роботов, подражающих растениям. Существуют также планы создания “растительных коммуникационных систем”, использующих растения в качестве экологических коммутаторов...» (Манкузо, 2020, с. 264).

Уверенно можно говорить, что перспективы идентификации возрастают. Еще одни значимые параметры для идентификации с природой показывает разработанная J.M. Vepus концепция. В ее книге «Биомимикрия – инновации, вдохновленные природой» автор через понятие «мимикрия» (греч. *mimikos* – подражательный) приводит, на наш взгляд, ориентиры природосообразной жизнедеятельности людей: природа как модель, при-

рода как мера и природа как наставник (Венуус, 1997). По нашему мнению, более всего в теоретическом плане подходит идентификация с природой как наставником: люди думают о том, чему и как могут у нее научиться, т.е. идентифицируют себя с ней как с учителем.

В небольшой статье даже схематично невозможно рассмотреть все «объекты» идентификации, поэтому мы обратимся преимущественно к территориальной идентификации. С одной стороны, данная идентификация чаще проявляется в таких известных феноменах, как «земляки», «уроженцы одной местности» и т.п. С другой стороны, идентификация проявляется в стремлении человека и группы не только выпятить свою «причастность» к статусным местам, но и воспользоваться данным фактом для рекламы продукции, к которой человек так или иначе имеет отношение. Кстати, на наш взгляд, продуктивности такой работы не хватает в сибирской практике, хотя именно последний момент объясняет наличие вариантов названия престижных природных мест (Алтай, Байкал, Камчатка, Урал) в наименованиях многих фирм и организаций, их конкретных изделий. Нельзя не отметить, что и для гостей таких мест значимы конкретные атрибуты (впечатления, оставшиеся на фото и видео, сувениры, изделия, продукты), подтверждающие их, пусть и окказиональную, причастность к соответствующей территории. Так, анализу некоторых аспектов идентификации с местом на примере Байкала посвятила свою работу профессор МГУ Е. Белинская. «Байкал – одно из наиболее “выпуклых” пространств возможной идентичности с местом. Уникальность его природных, исторических, этнографических, социокультурных характеристик не может оставить равнодушными ни людей, проживающих рядом, ни гостей региона. Представляется, что именно эта его уникальность задает возможность и необходимость системного и междисциплинарного изучения процесса и механизмов формирования идентичности с местом как возможного основания гражданского самоопределения и самосознания человека... Хорошо, когда у человека есть такой объект для “идентичности с местом”» (Белинская, 2021, с. 14).

Что касается взаимосвязи природных территориальных и сакральных факторов идентичности, то стоит вспомнить, что в буддийской и шаманской практике бурят и тывинцев с некоторыми конкретными ландшафтами связано в чем-то мистическое понятие «хозяин местности». С такой реальностью автору данных строк пришлось встретиться в прибайкальском селе Бугульдейка (на другом от Бурятии берегу Байкала, напротив устья реки Селенги), где есть гора Мишки-шамана и ряд преданий, связанных с этим жившим здесь в начале XX в. человеком. Существует интересное объяснение буддийскими ламами и шаманами данного термина. Иногда сознание живых существ после смерти в процессе реинкарнации избирает не какое-либо тело, а местность, часто в виде горы или сопки. Точно так же как люди считают тело своим и называют его «Я», также и хозяева местности считают эту гору или сопку своим телом. Когда они видят, как некий человек вредит его телу, они могут рассердиться и нанести ему вред, например

наслать болезнь. Отсюда и исходят многочисленные обряды азиатских народов по умилоствлению этих «хозяев». Как и на других «обоо» и «бурханах», данным духам надо отдавать дань уважения разными средствами: привязать к деревьям ленточки из материи, положить монеты, сладости или другие «дары». Причем по религиозному этикету осуществлять это необходимо с полной искренностью, от самого сердца.

Таким образом, мы наблюдаем, что феномен территориальной идентичности может проявляться в различных вариантах, начиная от идентичности с конкретным местом, затем идентичности с региональными и городскими территориями и вплоть до идентичности с континентами (азиат, африканец) и землей-отчиной (Terra Patrie). Причем ряд территориальных идентичностей, в том числе природного характера, не может не быть связанным с феноменом патриотизма. На наш взгляд, стоит согласиться с позицией А. Журавлева и А. Юревича, показывающих, что патриотизм как многосоставное понятие и явление в качестве одного из основных слагаемых включает идентификацию со своей страной, ее историей и народом. В то же время в своей статье они приводят результаты одного из исследований, в котором бесспорным среди критериев патриотизма оказалось отношение к родной природе: 76% опрошенных заявили, что человек, равнодушный к природе, не может быть истинным патриотом (Журавлев, Юревич, 2016, с. 94).

С начала 2000-х гг., особенно во Франции, в обиход вошло понятие «экономический патриотизм» (см.: (Herzog, 2007; Plihon, 2006)). По аналогии стали использовать и сочетание «экологический патриотизм» – позитивное эмоциональное отношение к защите природы, вполне возможно, на разных территориальных уровнях.

Обсуждение результатов

В прикладном исследовании, цель которого – диагностировать уровень заботы респондентов об экологии в связи со спецификой территориальной идентичности, в ноябре 2019 г. был проведен опрос среди молодежи г. Иркутска, Усольского района Иркутской области и г. Улан-Удэ (Бурятия) (447 респондентов). В задании респонденты по десятибалльной шкале (1 – минимальная оценка, 10 – максимальная) оценивали уровень своей заботы об экологии конкретных «объектов». Согласно нашей дополнительной гипотезе данная процедура при соответствующей обработке материалов позволяла выявить особенности «экологического патриотизма» респондентов в его уровне содержании. О таких возможностях мы уже дважды писали в Сибирском психологическом журнале (Карнышев, 2011; Карнышев, Иванова, Карнышева, 2020). В таблице приведена общая оценка рассматриваемых параметров в целом и в зависимости от национальной принадлежности респондентов.

Результаты достаточно убедительно демонстрируют наличие ряда закономерностей, связанных с теоретическими положениями статьи. Во-первых,

зримо прослеживается наличие уровней экологической заботы о территориальных объектах, причем приоритет имеют наиболее значимые для многих людей «эндемичные единицы»: малая родина и места проживания.

**Оценка уровня своей заботы об экологии конкретных «объектов»
молодыми респондентами в целом и по национальностям**

№ п/п	Забота об экологии конкретных «объектов»	Средние данные по опросу	Оценка уровня заботы в зависимости от национальности респондентов (1 – минимальная оценка, 10 – максимальная)		
		всего (n = 447)	буряты	русские	другие
1	Экология малой родины, где родился, вырос	7,89	9,06	7,82	7,60
2	Экология места проживания: город, район	7,75	8,26	7,76	7,00
3	Экология страны в целом	7,61	8,24	7,62	6,80
4	Экология всей земли (Terra Patrie)	7,35	8,21	7,30	7,00
5	Экология региона: области, округа	7,31	7,36	7,36	6,72
6	Экология организации, где учусь, тружусь	6,89	7,21	6,91	6,52
7	Экология материка: Азия, Европа и т.п.	6,31	7,09	6,31	5,32
8	Живу по принципу: «Где хорошо, там и родина»	4,05	4,43	4,10	3,08
9	Не признаю понятия «экологический патриотизм»	2,35	2,29	2,31	2,17

Во-вторых, наблюдаются особенности заботы о территориальных «объектах» в зависимости от национальности респондентов. При этом вполне понятно, что аборигены байкальских мест – буряты – отличаются более высокой оценкой уровня экологической заботы о конкретных территориях. Это связано прежде всего с отмеченной выше в тексте их «эндемичностью» и одновременно демонстрирует уровень их отличий в экологическом патриотизме.

В-третьих, специфичными можно считать отличия по критерию заботы об экологии материка: буряты по происхождению вполне закономерно считают себя «азиатами» с соответствующими экологической направленностью и патриотизмом, а многие представители других национальностей в данном отношении проявляют нейтральность, поскольку они – пришлые люди.

Четвертый вывод касается как раз представителей других национальностей: по большинству оцениваемых параметров их показатели заметно ниже, что мы увязываем с феноменом «эндемизм наоборот» (Baehr, 2005). Лица такого рода – чаще приезжие в данный регион, их патриотичность, в том числе экологическая, обычно связана с иными родными местами, и в этом нельзя видеть что-то ненормальное. Более того, исследования по-

следних лет показывают, что реальная и виртуальная связь со значимыми объектами природы обеспечивает не только рациональность хозяйствования, но и психологическое здоровье людей, которое усугубилось в последнее время в связи с пандемией COVID-19 (Акерлоф, Крэнтон, 2011; Карнышев, Иванова, Карнышева, 2022; Shapiro, 2020).

Еще один вывод связан с легитимизацией респондентами разных национальностей понятия «экологический патриотизм». Оценки его непризнания по всем категориям близки и в основном достигают лишь 2,2–2,3 баллов. Такие цифры позволяют сделать более широкое обобщение, что экологический патриотизм постепенно становится слагаемым менталитета жителей Байкальского региона, неслучайно им предоставляется возможность доказать это делами.

Заключение

Результаты теоретического и эмпирического исследования позволили выявить взаимосвязь уровней экологической заботы о территориальных объектах с экологическим патриотизмом, причем приоритет в этой связи имеют малая родина и места проживания. Определилось, что аборигены байкальских мест характеризуются более высокой оценкой уровня экологической заботы о конкретных территориях и соответствующими характеристиками в экологическом патриотизме. Само понятие «экологический патриотизм» постепенно становится слагаемым менталитета жителей Сибири и Байкальского региона.

Обращаясь к вариантам экологического патриотизма в конкретных местах (Байкал, Томская писаница и т.п.), целесообразно отвергать мнения об их ограниченности и местечковости. В данной проблеме есть свой принципиальный вопрос. С одной стороны, экологическая «местечковость» может быть содержательно общечеловеческой, если в данном «месте» сосредоточены определенные национальные и / или мировые интересы природопользования и истории человечества. Например, это можно сказать о Байкальском регионе. С другой стороны, в сознании человека, проявляющего заботу о таких местах, могут органично сочетаться любовь к малой родине и любовь к планете в целом. Здесь как бы происходит слияние позиций патриота малой родины с психологией *нового космополита* – человека, осознавшего, что интересы Terra Patrie начинаются с него самого и его потребностей. Если у «старого» космополита девиз жизни звучит: «Где хорошо, там и родина», – то у нового космополита замечен иной девиз: «Где родина, там всё должно быть хорошо». При этом предполагается, что это *всё* будет созидаться умственным и физическим трудом данного человека в кругу единомышленников и соратников, их «местечковым» патриотизмом.

Не менее сложной является задача превращения сибирских территорий в эталоны рачительного эколого-ориентированного хозяйствования в России, в туристические кластеры мирового уровня. В данном направлении

«экологическим патриотам» предстоит не только созидательная деятельность на местах, но и значительная работа по повышению имиджа и бренда наших достопримечательностей в международном масштабе (Karnyshev, Karnysheva, Ivanova, Gritskikh, 2019).

Литература

- Акерлоф, Д., Крэнтон, Р. (2011). *Экономика идентичности*. М.: Карьера Пресс.
- Белинская, Е. П. (2021). Байкал: место идентичности. *Гуманистические и экологические ресурсы Байкала в укреплении социального здоровья и межнационального согласия в молодежной среде*. Иркутск: Аспринт.
- Вааль, Ф. (2015). *Истоки морали: в поисках человеческого у приматов*. М.: Альпина нон-фикшн.
- Журавлев, А. Л., Юревич, А. В. (2016). Патриотизм как объект изучения психологической науки. *Психологический журнал*, 37(3), 88–98. doi: 10.31857/S20000392-8-1
- Иванов, М. А., Штроо, В. А. (2018). Академическая и практическая психология. *Организационная психология*, 8(4), 137–155.
- Карнышев, А. Д. (2011). Восприятие Байкала и Сибири в контексте отношения к природе. *Сибирский психологический журнал*, 40, 67–79.
- Карнышев, А. Д., Иванова, Е. А., Карнышева, О. А. (2022). Изоморфизм как междисциплинарно-психологическая матрица анализа отношения к природе и здоровью в организациях (на примере Байкальского региона). *Организационная психология*, 12(4), 208–234. doi: 10.17323/2312-5942-2022-12-4-208-234
- Карнышев, А. Д., Иванова, Е. А., Карнышева, О. А. (2020). Байкал и психологические ресурсы подталкивания к экологическому патриотизму. *Сибирский психологический журнал*, 77, 196–214. doi: 10.17223/17267080/77/10
- Клочко, В. Е., Галажинский, Э. В. (2009). Инновационный потенциал личности: системно-антропологический контекст. *Вестник Томского государственного университета*, 325, 146–151.
- Князева, Е. Н. (2013). Автопозис: становление, развитие и успех идеи. В кн.: Е.Н. Князева (ред.). *Синергетика: антология* (с. 371–397). М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив.
- Линн, Р. (2010). *Расовые различия в интеллекте. Эволюционный анализ*. М.: Профит Стайл.
- Лукьянов, О. В. (2009). Тенденции понимания личностной идентичности в системно-антропологическом ракурсе. *Сибирский психологический журнал*, 34, 18–23.
- Манкузо, С. (2020). *О чем думают растения. Тайная жизнь, скрытая от посторонних глаз*. М.: Эксмо.
- Мартынов, А. (2002). *Томская писаница*. Кемерово: Летопись.
- Момджян, К. Х., Антоновский, А. Ю., Кржевов, В. С., Ефремов, О. А., Семенов, Ю. И., Бараш, Р. Э. (2015). *Этнос, нация, ценности: социально-философские исследования*. М.: Канон+.
- Спенсер, Г. (1997). *Синтетическая философия*. Киев: Ника-Центр.
- Фурье, Ш. (1954). Новый хозяйственный и социетарный мир, или Открытие способа привлекательного и природосообразного труда, распределенного в сериях по страсти. В кн.: Ш. Фурье. *Избранные сочинения*, 3 (с. 5–595). М.: Соцэкгиз.
- Хангалов, М. Н. (2004). *Собрание сочинений*. Улан-Удэ: Республ. тип. Т. 2.
- Эриксон, Э. (1996). *Идентичность: юность и кризис*. М.: Прогресс.
- Юнг, К. Г. (1994). *Йога и Запад: сб.* Львов: Инициатива.
- Ссылки на зарубежные источники см. в разделе *References* после англоязычного блока.

Поступила в редакцию 16.01.2023 г.; принята 10.02.2023 г.

Карнышев Александр Дмитриевич – профессор кафедры социальной работы Института социальных наук Иркутского государственного университета, доктор психологических наук, профессор.

E-mail: ale3441@yandex.ru

For citation: Karnyshev, A. D. (2023). The Relationship of Human Identification Options with Natural Attributes and Concern for the Ecology of Territories (Based on Materials from Siberia and Lake Baikal). *Sibirskiy Psikhologicheskiy Zhurnal – Siberian journal of psychology*, 87, 36–50. In Russian. English Summary. doi: 10.17223/17267080/87/2

The Relationship of Human Identification Options with Natural Attributes and Concern for the Ecology of Territories (Based on Materials from Siberia and Lake Baikal)

A.D. Karnyshev¹

¹ Irkutsk State University, 1, Karl Marx Str., Irkutsk, 664003, Russian Federation

Abstract

In science and practice, the concepts of "nature-like", "natural", "nature-oriented" are increasingly used, which, for example, is especially important for solving the problem of turning the city of Baikal into the first eco-city in Russia and creating a system of "prudent eco-oriented management" in it (V. Putin); and this should be transferred to the whole region in the future. The achievement of such goals presupposes the identification and identity of a person with some attributes of nature, but in reality, psychological identity with the natural environment is increasingly being severed, which was organically carried out during the ancient existence of people and/or natural management. Solving a number of such tasks, the author considers the attributes of nature with which a person can carry out his identification in the following variants: territories and landscapes, representatives of animals, plants (trees, shrubs, herbs, flowers); elements (water, fire, wind, etc.), sacred beings. The specifics of the identification process in Siberia are introduced by endemism – the spread of animal and plant organisms in a certain geographical area, with which, one way or another, a person is connected. The objects of territorial identification are subjected to empirical evaluation in the article, the care of which is manifested in different levels of environmental patriotism. The results of the applied research allow us to identify at least three points: firstly, the presence of levels of environmental concern for territorial objects has manifested itself, and priority is given to the most significant "endemic units" for many people: a small homeland and places of residence. Secondly, the aborigines of Baikal places – Buryats are characterized by a higher assessment of the level of environmental care for specific territories and differences in environmental patriotism. Thirdly, the legitimization of the concept of ecological patriotism by respondents of different nationalities is manifested, which is gradually becoming a component of the mentality of the inhabitants of Siberia and Baikal.

Keywords: naturalness; endemism; isomorphism; identity with place; sacred beings; new cosmopolitan

References

Akerlof, D., & Cranton, R. (2011). *Ekonomika identichnosti* [The economics of identity] (Trans.). Moscow: Kar'era Press.

- Baehr, P. (2005). Social extremity, communities of fate, and the sociology of SARS. *European Journal of Sociology*, 46(2), 179–211. doi: 10.1017 / S000397560500007X
- Belinskaya, E. P. (2021). *Baykal: mesto identichnosti. Gumanisticheskie i ekologicheskie resursy Baykala v ukreplenii sotsial'nogo zdorov'ya i mezhnatsional'nogo soglasiya v molodezhnoy srede* [The Baikal: a place of identity. Humanistic and ecological resources of the Baikal in strengthening social health and interethnic harmony among the youth]. Irkutsk: Asprint.
- Benyus, J. M. (1997). *Biomimicry: Innovation inspired by nature*. Harper Perennial.
- Erickson, E. (1996). *Identichnost': yunost' i krizis* [Identity: Youth and Crisis] (A. Andreeva, Trans.). Moscow: Progress.
- Fourier, Ch. (1954). *Izbrannye sochineniya* [Selected Works] (pp. 5–595). Moscow: Sotsekgiz.
- Herzog, Ph. (2007). Du patriotism économique au développementpartage. *Confrontations Europe*, 77, 18–21.
- Ivanov, M. A., & Stroh, V. A. (2018). Academic and practical psychology. *Organizatsionnaya psikhologiya – Organizational Psychology*, 8(4), 137–155. (In Russian).
- Jung, K. G. (1994). *Yoga i Zapad* [Yoga and the West] (Trans.). Lvov: Initiativa.
- Karnyshev, A. D. (2011). *Vospriyatie Baykala i Sibiri v kontekste otnosheniya k prirode* [Perception of Baikal and Siberia in the context of the attitude to nature]. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*, 40, 67–79.
- Karnyshev, A. D., Ivanova, E. A., & Karnysheva, O. A. (2022). Isomorphism as an interdisciplinary-psychological matrix of analysis of the attitude to nature and health in organizations (on the example of the Baikal region). *Organizatsionnaya psikhologiya – Organizational Psychology*, 12(4), 208–234. (In Russian). doi: 10.17323/2312-5942-2022-12-4-208-234
- Karnyshev, A. D., Ivanova, E. A., & Karnysheva, O. A. (2020). Lake Baikal and Psychological Resources to Encourage Environmental Patriotism. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*, 77, 196–214. (In Russian). doi: 10.17223/17267080/77/10
- Karnyshev, A., Karnysheva, O., Ivanova, E., & Gritskikh, N. (2019). Patriotic attitudes impact on interethnic contacts of national identity and self-assessment. *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*, 882–887. doi: 10.15405/epsbs.2019.03.02.102
- Khangalov, M. N. (2004). *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 2. Ulan-Ude: Respubl. tip.
- Klochko, V. E., & Galazhinskiy, E. V. (2009). Innovatsionnyy potentsial lichnosti: sistemno-antropologicheskii kontekst [Innovative potential of personality: system-anthropological context]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 325, 146–151.
- Knyazeva, E. N. (2013). Avtopoezis: stanovlenie, razvitie i uspekhi idei [Autopoiesis: Formation, development and success of an idea]. In E. N. Knyazeva (Ed.). *Sinergetika: antologiya* [Synergetics: An anthology] (pp. 371–397). Moscow; St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives.
- Lynn, R. (2010). *Rasovye razlichiya v intellekte. Evolyutsionnyy analiz* [Racial differences in Intelligence. An Evolutionary Analysis] (D. O. Rumyantsev, Trans.). Moscow: Profit Stayl.
- Lukyanov, O. V. (2009). Tendentsii ponimaniya lichnostnoy identichnosti v sistemno-antropologicheskom rakurse [Trends in understanding personal identity in a systemic anthropological perspective]. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*, 34, 18–23.
- Mancuso, S. (2020). *O chem dumayut rasteniya. Taynaya zhizn', skrytaya ot postoronnikh glaz* [What do plants think about? A secret life hidden from prying eyes] (T. P. Mosolova, Trans.). Moscow: Eksmo.
- Martynov, A. (2002). *Tomskaya pisanitsa* [The Tomsk Pisanitsa]. Kemerovo: Letopis'.
- Momdzhyan, K. Kh., Antonovskiy, A. Yu., Krzhevov, V. S., Efremov, O. A., Semenov, Yu. I., & Barash, R. E. (2015). *Etnos, natsiya, tsennosti: sotsial'no-filosofskie issledovaniya* [Ethnos, Nation, Values: Socio-philosophical Research]. Moscow: Kanon+.

- Plihon, D. (2006). La nationalité des entreprises et le patriotism eéconomiquesont-ilssolublesdans la mondialisation? *Revue internationale et stratégique*, 62, 65–74. Retrieved from: <https://www.cairn.info/revue-internationale-et-strategique-2006-2-page-65.htm>
- Shapiro, J. A. (2020). View From Washington: the America First Pandemic. *European Council on Foreign Relations*. 19th March. Retrieved from: https://www.ecfr.eu/article/commentary_a_view_from_washington_the_america_first_pandemic
- Spencer, G. (1997). *Sinteticheskaya filosofiya* [The Synthetic Philosophy] (P. Mokievsky, Trans.). Kiev: Nika-Tsentr.
- Waal, F. de (2015). *Istoki morali: v poiskakh chelovecheskogo u primatov* [The origins of Morality: In Search of the Human in Primates] (Trans.). Moscow: Al'pina non-fikshn.
- Zhuravlev, A. L., & Yurevich, A. V. (2016). Patriotizm kak ob"ekt izucheniya psikhologicheskoy nauki [Patriotism as an object of study of psychological science]. *Psikhologicheskij zhurnal*, 37(3), 88–98. doi: 10.31857/S20000392-8-1

Received 16.01.2023; Accepted 10.02.2023

Aleksandr D. Karnyshev – Professor, Institute of Social Sciences of Irkutsk State University. D.Sc. (Psychol.), Professor.
E-mail: ale3441@yandex.ru

УДК 159.923.3

РУССКАЯ ТАКСОНОМИЯ ЧЕРТ ЛИЧНОСТИ: РЕЗУЛЬТАТЫ ЭКСПЕРТНОГО ОТБОРА СЛОВ¹

А.М. Мишкевич¹, С.А. Щебетенко¹, А.Ю. Калугин¹,
У.Е. Сиротина¹, Ю.С. Витко¹, Е.А. Клейкова²

¹ *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20*

² *Пермский государственный национальный исследовательский университет (ПГНИУ), Россия, 614068, Пермь, ул. Букирева, д. 15*

Резюме

Психолексический подход является базовым вариантом определения структуры (таксономий) индивидуальных различий. Предполагается, что все значимые для людей личностные особенности отражены в языке, а значит, с помощью анализа языка их можно обнаружить. Результатом психолексических исследований стали такие популярные модели, как Большая пятерка и HEXACO. Сегодня психолексические исследования выполнены на материале более чем 30 языков. Первая русская таксономия была получена А. Шмелевым с коллегами более 30 лет назад. Это исследование методологически отличается от некоторых традиционных практик психолексического подхода, что затрудняет кросскультурные сравнения. В связи с этим изучение русской таксономии черт личности является сегодня актуальной исследовательской задачей. В статье описываются результаты составления словаря описателей личности – первого шага нового психолексического исследования. Для составления словаря был использован корпус русских слов, включающий четыре части речи: прилагательные, существительные, глаголы и наречия. Изначальный список слов содержал 140 189 единиц. Отбор слов проходил в три этапа. В результате первичного отбора список слов был сокращен до 26 124 единиц. На втором этапе – классификации – мы отобрали 4 089 слов, описывающих личность человека. В результате третьего этапа – итоговой чистки словаря – было составлено два словаря описателей личности на русском языке. Расширенный словарь включает 2 384 слова (600 прилагательных, 753 существительных-атрибута, 184 существительных-типа, 501 глагол и 346 наречий); сокращенный словарь включает 1 253 слова (591 прилагательное, 231 существительное-атрибут, 62 существительных-типов, 320 глаголов и 49 наречий). В сокращенном словаре удалены однокоренные синонимы и антонимы разных частей речи. На следующем этапе исследования будет получена эмпирическая таксономия черт, основанная на оценке контента словаря респондентами.

Ключевые слова: черты личности; структура личности; русская таксономия черт; психолексическая гипотеза; психолексический подход; словарь личности

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ, грант № 21-18-00127.

Введение

Диспозиционный подход является одним из ключевых в современной психологии личности. Он предполагает воспроизводимые, устойчивые во времени и кросс-ситуативно стабильные склонности в поведении, мыслях, эмоциях и мотивах, делающие одного человека отличным от другого. Эти склонности, именуемые чертами личности, в той или иной степени коррелируют между собой, что формирует иерархическую структуру черт (Soto, John, Gosling, Potter, 2008; Tackett et al., 2012). Определение структурного состава такой иерархии может осуществляться как рационально-логическими средствами, так и эмпирически. В последнем случае ключевой методологией, сложившейся в течение многих десятилетий, оказывается психолексический подход.

Базовая для психолексического подхода гипотеза предполагает, что все значимые для людей индивидуальные различия должны ими обсуждаться, оцениваться, проговариваться. Таким образом, индивидуальные различия должны быть непременно отражены в натуральном языке (Goldberg, 1981). Следовательно, полная таксономия черт может быть извлечена из общего словаря данного языка. Психолексические исследования имеют сложившиеся традиции проведения. Это позволяет выявлять как общее, кросс-культурное, в структуре личности человека, так и идиосинкратическое, присущее определенному языку и культуре (Thalmayer, Saucier, Ole-Kotikash, Payne, 2020).

Традиционно подобные исследования включают в себя несколько шагов (Thalmayer et al., 2020). Сначала необходимо извлечь из общего корпуса языка список всех слов, описывающих индивидуальные различия. Далее этот список сокращается до приемлемого для сбора самоотчетов размера, после чего полученные слова предъявляются носителям языка для оценки себя или другого человека. Наконец на последнем этапе путем факторного анализа полученных оценок определяют структуру индивидуальных различий.

На материале английских прилагательных была получена Большая пятетка – одна из самых распространенных современных моделей (Goldberg, 1982). В результате анализа результатов психолексических исследований на голландском, французском, немецком, венгерском, итальянском, корейском и польском языках получен список черт модели HEXACO (Ashton et al., 2004). Всего к середине 2010-х гг. были проведены исследования более чем на 30 языках (De Raad, Mlačić, 2017).

Единственным известным нам исследованием русской психолексической таксономии с использованием эмпирических данных являются работы А. Шмелева с коллегами (Shmelyov, Pokhil'ko, 1993), которые проводились в течение 1980-х гг. Методология этих исследований несколько отличалась от принятой в психолексических исследованиях, что отмечают и сами авторы (Shmelyov, Pokhil'ko, 1993). В частности, структура была получена не путем анализа самооценок, а из экспертных оценок слов, выполненных

психологами. Различия в методологии создали сложности для кросс-культурных сравнений с использованием русских данных (Saucier, Goldberg, 2001; De Raad et al., 2010). Таким образом, несмотря на важность и новаторство исследований Шмелева с коллегами, вопрос структуры индивидуальных различий на русском языке остается, скорее, предварительным. В нашем исследовании мы предприняли попытку сделать следующий шаг: изучить русскую таксономию черт средствами общепринятой методологии с использованием современных эмпирических данных.

Прежде чем приступить к решению такой задачи, необходимо составить оптимальный словарь русскоязычных описателей личности. С одной стороны, словарь должен быть максимально полным и охватывающим все возможные элементы структуры личности. С другой стороны, он не должен быть излишне громоздким, чтобы не осложнять сбор данных самоотчетов и оценок наблюдателей. Не должно быть и большого числа повторяющихся друг друга слов (например, имеющих одинаковый смысл однокоренных слов). Словарь должен отражать современный язык, однако он должен быть понятным большинству носителей языка, включая зрелых и пожилых людей. Таким образом, составление такого словаря является отдельной исследовательской задачей.

Одним из ключевых условий для составления полного словаря является выбор оптимального источника слов. Чаще всего исследователи используют письменные источники, обычно словари (подробнее см.: De Raad, Mlačić, 2017), реже – иные письменные материалы, например романы (см.: Singh, Misra, De Raad, 2013). Хотя словари составляются профессиональными лингвистами и охватывают язык во всем его многообразии, они не лишены недостатков: словари не всегда успевают за изменениями и развитием языка. Поэтому мы взяли еще один список, составляемый профессиональными лингвистами, – корпус слов русского языка, созданный на основе разнообразных текстов (подробнее в разделе «Методы и организация исследования»).

Перед началом исследования необходимо решить, какие части речи будут отобраны. Традиционно используют прилагательные (Goldberg, 1982; De Raad, Mlačić, 2017), но в ряде исследований показано, что использование разных частей речи позволяет получить более полную картину таксономии (Saucier, 2003; Barelds, De Raad, 2015), поэтому в своем исследовании мы использовали прилагательные, существительные, глаголы и наречия. Angleitner, Ostendorf и John (1990) предлагают разделять существительные-типы (например, «добряк») и существительные-атрибуты (например, «добродота»). Различие структур личности в связи с используемой частью речи является отдельным исследовательским вопросом (De Raad, 2000), поэтому мы планируем составление двух словарей. Сначала мы сократим словарь, убрав лишние однокоренные слова в рамках каждой части речи отдельно. Так по каждой части речи будет получен максимально полный список. Однако поскольку такой список будет содержать повторяющиеся по смыслу однокоренные слова из разных частей речи (например, «агрессия» в списке

существительных и «агрессивный» в списке прилагательных), для основного исследования будет составлен сокращенный вариант, где из однокоренных синонимов из разных частей речи будет выбран один вариант.

Традиционно выделяют «голландскую» (Brokken, 1978; De Raad, Di Blas, Perugini, 1998) и «немецкую» (Angleitner et al., 1990) методологии отбора слов. В рамках первой предполагается два этапа отбора с использованием «критерия природы» (слово можно подставить во фразу «Этот человек [*прилагательное*] по своей природе») и «критерия личности» (слово отвечает на вопрос «Мистер X, что он за человек?»).

«Немецкая» методология имеет подробную схему отбора слов. Один из основных этапов этой схемы – классификация по заранее прописанным категориям (диспозиции, временные состояния, социальные и репутационные аспекты, наружные характеристики и внешний вид, термины ограниченной полезности), а каждая категория содержит ряд подкатегорий. В результате такой классификации отбираются только слова, «прототипичные» для первой категории (диспозиции).

Большинство современных исследований используют «немецкую» методологию (De Raad, Mlačić, 2017). В нашем исследовании мы также планируем опираться на данный метод отбора. Более подробные методологические вопросы, связанные с организацией психолексического исследования, обсуждены в предыдущей статье (Мишкевич, Щебетенко, Калугин, 2021).

Целью данного психолексического исследования является составление словаря личностных описателей на русском языке с опорой на сложившуюся методологию (Angleitner et al., 1990; Church, Katigbak, Reyes, 1996; Hřebíčková, 2007; Gorbaniuk, Czarnecka, Chmurzyńska, 2011; Shala, De Raad & Arēnliu, 2020 и др.).

Методы и организация исследования

Участники. Для извлечения слов, описывающих личность, мы использовали экспертные оценки. Всего в первых двух этапах исследования приняли участие 11 экспертов, из них 4 человека участвовали только в одном этапе, 3 человека участвовали в двух этапах, 4 эксперта принимали участие во всех трех этапах. Экспертами выступили люди с высшим психологическим или филологическим образованием, а также студенты-психологи старших курсов.

Перед началом каждого этапа со всеми экспертами обсуждались условия взаимодействия, вознаграждение за работу, права и обязанности экспертов в рамках исследования, теоретические основания исследования. Для работы был создан сайт на основе CMS Moodle. Через этот сайт каждый эксперт получал индивидуальный файл Excel со словами и инструкцией для конкретной части речи. Файл с результатами экспертной оценки необходимо было загрузить на сайт. Весь массив слов был разбит на небольшие блоки, каждый из которых эксперты оценивали в течение двух недель.

Перед началом каждого этапа проводилась консультация для всех экспертов. Далее эксперты в пилотном режиме оценивали небольшое количество слов, после чего проводилась еще одна встреча, во время которой обсуждались все возникшие вопросы, сложные и непонятные моменты. В ходе работы над словами постоянно проводились индивидуальные консультации и групповые обсуждения.

За участие в первом шаге первого этапа эксперты получили вознаграждение в виде зачетных единиц (зачтенной учебной нагрузки); на следующих этапах эксперты получали денежное вознаграждение.

Экспертами на последнем этапе выступили авторы этой статьи: 1 доктор психологических наук, 2 кандидата психологических наук, 1 кандидат филологических наук и 2 эксперта с психологическим образованием. Дополнительно материал оценивали по 12 экспертов с расчетом на слово, всего 45 человек. Эти эксперты не имели психологического образования (6 человек студенческого возраста и 6 человек от 30 до 74 лет).

Подготовка базы слов. В качестве источника слов использовался «Открытый корпус» (<http://opencorpus.org/>), созданный на основе разнообразных текстов. С одной стороны, этот корпус составляется профессиональными лингвистами, как и словари. С другой стороны, в отличие от словарей, он постоянно обновляется и пополняется, а значит, отражает современный язык во всем его многообразии.

Для анализа мы взяли четыре части речи: прилагательные, существительные, наречия и глаголы. Для итоговой базы все слова были приведены к единому формату: единый род, число, падеж; были удалены повторяющиеся слова, удалены имена, фамилии, отчества, географические топонимы, аббревиатуры, названия организаций и торговых марок; удалены слова, отмеченные авторами корпуса как устаревшие или вульгарные.

Исследовательский план. Экспертный отбор слов включал в себя три этапа.

Этап 1. Первичный отбор. Этап состоял из двух шагов.

1. Задачей первого шага являлся первичный отбор слов – исключение слов, которые однозначно не относятся к описанию человека (напр., «подушка»). На данном шаге экспертам предлагалось выбрать слова, с помощью которых можно описать человека либо отличить поведение одного человека от поведения другого.

Для упрощения отбора были предложены следующие короткие фразы, в которые эксперты могли мысленно подставлять оцениваемые слова: для существительных-типов: «Можно ли Ивана назвать...?» (напр., «Можно ли Ивана назвать агрессором?»); иррелевантный пример: «Можно ли Ивана назвать акклиматизацией?»); для существительных-атрибутов: «Человеку может быть свойствен / свойственна / свойственно...» (напр., «Человеку может быть свойственна агрессия»; иррелевантно: «Человеку может быть свойствен стол»); для прилагательных: «Петр такой...» (напр., «Петр такой веселый»; иррелевантно: «Петр такой амбарный»); для глаголов: «Человек иногда может...» (напр., «Человек иногда может злиться»; иррелевантно:

«Человек иногда может выкипать»); для наречий: «Человек может вести себя...» (напр., «Человек может вести себя весело»; иррелевантно: «Человек может вести себя алгебраически»).

Первый шаг продолжался 20 недель. В отборе участвовали девять экспертов, каждое слово было оценено двумя экспертами. На следующий шаг слово переходило, если хотя бы один эксперт отмечал его подходящим.

2. В рамках так называемой «немецкой методологии» отбора на первом шаге исключаются слова, связанные с определенным контекстом (напр., политическим, профессиональным контекстом и др.) (Angleitner et al., 1990). Нами было принято решение провести удаление слов из данных категорий на втором шаге, чтобы не усложнять и не продлевать первую фазу. Мы дали инструкцию классифицировать слова по пяти категориям:

1. Слова, связанные с политическим, философским, литературным, религиозным контекстом или искусством.

2. Слова, описывающие национальный статус, географическое происхождение или профессию.

3. Слова, определяемые как разговорные или вульгарные.

4. Архаичные слова.

5. Другие слова, с помощью которых можно описать человека или отличить поведение одного человека от поведения другого человека.

На следующий этап слово переходило, если хотя бы один из экспертов отнес его к пятой категории.

Слово можно было относить только к одной категории. Как следствие, многозначные слова, отчасти относящиеся к описанию личности, могли быть упущены. В связи с этим после окончания классификации слов эксперты оценивали личностный контент в «отброшенных» словах (т.е. тех, что ни один из экспертов не отнес к категории 5). Для этого экспертам была дана инструкция оценить то, насколько каждое из данных слов подходит для описания личности, характера или темперамента человека. Для дальнейшего анализа здесь были отобраны слова, набравшие в среднем 4 и более баллов по 5-балльной шкале.

Этот шаг длился 9 недель. В отборе участвовали шесть экспертов, на каждое слово по два эксперта.

Этап 2. Классификация. Целью второго этапа являлось получение первого варианта словаря личности на русском языке. За основу классификации для второго этапа отбора слов была взята немецкая методология (Angleitner et al., 1990). В оригинале список включает в себя 5 категорий и 13 подкатегорий. Нами были добавлены две подкатегории: «Зд. Социальный статус / положение» и «Зв. Физические / моторные способности». Название подкатегории 1б («Способности и таланты») было изменено на «1б. Ментальные способности и таланты». Итоговый список категорий:

1. Диспозиции:

а. Темперамент и характер.

б. Ментальные способности и таланты.

2. Временные состояния:
 - а. Состояния: эмоции, настроения и когниции.
 - б. Физические и телесные состояния.
 - в. Наблюдаемая активность.
3. Социальные и репутационные аспекты:
 - а. (Социальные) Роли и взаимоотношения.
 - б. Социальные эффекты: описывают реакции других.
 - в. Чистые оценки.
 - г. Установки и мировоззрения.
 - д. Социальный статус / положение.
4. Наружные характеристики и внешний вид:
 - а. Анатомия и телосложение.
 - б. Внешний вид, образ, манеры.
5. Термины ограниченной полезности:
 - а. Термины, зависящие от конкретного контекста или технические термины.
 - б. Метафорические, расплывчатые, устаревшие слова.
 - в. Физические / моторные способности.

Для упрощения отбора глаголов в пояснение к подкатегории 1а был добавлен критерий частотности, предложенный Б. Де Раадом с коллегами (De Raad, Mulder, Kloosterman, Hofstee, 1988). Согласно этому критерию глагол подходит, если личность человека характеризует совершение данного действия с определенной частотой. Кроме этого, критерием отбора служила возможность / невозможность сформулировать, какое качество стоит за данным глаголом. Например, если человек часто смеется, то он, вероятно, веселый; а если человек часто икает, то это не говорит ни о каком его качестве. Итоговое пояснение было сформулировано следующим образом:

«Пояснение: для проверки вхождения глагола в подкатегорию 1а (Темперамент и характер) мысленно вставьте его в предложение: “Если человек часто [глагол], то это характеризует его темперамент / характер”.

В сложных случаях можно попробовать сформулировать, какая характеристика темперамента / характера стоит за данным действием. Например, если человек часто общается, то он общительный. Если человек часто смущается, то он скромный и т.д.»

К подкатегории 5а было дано следующее пояснение (Angleitner et al., 1990, p. 106): «Подкатегория включает термины, которые применимы только к определенным группам (например, слово «призывник» может быть применено только к мужчинам в возрасте от 18 до 27 лет), описывают сексуальные ориентации и особенности или относятся к медицинской, психологической терминологии или терминологии заболеваний».

Этап продлился 10 недель; в нем приняли участие 6 экспертов, каждое слово оценивали 4 человека. Слова, отобранные хотя бы двумя экспертами в первую категорию (диспозиции), составили первый вариант словаря личности.

Этап 3. Итоговая чистка словаря. Итоговая чистка словаря заключалась в удалении лишних слов: однокоренных синонимов и антонимов, сленговых, малопонятных слов и т.д. Этап включал в себя несколько шагов:

1. Сначала все авторы статьи просмотрели список слов, были отмечены однокоренные синонимы (напр., «ранимый»–«легкоранимый» или «дружелюбие»–«дружелюбность») и антонимы (напр., «мирно»–«немирно» или «грамотность»–«безграмотность») (в рамках каждой части речи отдельно), а также оскорбительные (оценочные слова, в которых неясно, какая именно личностная характеристика стоит за ними; напр., «сволочь») или явно разговорные слова (напр., «нюня», «блюдолиз»). Экспертам необходимо было выбрать, какие из однокоренных слов нужно оставить. Кроме этого, эксперты отмечали, является ли данное существительное типом или атрибутом. Слово удалялось или оставлялось при соответствующем решении 5 или 6 экспертов.

2. Далее первые три автора статьи обсудили все слова, по которым мнения экспертов разошлись, и удалили ряд слов. Некоторые слова были заменены на однокоренные, отсутствующие в списке, но более приемлемые, по мнению экспертов (напр., «неподобострастный» заменен на «подобострастный»).

3. Следующим шагом 12 экспертов без высшего психологического образования (6 человек студенческого возраста и 6 человек от 30 до 74 лет) оценили каждое слово по двум вопросам: «Понятен ли вам смысл слова?» (да / нет) и «Насколько часто данное слово используется для обозначения человека?» (по шкале от 1 – «никогда не используется» до 5 – «очень часто используется»). Если хотя бы 3 эксперта отметили, что не знают слово, оно удалялось.

4. После этого первые пять авторов статьи еще раз просмотрели слова и обсудили спорные. В результате еще несколько слов было удалено или заменено. Например, было удалено слово «многофункциональность», заменено «лежебок» на «лежебока».

В результате был получен словарь личности, включающий четыре части речи. Далее нами был составлен сокращенный словарь личности. Для этого первый автор статьи нашла все однокоренные синонимы и антонимы из разных частей речи. При выборе между разными частями речи приоритет отдавался прилагательным. Отдельные случаи составили исключения. Например, было убрано прилагательное «домоседливый», но оставлено существительное «домосед». Если же в перечне однокоренных не было соответствующего прилагательного, оставляли слово, получившее больший балл по степени используемости (3-й шаг 3-го этапа).

Результаты исследования

Этап 1. Предварительный отбор

Шаг 1

Изначальный список включал в себя 140 189 слов. По результатам Этапа 1 было отобрано 40 204 слов (28,68% от исходного списка). Из них

оба эксперта отобрали 12 529 слов (9% от изначального списка), остальные слова выбрал один из двух экспертов. По частям речи было получено следующее: 7 569 (19%) прилагательных, 14 246 (35%) существительных, 17 174 (43%) глаголов и 1 215 (3%) наречий.

Шаг 2

После классификации было отобрано 25 654 слов (63,81% от количества, отобранного на шаге 1). В результате оценки личностного содержания в исключенных словах было добавлено еще 470 слов.

В итоге на этом шаге было отобрано 26 124 слов (64,98% от количества, отобранного на шаге 1). Из них 5 800 (22,10%) прилагательных, 7 275 (27,85%) существительных, 11 925 (45,65%) глаголов и 1 123 (4,30%) наречий.

Этап 2. Классификация

На данном этапе слово считалось прототипичным (Angleitner et al., 1990; Hřebíčková, 2007; Szarota, Ashton, Lee 2007; Gorbaniuk et al., 2011 и др.) для определенной категории или подкатегории при отнесении его к ней минимум двумя экспертами.

Некоторые слова оказались прототипичными для нескольких категорий. Среди 5 800 прилагательных 1 799 были отнесены одновременно в две категории, 59 – в три категории. Например, слово «бесхарактерный» большинство экспертов отнесли одновременно к категории 1 как черту характера или темперамента и к категории 3 как «чистую оценку». 34 прилагательных каждый из экспертов отнес к разным категориям, и данные слова не вошли как прототипичные ни в одну из категорий (напр., слово «здравый»).

2 468 существительных (из 7 275) были отнесены одновременно в две категории, 94 – в три категории, 2 слова попали одновременно в четыре категории. Так, «медлительность» большинством экспертов была отнесена к категории 1 как черта характера или темперамента и к категории 2 как наблюдаемая активность. 33 существительных не оказались прототипичными ни для одной из категорий (напр., «наигранность»).

3 525 глаголов (из 11 925) оказались прототипичными одновременно для двух категорий, а 91 – для трех. Например, слово «замыкаться» было отнесено одновременно к категории 1 как черта характера или темперамента и к категории 2 как состояние. 79 глаголов не попали как прототипичные ни в одну категорию (напр., «плениться»).

327 наречий (из 1 123) оказались прототипичными сразу для двух категорий, а 12 – для трех. Например, «трепетно» большинство экспертов отнесли в категорию 1 как темперамент или характер и в категорию 2 как состояние. Еще 12 наречий не попали ни в одну категорию как прототипичные (напр., «приглашающе»).

Результаты классификации представлены в табл. 1.

Таким образом, самой многочисленной оказалась категория 5 («Термины ограниченной полезности»), причем в равной мере здесь были представлены подкатегории 5а и 5б. Как видно из табл. 1, на этап 3 было отобрано 4 089 слов (категория 1). Из отобранных больше всего существительных и прилагательных, меньше глаголов и наименьшее количество наречий.

Таблица 1

Прототипичные для разных категорий слова на этапе классификации

Категории	Прилагательные		Существительные		Глаголы		Наречия		Итого
	Кол-во	Пример	Кол-во	Пример	Кол-во	Пример	Кол-во	Пример	
1. Диспозиции	1 278		1 485		892		434		4 089
а. Темперамент и характер	973	жизнерадостный	1 012	уравновешенность	549	упорствовать	348	настойчиво	2 882
б. Ментальные способности и таланты	281	догадливый	333	смекалистость	205	сочинять	81	умело	900
2. Временные состояния	665		741		8 105		320		9 831
а. Состояния: эмоции, настроения и когниции (познавательные процессы)	294	безутешный	369	кураж	790	запаниковать	236	растерянно	1 689
б. Физические и телесные состояния	214	голодный	128	зуд	507	дрожать	49	вяло	898
в. Наблюдаемая активность	77	крадущийся	189	странствование	6 578	пнуть	18	громко	6 862
3. Социальные и репутационные аспекты	2 051		3 723		2 171		509		8 454
а. (Социальные) Роли и взаимоотношения	116	авторитетный	1 131	внук	108	свататься	41	авторитетно	1 396
б. Социальные эффекты: описывают реакции других	83	утомительный	245	надоедала	763	разочаровать	31	отвергающе	1 122
в. Чистые оценки	952	несносный	801	никчёмность	648	сплоховать	269	гадко	2 670
г. Установки и мировоззрения	308	нравственный	595	патриот	104	веровать	56	консервативно	1 063
д. Социальный статус / положение	359	малосостоятельный	366	обеспеченность	146	разориться	61	по-нищенски	932
4. Наружные характеристики и внешний вид	1 098		358		345		69		1 870
а. Анатомия и телосложение	505	большеголовый	114	нестройность	56	похудеть	0	-	675
б. Внешний вид, образ, манеры	644	безусый	268	женоподобие	295	молодиться	69	опрятно	1 276
5. Термины ограниченной полезности	2 591		3597		4 040		130		10 358
а. Термины, зависящие от конкретного контекста или технические термины	639	годовалый	1990	алкоголичка	1 405	реконвертировать	17	маниакально	4 051
б. Метафорические, расплывчатые, устаревшие слова	1 469	алмазоносный	1199	беспредельность	1 416	перерождаться	64	по-волчьи	4 48
в. Физические / моторные способности	103	быстроногий	69	меткость	37	акробатствовать	13	пластично	222

Этап 3. Итоговая чистка словаря

На данном этапе отобранные существительные классифицировались на типы или атрибуты. Согласованность экспертов в этом вопросе достигла 0,98 (коэффициент конкордации Кэнделла), решения по спорным словам принимались после совместного обсуждения. Всего было обнаружено 1 153 атрибутов и 332 типа.

Далее необходимо было удалить из списка повторяющиеся слова, для чего список был еще раз проанализирован авторами. В результате были оставлены 558 прилагательных, 470 прилагательных удалены; в оценке еще 250 слов эксперты разошлись, данные слова оставлены для дальнейшего обсуждения. Среди существительных оставлено 915 слов (745 атрибутов, 170 типов), 335 слов удалено (245 атрибутов, 90 типов), 235 существительных под вопросом (163 атрибута, 72 типа). Оставлено 432 глагола, 245 удалено, 215 оставлено для дальнейшего обсуждения. Наконец, наречий оставлено 328 единиц, 58 удалено, 48 – под вопросом.

Далее первые три автора статьи обсудили спорные слова. В результате было удалено еще 171 прилагательное, 43 слова заменены на однокоренные, отсутствующие в списке, но более приемлемые, по мнению экспертов (напр., «манипулятивный» на «манипулирующий»). Среди существительных-атрибутов удалено еще 82 слова, 8 слов заменено. Удалено 30 существительных-типов, 26 слов заменено. Из глаголов удалено 119 единиц, заменено 51. Было удалено 22 наречия, заменено 7.

Затем после анализа 12 экспертами (наивными носителями языка) было удалено еще 165 малознакомых слов (36 прилагательных, 69 атрибутов, 28 типов, 24 глагола и 8 наречий). Наконец после итогового анализа списка было удалено еще 8 слов (напр., «злоехидный») и переформулировано 9 слов (напр., «вразумительно» изменено на «невразумительно»).

Таким образом, был составлен расширенный словарь слов, описывающих личность на русском языке. Словарь включил 2 384 слова, из них 600 прилагательных, 753 существительных-атрибута, 184 существительных-типа, 501 глагол и 346 наречий (табл. 2).

Таблица 2

Количество слов, отобранных на каждом этапе

Части речи	Изначальное количество	1-й этап	2-й этап	Расширенный словарь	Сокращенный словарь
Прилагательные	42 230	5 800	1 278	600	591
Существительные	62 871	7 275	1 485	937	293
Атрибуты				753	231
Типы				184	62
Глаголы	30 918	11 925	892	501	320
Наречия	4 170	1 123	434	346	49
Всего	140 189	26 124	4 089	2 384	1 253

Для проведения основного исследования нам был необходим единый список слов без однокоренных синонимов в разных частях речи. Для этого

списки были соотнесены и лишние слова удалены (напр., оставлено прилагательное «адаптивный», но удалены существительное «адаптивность» и глагол «адаптироваться»). Сокращенный словарь, таким образом, включил 1 253 слова, из них 591 прилагательное, 231 существительное-атрибут, 62 существительных-типа, 320 глаголов и 49 наречий.

Обсуждение результатов

Целью работы было составление словаря описателей личности на русском языке. Для этого был использован «Открытый корпус» русского языка (<http://opencorpus.org/>). Отбор слов проходил в 3 этапа, на первом была произведена предварительная очистка списка от однозначно irrelevantных слов, в результате чего было удалено более 110 000 слов.

Второй этап включал в себя классификацию оставшихся слов по 5 категориям и 15 подкатегориям. Самой многочисленной оказалась категория 5 («Термины ограниченной полезности»). Вероятно, это связано с изначальной установкой исследовательской группы на инклюзивность отбора, опасениями упустить подходящие слова. Такая установка озвучивалась экспертам на обеих фазах первого этапа, и, вероятно, эксперты включали все слова, которые хотя бы в каком-то смысле можно отнести к человеку. Кроме этого, наличие большого количества слов ограниченной полезности (метафорические, расплывчатые, термины и т.д.), пожалуй, способствовал отбору всех слов, которые выбрал хотя бы один эксперт.

При этом значительно сократилось количество глаголов по сравнению с первым этапом (с 11 925 единиц до 892). Вероятно, это связано со спецификой данной части речи: глаголы могут выражать поведение человека, многие из них можно прямо или иносказательно отнести к человеку (как и было заявлено в инструкциях к первому этапу), поэтому на этапе предварительного отбора треть всех глаголов оказалась в списке. Но глаголы в первую очередь описывают какое-то конкретное действие, поэтому самая многочисленная категория для этой части речи – «2. Временные состояния» (особенно подкатегория «2в. Наблюдаемая активность»). Дескрипторов в данной части речи оказалось почти в 10 раз меньше. Это вполне соотносится с исследованиями на других языках (напр., De Raad et al., 1988; Hřebíčková, 2007; Gorbaniuk et al., 2019 и др.).

После дальнейшего очищения списка от излишних слов был получен расширенный словарь, содержащий 2 384 единицы (словарь представлен на сайте Open Science Framework: <https://osf.io/hx579>) и сокращенный словарь, включающий 1 253 слов (словарь представлен на сайте Open Science Framework: <https://osf.io/5bqar>).

Больше всего в расширенный словарь отобрано слов из существительных и прилагательных, что также согласуется с исследованиями на других языках и с особенностями данных частей речи, которые часто используются для описания человека. Интересно, что было больше отобрано существительных, чем прилагательных, хотя именно прилагательные считаются

основной частью речи, используемой для обозначения индивидуальных различий. Подобная картина наблюдается и в ряде исследований на других языках, в том числе славянских, например на польском (Gorbaniuk et al., 2019), украинском (Gorbaniuk et al., 2018), и балтийских языках, например литовском (Ivanova et al., 2018). Однако, например, на голландском языке больше всего было отобрано прилагательных, немного меньше глаголов и еще меньше существительных (De Raad, Barelds, 2008).

Один из этапов проведения психолексического исследования предполагает сокращение списка до приемлемого размера (Thalmayer et al., 2020). При этом границы приемлемости определяют авторы исследования. Поэтому в каких-то исследованиях словарь сокращают до нескольких сотен слов, в других – до нескольких тысяч. Кроме этого, часто исследователи используют только прилагательные. Например, в литовском исследовании после всех этапов отбора и чисток словаря авторы получили список из 194 прилагательных (Livaniene, De Raad, 2017), в то время как в сербском исследовании ученые получили список из 272 слов разных частей речи (De Raad, Smederevac, Čolović, Mitrović 2018). Напротив, на голландском языке был составлен словарь из 2 331 слова разных частей речи (De Raad, Barelds, 2008), а на филиппинском языке – максимально широкий список из 2 991 прилагательного (Church et al., 1996). Однако такое количество, скорее, исключение; как правило, размер словаря колеблется от нескольких сотен до тысячи с небольшим слов (напр., Gorbaniuk et al., 2018; Gorbaniuk et al., 2019; Ivanova et al., 2018; Boies, Lee, Ashton, Pascal, Nicol, 2001 и др.). В этом смысле наш словарь по своему размеру является вполне типичным.

Таким образом, нами составлен словарь личностных описателей на русском языке. В результате экспертной оценки изначальный список из 140 189 слов был сокращен до 1 253 (0,9%). Следующим шагом в исследовании является предъявление этого словаря носителям языка для самооценки или оценки другого человека. В результате анализа этих данных мы планируем получить данные о структуре личности на русском языке.

Литература

Мишкевич, А. М., Щебетенко, С. А., Калугин, А. Ю. (2021). К вопросу об организации психолексического исследования русской таксономии черт. *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*, 4, 613–627. doi: 10.17072/2078-7898/2021-4-613-627

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе *References* после англоязычного блока.

Поступила в редакцию 14.09.2022 г.; принята 25.01.2023 г.

Мишкевич Арина Михайловна – старший научный сотрудник департамента психологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», кандидат психологических наук.
E-mail: ArinaMishkevich@ya.ru

Щебетенко Сергей Александрович – профессор, ведущий научный сотрудник департамента психологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор психологических наук, доцент.

Email: sshchebetenko@hse.ru.

Калугин Алексей Юрьевич – старший научный сотрудник департамента психологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», кандидат психологических наук, доцент.

E-mail: kaluginau@yandex.ru

Сиротина Ульяна Евгеньевна – бакалавр департамента психологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Email: uesirotna@edu.hse.ru

Витко Юлия Станиславовна – стажер-исследователь департамента психологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

E-mail: uliyvitko18@gmail.com

Клюйкова Екатерина Александровна – доцент кафедры русской литературы Пермского государственного национального исследовательского университета, кандидат филологических наук.

Email: kliuikova25@gmail.com

For citation: Mishkevich, A. M., Shchebetenko, S. A., Kalugin, A. Yu., Sirotna, U. E., Vitko, Yu. S., Kliuikova, E. A. (2023). A Russian Taxonomy of Personality Traits: Preliminary Findings from the Word Selection Stage. *Sibirskiy Psikhologicheskiy Zhurnal – Siberian journal of psychology*, 87, 51–67. In Russian. English Summary. doi: 10.17223/17267080/87/3

A Russian Taxonomy of Personality Traits: Preliminary Findings from the Word Selection Stage¹

**A.M. Mishkevich¹, S.A. Shchebetenko¹, A.Yu. Kalugin¹,
U.E. Sirotna¹, Yu.S. Vitko¹, E.A. Kliuikova²**

¹ HSE University, 20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation

² Perm State University, 15 Bukireva Str., Perm, 614068, Russian Federation

Abstract

The psycholexical approach is a basic option for identifying the structure (taxonomies) of individual differences in personality. All personality traits assumed to be important for the individual may be reflected in the language; They thus can be detected by analyzing the language. Psycholexical research has given rise to many popular models such as the Big Five and HEXACO. So far, the psycholexical studies have been performed on the basis of over 30 languages. The first Russian taxonomy by A. Shmelev and his colleagues was revealed well over 30 years ago. This study differed methodologically from existing practice of performing the psycholexical research, which makes cross-cultural comparisons of the Russian taxonomy difficult. In this context, a new study of the Russian taxonomy of personality traits remains a relevant research endeavor today. The article describes the first step of a new psycholexical study, whereby we have compiled a global dictionary of the personality descriptors. We employed a corpus of Russian words, comprising four parts of speech: adjectives, nouns, verbs, and adverbs. The initial total list contained 140,189 words. We then selected personality-relevant words in three stages. Consequently, the word list was reduced to 26,124 units. At the second, classification stage, we retained 4,089 words describing human

¹ The research was carried out with the financial support of the RSF, project No 21-18-00127.

personality. The third stage of final cleaning the dictionary has ended up with two dictionaries of the Russian personality descriptors. The former, advanced dictionary includes 2,384 words (600 adjectives, 753 nouns as attributes, 184 nouns as types, 501 verbs, and 346 adverbs); the latter, abridged dictionary includes 1,253 words (591 adjectives, 231 nouns as attributes, 62 nouns as types, 320 verbs, and 49 adverbs). In the abridged dictionary, synonyms and antonyms of the different parts of speech were removed. At the next stage of the study, we plan to investigate an empirical structure of the Russian personality taxonomy.

Keywords: personality traits; personality structure; the Russian taxonomy of traits; psycholexical hypothesis; psycholexical approach; personality vocabulary

References

- Angleitner, A., Ostendorf, F., & John, O. P. (1990). Towards a taxonomy of personality descriptors in German: A psycho-lexical study. *European Journal of Personality*, 4(2), 89–118. doi: 10.1002/per.2410040204
- Ashton, M. C., Lee, K., Perugini, M., Szarota, P., De Vries, R. E., Di Blas, L., ... De Raad, B. (2004). A six-factor structure of personality-descriptive adjectives: solutions from psycho-lexical studies in seven languages. *Journal of Personality and Social Psychology*, 86(2), 356–366. doi: 10.1037/0022-3514.86.2.356
- Barelds, D. P., & De Raad, B. (2015). The role of word-categories in trait-taxonomy: evidence from the Dutch personality taxonomy. *International Journal of Personality Psychology*, 1, 15–25.
- Boies, K., Lee, K., Ashton, M. C., Pascal, S., & Nicol, A. A. (2001). The structure of the French personality lexicon. *European Journal of Personality*, 15(4), 277–295. doi: 10.1002/per.411
- Brokken, F. B. (1978). *The language of Personality* (Unpublished doctoral dissertation). University of Groningen, Groningen, the Netherlands.
- Church, A. T., Katigbak, M. S., & Reyes, J. A. S. (1996). Toward a taxonomy of trait adjectives in Filipino: Comparing personality lexicons across cultures. *European Journal of Personality*, 10(1), 3–24. doi: 10.1002/(SICI)1099-0984(199603)10:1<3::AID-PER234>3.0.CO;2-M
- De Raad, B. (2000). *The Big Five personality factors: The psycholexical approach to personality*. Seattle, WA: Hogrefe & Huber.
- De Raad, B., & Barelds, D. P. (2008). A new taxonomy of Dutch personality traits based on a comprehensive and unrestricted list of descriptors. *Journal of Personality and Social Psychology*, 94(2), 347–364. doi: 10.1037/0022-3514.94.2.347
- De Raad, B., & Mlačić, B. (2017). The lexical foundation of the Big Five factor model. In T.A. Widiger (Ed.), *The Oxford handbook of the five factor model* (pp. 191–216). New York: Oxford University Press. doi: 10.1093/oxfordhb/9780199352487.013.12
- De Raad, B., Barelds, D. P., Levert, E., Ostendorf, F., Mlačić, B., Blas, ... & Katigbak, M. S. (2010). Only three factors of personality description are fully replicable across languages: A comparison of 14 trait taxonomies. *Journal of Personality and Social Psychology*, 98(1), 160–173. doi: 10.1037/a0017184
- De Raad, B., Di Blas, L., & Perugini, M. (1998). Two independently constructed Italian trait taxonomies: Comparisons among Italian and between Italian and Germanic languages. *European Journal of Personality*, 12(1), 19–41. doi: 10.1002/(SICI)1099-0984(199801/02)12:1<19::AID-PER290>3.0.CO;2-6
- De Raad, B., Mulder, E., Kloosterman, K., & Hofstee, W. K. (1988). Personality-descriptive verbs. *European Journal of Personality*, 2(2), 81–96. doi: 10.1002/per.2410020204
- De Raad, B., Smederevac, S., Čolović, P., & Mitrović, D. (2018). Personality traits in the Serbian language: Structure and procedural effects. *Journal of Research in Personality*, 73, 93–110. doi: 10.1016/j.jrp.2017.11.008
- Goldberg, L. R. (1981). Language and individual differences: The search for universals in personality lexicons. *Review of Personality and Social Psychology*, 2(1), 141–165.

- Goldberg, L. R. (1982). From Ace to Zombie: Some explorations in the language of personality. *Advances in Personality Assessment*, 1, 203–234
- Gorbaniuk, O., Czarnecka, E., & Chmurzyńska, M. (2011). Taxonomy of person-descriptive terms in Polish: A psycho-lexical study. *Current Problems of Psychiatry*, 12(1), 100–106.
- Gorbaniuk, O., Korczak, A., Toruj, N., Czarnejko, A., Macheta, K., Jałoszewska, M., ... Hawryluk, M. (2019). Comprehensive psycholexical classification of Polish person-descriptive terms. *Current Issues in Personality Psychology*, 7(2), 142–154. doi: 10.5114/cipp.2019.82792
- Gorbaniuk, O., Mirowich, A., Leoszko, W., Gorbaniuk, J., Kordon, A., Świdarska, ... Korczak, A. (2018). A Psycholexical Classification of Ukrainian descriptors of individual differences. *Current Problems of Psychiatry*, 19(2), 71–78. doi: 10.2478/cpp-2018-0007
- Hřebíčková, M. (2007). The lexical approach to personality description in the Czech context. *Ceskoslovenská Psychologie*, 51, 50–61.
- Ivanova, A., Gorbaniuk, O., Blėkaitė, D., Dovydaitė, E., Čepulienė, A. A., Mastauskaitė, G., ... Slapšinskaitė, R. (2018). Do adjectives exhaust the personality lexicon? A psycholexical study of the Lithuanian language. *Current Issues in Personality Psychology*, 6(3), 171–180.
- Livaniene, V., & De Raad, B. (2017). The factor structure of Lithuanian personality-descriptive adjectives of the highest frequency of use. *International Journal of Psychology*, 52(6), 453–462. doi: 10.1002/ijop.12247
- Mishkevich, A.M., Shchebetenko, S.A., Kalugin, A.Yu. (2021). K voprosu ob organizatsii psikholeksicheskogo issledovaniya russkoy taksonomii chert [On the organization of a psycho-lexical study of the Russian personality trait taxonomy]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya – Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology*, 4, 613–627. (In Russian). doi: 10.17072/2078-7898/2021-4-613-627
- Saucier, G. (2003). Factor structure of English-language personality type-nouns. *Journal of Personality and Social Psychology*, 85(4), 695–708. doi: 10.1037/0022-3514.85.4.695
- Saucier, G., & Goldberg, L. R. (2001). Lexical studies of indigenous personality factors: Premises, products, and prospects. *Journal of Personality*, 69(6), 847–879. doi: 10.1111/1467-6494.696167
- Shala, R. A., De Raad, B., & Arėnliu, A. (2020). The structure of Albanian personality descriptive trait-adjectives: A psycho-lexically based taxonomy. *International Journal of Personality*, 6, 1–11. doi: 10.21827/ijp.6.37224
- Shmelyov, A. G., & Pokhil'ko, V. I. (1993). A taxonomy-oriented study of Russian personality-trait names. *European Journal of Personality*, 7(1), 1–17. doi: 10.1002/per.2410070102
- Singh, J. K., Misra, G., & De Raad, B. (2013). Personality structure in the trait lexicon of Hindi, a major language spoken in India. *European Journal of Personality*, 27(6), 605–620. doi: 10.1002/per.1940
- Soto, C. J., John, O. P., Gosling, S. D., & Potter, J. (2008). The developmental psychometrics of Big Five self-reports: Acquiescence, factor structure, coherence, and differentiation from ages 10 to 20. *Journal of Personality and Social Psychology*, 94, 718–737. doi: 10.1037/0022-3514.94.4.718
- Szarota, P., Ashton, M. C., & Lee, K. (2007). Taxonomy and structure of the Polish personality lexicon. *European Journal of Personality*, 21(6), 823–852.
- Tackett, J. L., Slobodskaya, H. R., Mar, R. A., Deal, J., Halverson, C. F., Baker, S. R., ... Besevegis, E. (2012). The hierarchical structure of childhood personality in five countries: Continuity from early childhood to early adolescence. *Journal of Personality*, 80, 847–879. doi: 10.1111/j.1467-6494.2011.00748.x
- Thalmayer, A. G., Saucier, G., Ole-Kotikash, L., & Payne, D. (2020). Personality structure in east and west Africa: Lexical studies of personality in Maa and Supyire-Senufo. *Journal of Personality and Social Psychology*, 119(5), 1132–1152. doi: 10.1037/pspp0000264

Received 14.09.2022; Accepted 25.01.2023

Arina M. Mishkevich – Senior Research Fellow, School of Psychology, HSE University, PhD (Psychol.).

E-mail: ArinaMishkevich@ya.ru

Sergei A. Shchebetenko – Professor, Leading Research Fellow School of Psychology, HSE University, D.Sc. (Psychol.).

E-mail: sshchebetenko@hse.ru

Alexey Yu. Kalugin – Senior Research Fellow, School of Psychology, HSE University, PhD (Psychol.).

E-mail: kaluginau@yandex.ru

Ulyana E. Sirotina – Bachelor's Graduate in Psychology, School of Psychology, HSE University.

E-mail: uesirotna@edu.hse.ru

Julia S. Vitko – Research Assistant, School of Psychology, HSE University.

E-mail: uliyvitko18@gmail.com

Ekaterina A. Kliuikova – Associate professor, Russian Literature Department, Perm State University, Cand. Sc. (Philol.).

E-mail: kliuikova25@gmail.com

УДК 159.99

ОСОБЕННОСТИ ИЗМЕРЕНИЯ ПРЕДРАСПОЛОЖЕННОСТИ К СКУКЕ: ПСИХОМЕТРИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА РУССКОЯЗЫЧНОЙ ВЕРСИИ ОПРОСНИКА BPS¹

Е.А. Дорошева^{1,2}, А.М. Голубев¹

¹ Новосибирский государственный университет, Россия, 630090, Новосибирск, ул. Пирогова, д. 1

² Научно-исследовательский институт нейронаук и медицины, Россия, 630117, Новосибирск, ул. Тимакова, д. 4

Резюме

Актуальность и объект исследования. Склонность скучать как личностное свойство активно исследуется в силу своей связи с рядом нарушений аффективной сферы, снижением благополучия и мотивации. Однако подходы к содержательному определению конструкта «склонность к скуке» существенно различаются. Разработка психометрических инструментов для его измерения тесно связана с пониманием его как одномерного или многомерного, включающего разный набор составляющих. В данной работе описана проблематика определения психологического конструкта «склонность к скуке» и проведена проверка психометрических свойств русскоязычной версии шкалы склонности к скуке в контексте рассмотрения ее одномерности / многомерности. **Методы и материалы исследования.** Выборка исследования составила 476 человек в возрасте от 18 до 40 лет (средний возраст – 24,65), среди них 120 мужчин и 356 женщин. Использовалась русскоязычная версия шкалы склонности к скуке (Boredom Proneness Scale), для проверки конвергентной валидности применялись шкала внимательности и осознанности, пятифакторный опросник осознанности, Оксфордский опросник счастья, сокращенная версия опросника «Маркеры факторов “Большой пятерки”», шкала академической мотивации (для студенческой выборки).

Результаты. Анализ факторной структуры опросника не дает однозначного ответа на вопрос о многоаспектности измерения склонности к скуке и, скорее всего, свидетельствует об одномерности предлагаемого конструкта. Шкала характеризуется высокими внутренней согласованностью (альфа Кронбаха = 0,85) и ретестовой надежностью с интервалом тестирования в один месяц ($r = 0,80$). Показаны обратные корреляционные связи склонности скучать с показателями внутренней учебной мотивации студентов вуза, с уровнем осознанности, экстраверсией, открытостью новому опыту и самоконтролем; прямые – с нейротизмом, экстернальной учебной мотивацией и амотивацией студентов. Валидность методики подтверждается выявленными взаимосвязями с другими конструктами. В целом можно сделать вывод о достаточно хороших психометрических свойствах предлагаемой версии опросника BPS.

Ключевые слова: склонность ко скуке; состояние скуки; шкала BPS; факторная структура; надежность опросника; многомерность опросника; академическая мотивация; субъективное благополучие; осознанность

¹ Результаты получены в ходе выполнения госзадания НИИИМ, регистрационный номер ЦИТиС: 122042700001-9.

Введение

Феномен скуки как состояния и склонности скучать как личностного свойства все чаще находится в фокусе современных психологических исследований. В то же время само определение скуки остается противоречивым (Eastwood, Frischen, Fenske, Smilek, 2012). Скука достаточно единодушно описывается с феноменологической точки зрения, различия связаны, прежде всего, с контекстуальными и объясняющими факторами (Malkovsky, Merrifield, Goldberg, Danckert, 2012).

В рамках психодинамического подхода скука рассматривалась как неприятное переживание, связанное с неудовлетворенными потребностями в психической стимуляции. Экзистенциальные подходы связывали скуку с отсутствием осмысленности жизни, ведущим к бездействию. В когнитивном подходе возникновение скуки связывают с тем, что человек интерпретирует окружающую среду как недостаточно интересную и недостаточно способен концентрировать внимание. С психофизиологической точки зрения скука рассматривается как результат несоответствия между необходимостью возбуждения нервной системы и уровнем стимуляции, обеспечиваемым окружающей средой (Eastwood et al., 2012).

Попытка сформулировать интегральное определение скуки сделана W.M. Mikulas и S.J. Vodanovich (1993), предложившими рассматривать ее как состояние относительно низкого возбуждения и неудовлетворенности, что объясняется недостаточно стимулирующей ситуацией.

J.D. Eastwood, A. Frischen, M.J. Fenske и D. Smilek (2012) определяют скуку как отрицательное состояние, при котором присутствует желание, но нет возможности заниматься удовлетворяющей деятельностью. С точки зрения функционального подхода к определению скуки ее переживание адаптивно и служит индикатором того, что деятельность должна быть переориентирована с текущей цели на актуальную для человека (Elpidorou, 2018).

Во многих исследованиях описываются корреляты скуки, которые используются и для ее диагностики, однако их выделение связано с рядом вопросов. Всегда ли они присутствуют в состоянии скуки? Относятся ли они к единому конструкту скуки или маркируют разные типы скуки?

Исследования скуки как дисбаланса потребности в возбуждении ЦНС и его текущего уровня описывает скуку в качестве коррелята как сниженного, так и повышенного возбуждения. Сообщается, что недостаточность возбуждения чаще описывается по самоотчетам, тогда как его чрезмерность – чаще по данным измерения вегетативных показателей (Raffaelli, Mills, Christoff, 2018). Есть данные о скуке как о результате решения слишком простых задач, когда стимуляция недостаточна, или слишком сложных, что приводит к чрезмерной стимуляции (Eastwood et al., 2012). Аналогично состояние потока, которое определяется как противоположность скуки, требует оптимальных по сложности задач (Csikszentmihalyi, 1990). Т. Goetz и соавт. (2014) предполагают, основываясь на круговой модели аффекта J.A. Russell, что скука, возникающая в результате чрезмерной

и недостаточной стимуляции, относится к качественно иным подтипам. В данной модели выделяется до пяти типов скуки, дифференцированных по валентности переживаемых эмоций и степени возбуждения. А. Elpidorou (2021) возражает против использования уровня возбуждения как дифференциальной характеристики скуки, аргументируя свою точку зрения тем, что он может динамически меняться на разных стадиях скучной деятельности. Также он отмечает неспецифичность снижения или увеличения возбуждения при разных эмоциональных состояниях, отмечаемую во многих психофизиологических исследованиях. С этой точки зрения снижение или усиление возбуждения может указывать на смешение скуки с другими эмоциями, которые нельзя выделить лишь по этому признаку.

J.D. Eastwood и соавт. (2012) полагают, что рассмотрение дисбаланса возбуждения как ключевой причины скуки является упрощенным подходом. Они отмечают связь склонности скучать с алекситимией и снижением внимания к своим мыслям и чувствам, что, с их точки зрения, отражает ведущую роль затрудненного контакта со своими актуальными потребностями в снижении возможности их удовлетворения, ведущем к скуке. Действительно, помимо теоретических соображений о связи скуки и низкой осмысленности деятельности, в ряде исследований эмпирически показана связь переживания скуки со снижением осмысленности жизни (Moynihan, Igou, van Tilburg, 2021; van Tilburg, Igou, Panjwani, 2022) и поисками внешних смыслов при низкой осознанности внутренних (Moynihan et al., 2021).

Мысленные отвлечения от текущей деятельности и снижение внимания также рассматриваются как корреляты скуки (Danckert, Merrifield, 2018). В модели скуки как нарушения внимания, предложенной J.D. Eastwood и соавт. (2012), его дефицит рассматривается как ключевая причина невозможности: (1) удовлетворительно сконцентрироваться на внутренней (например, мысли или чувства) или внешней (средовые стимулы) информации, (2) организовать удовлетворяющую деятельность и (3) понять истинную причину скуки (она обосновывается влиянием среды). Так, экспериментально показано, что внешние факторы, ведущие к снижению внимания, усиливают переживание скуки. Например, в одном из экспериментов с внешними помехами при выполнении задачи участники, подвергающиеся их воздействию, рассматривали задачу как более скучную и менее приятную (Csikszentmihalyi, 1990). Однако не исключено, что «уплывание мыслей» является результатом уже возникшей скуки, поиска новых целей в большей степени, чем причиной оценки задач как скучных (Wallace, Vodanovich, Restino, 2003). Монотония требует вовлечения больших ресурсов внимания, что может приводить к вторичному возникновению его недостаточности, легко обнаруживаемой методами физиологических измерений (Danckert, Merrifield, 2018).

Подходы, рассматривающие скуку как дефицит внимания и как дефицит смыслов, интегрируются в предложенной E.C. Westgate и T.D. Wilson (2018) модели Meaning and Attentional Components (MAC), согласно которой ску-

ка является результатом компонента внимания, а именно несоответствия между когнитивными требованиями и доступными психическими ресурсами, и компонента значения, а именно несоответствия между деятельностью и значимыми целями (либо вообще их отсутствием). Авторы предполагают, что эти компоненты являются независимыми и существует три типа (профиля) скуки: связанный с недостаточностью внимания, связанный с недостаточностью осмысленности и смешанный. A. Elpidorou (2021), анализируя предлагаемую модель, высказывает соображения о том, что разные причины могут вызывать единый тип скуки, и их дифференциация важна в меньшей степени, чем результат, который в любом случае направлен на изменение неудовлетворительной ситуации.

Состояние контакта с настоящим моментом, описываемое в современной литературе как осознанность (mindfulness), рассматривается как обратное состоянию скуки (LePera, 2011). Экспериментально вызванная скука приводила к текущему снижению уровня осознанности (Lomas, 2016). В то же время корреляция скуки и осознанности, по всей видимости, также связана с индивидуальными способностями к смыслообразованию. Отмечается разнообразие реакций в долгосрочной скучной ситуации, связанное, по всем видимости, со способностью придать ей новый смысл, что усиливает осознанность (Waterschoot, Van der Kaap-Deeder, Morbee, Soenens, Vansteenkiste, 2021). Уровень осознанности опосредует связь между скукой и негативными аффектами, такими как тревога, депрессия и др., – эта связь наблюдается при низкой осознанности, но исчезает для ее среднего и высокого уровней (Lee, Zelman, 2019; Yang, Fan, Liu, Lian, 2021).

Одним из коррелятов скуки выступает переживание замедлившегося, тянущегося времени. В ряде исследований скука была связана с переоценкой прошедшего времени (Eastwood et al., 2012; Westgate, Wilson, 2018). Респонденты, которые демонстрировали высокие показатели скуки, с большей вероятностью переоценивали потраченное на выполнение задачи время, в то время как участники исследования с низкой склонностью к скуке чаще недооценивали эту продолжительность (London, Monello, 1974). И наоборот, когда испытуемым показывали, что они потратили на задачу больше времени, чем они оценили, они сообщали о более высоком уровне скуки (Danckert, Allman, 2005). Данная связь объясняется разными механизмами. Некоторые авторы предполагают, что восприятие времени может быть важным для поддержания мотивации для выполнения задачи и получения опыта удовольствия (Raffaelli, Mills, Christoff, 2018). В качестве альтернативы D. Zakay (2014) предполагает, что субъективное время увеличивается из-за задержки сигнала обратной связи при оценке результатов действия в исполнительской системе, когда актуальные цели не реализуются. Искаженное восприятие времени также связывают с изменениями в физиологическом возбуждении, связанном со скукой (Raffaelli et al., 2018), однако эта интерпретация также не до конца ясна: колебания возбуждения оказываются разнонаправлены, тогда как восприятие времени меняется в сторону его замедления.

Способность к контролю своей деятельности и ощущение себя контролирующим ее также рассматривается как негативный коррелят скуки (van Hooff, van Hooff, 2018). J.D. Eastwood и соавт. (2012) рассматривают зависимость как неотъемлемую часть опыта скуки. Участие в деятельности по собственному выбору, по-видимому, снижает оценку времени, потраченного на решение задачи, а возрастание автономии при выполнении скучной задачи, по некоторым данным, уменьшало чувство скуки (Steinberger, Moeller, Schroeter, 2016). При низкой автономии задачи скука была в большей степени связана с ощущением фрустрации (высокое возбуждение), чем при высокой. Напротив, при высокой автономии задач скука была более связана с депрессией (низкое возбуждение), чем при низкой (Steinberger et al., 2016). Эффекты взаимодействия факторов позволили авторам предположить неоднородность состояний скуки. В то же время в исследовании, проведенном D. Danckert и K. Merrifield (2018) та же задача (чтение скучной истории) привела как к повышению, так и к снижению возбуждения, даже несмотря на то, что воспринимаемая автономность этой задачи осталась той же. В других исследованиях отмечается связь склонности скуке как диспозициональной характеристики со сниженной способностью инициировать деятельность и вовлекаться в ее поддержание (Danckert, 2019).

Частая ассоциация скуки с другими негативными эмоциональными состояниями, такими как тревога, депрессия, гнев (Chin, Markey, Bhargava, Kassam, Loewenstein, 2017), и редко – с положительными (Csikszentmihalyi, 1990), также рассматривалась как возможное подтверждение существования разных типов скуки. Однако ассоциации такого рода могут объясняться смешанными эмоциональными состояниями, не имеющими отношения к характеру самой скуки (Elpidorou, 2021).

Проблематика размерности конструкта скуки отражается и в особенностях использования диагностических инструментов для ее измерения. Адаптированный на русскоязычной выборке пятифакторный опросник состояния скуки хотя и имеет подтвержденную факторную структуру, однако демонстрирует тесные связи между входящими в него факторами (Голубев, Дорошева, Одновал, 2018). Широко используемая в зарубежных исследованиях шкала склонности к скуке (Boredom Proneness Scale, BPS), разработанная R. Farmer и N.D. Sundberg (1986) для измерения склонности скучать как черты личности, предлагалась для оценки одномерного конструкта, однако практически сразу стала рассматриваться как предположительно многофакторная. Уже первые факторные аналитические исследования BPS показали, что данный опросник содержит два (Ahmed, 1990; Gana, Akremi, 1998), пять (Vodanovich, Kass, 1990) и даже восемь факторов (Vodanovich, Watt, Piotrowski, 1997). Впоследствии результаты эксплораторного факторного анализа были признаны несогласованными между собой (Melton, Schulenberg, 2009). Необходимо отметить, что результаты разных исследований трудно сопоставимы, поскольку использовались разные варианты опросника и разные способы анализа. Наиболее принятой версией осталось существование двух факторов: внутренней стимуляции и внеш-

ней стимуляции (Vodanovich, 2003; Struk, Carriere, Cheyne, Danckert, 2017). Эти факторы интерпретировались как два вида скуки: апатической (неспособность человека самостоятельно испытывать интерес) и связанной с возбуждением (неспособность человека взаимодействовать с окружающей средой интересным или полноценным образом). Этот результат был также подтвержден подтверждающим факторным анализом опросника (Vodanovich, Wallace, Kass, 2005), выявившим два соответствующих фактора, каждый из которых включал по шесть пунктов. На основе этой работы была предложена укороченная версия BPS (BPS-SF).

Однако последующие факторные анализы не подтвердили предполагаемый многомерный характер BPS. Показано, что на результаты факторного анализа влияли пол, возраст респондентов и другие особенности выборок, особенности формулировки пунктов, а также способ факторизации данных (Vodanovich, 2003). Вновь были высказаны соображения о том, что предложенная шкала является одномерным конструктом.

Учитывая важность диагностики склонности скучать как возможного трансдиагностического фактора аффективных нарушений, прогностической значимости этого свойства личности для осуществления учебной и профессиональной деятельности, значимости изучения скуки в ряду других отрицательных эмоций представляются целесообразными дальнейшее исследование и адаптация соответствующих психодиагностических методик. Исходя из этого, мы провели адаптацию русскоязычной версии опросника BPS, включая проверку ее факторной структуры и сравнение полученных результатов с данными исследований зарубежных авторов, а также изучение взаимосвязи показателей диспозициональной скуки с теоретически связанными с ней конструктами – мотивацией, благополучием, осознанностью, текущими состояниями скуки. Мы предположили, что скука как черта личности для студентов вуза имеет обратные связи с внутренней учебной мотивацией и прямые – с внешней мотивацией и амотивацией. На основе предшествующих литературных данных ожидалась обратная связь склонности к скуке с субъективным благополучием, открытостью новому опыту и диспозициональной осознанностью, предполагающей вовлеченное пребывание в настоящем моменте, внимание и интерес к происходящему «здесь и сейчас». Также ожидалось, что большая склонность скучать проявится в более частом описании наличествующего состояния как состояния скуки.

Методы исследования

Оригинальная версия опросника Boredom Proneness Scale включает 28 пунктов с дихотомическими вариантами ответов по типу «Верно–неверно», обладает удовлетворительными психометрическими свойствами: внутренняя согласованность 0,79, ретестовая надежность 0,83 (однонедельный интервал), валидность подтверждается корреляциями с другими мерами скуки, а также связями с интересом и вниманием, отсутствием мотивации,

автономией, депрессивными состояниями, субъективным одиночеством и т.д. В исследованиях опросник чаще используется в модифицированном варианте, где вместо дихотомической шкалы используется 7-балльная шкала Ликкерта.

Для создания русскоязычной версии опросника BPS использовался прямой и обратный перевод с последующей коррекцией вопросов, чтобы их формулировки соответствовали привычному разговорному стилю. Пункты опросника приведены в табл. 1 (см. разд. «Результаты и их обсуждение»). В опросном листе испытуемым предлагалось оценить степень согласия с каждым утверждением по 7-балльной шкале от «совершенно не согласен» до «совершенно согласен». Показатель склонности к скуке рассчитывался суммированием баллов по каждому пункту, ответам присваивался балл в соответствии со шкалой от 1 до 7 в случае прямых вопросов (пункты 2, 3, 4, 5, 6, 9, 10, 12, 14, 16, 17, 19, 20, 21, 25, 26, 27, 28) и от 7 до 1 в случае обратных (пункты 1, 7, 8, 11, 13, 15, 18, 22, 23, 24).

Для проверки конвергентной валидности опросника использовали следующие методики: шкала академической мотивации, разработанная Т.О. Гордевой, О.А. Сычевым и Е.Н. Осиным (2014) (для подвыборки студентов НГУ); многофакторный опросник состояния скуки, разработанный S.A. Fahlman, K.B. Mercer-Lynn, D.B. Flora, J.D. Eastwood, в адаптации А.М. Голубева, Е.А. Дорошевой и И.А. Одновал (2018); опросник внимательности и осознанности, разработанный K.W. Brown и R.M. Ryan в адаптации А.М. Голубева (2012); пятифакторный опросник осознанности, разработанный R.A. Baer, G.T. Smith, J. Hopkins, J. Krietemeyer, L. Toney, в адаптации А.М. Голубева и Е.А. Дорошевой (2018); Оксфордский опросник счастья, разработанный P. Hills и M. Argyle, в адаптации А.М. Голубева и Е.А. Дорошевой (2017); сокращенная версия опросника «Маркеры факторов “Большой пятерки”» в адаптации Г.Г. Князева, Л.Г. Митрофановой и В.А. Бочарова (2010). Шкала академической мотивации позволяет оценить семь качественно разных типов учебных мотивов, характерных для учащихся (студентов): три типа внутренних, три типа внешних мотивов и амотивацию. Два опросника осознанности измеряют компоненты осознанного поведения, предполагающего вовлеченность в происходящие события и собственную деятельность. Оксфордский опросник счастья направлен на измерение ощущения субъективного благополучия с точки зрения аффективных и когнитивных оценок. В сокращенной версии опросника пятифакторной модели личности рассматривалась шкала «Открытость новому опыту», отражающая готовность воспринимать новое, широкий круг интересов, оригинальность, готовность к риску.

Выборка исследования

В исследовании суммарно принимали участие 476 человек в возрасте от 18 до 40 лет (средний возраст – 24,65), среди них 120 мужчин и 356 женщин. Все участники исследования заполняли опросники склонности к ску-

ке (BPS) и состояния скуки. Кроме этого некоторым респондентам предлагались и другие методики: Шкалу академической мотивации заполняли 76 студентов Новосибирского государственного университета, шкалу внимательности и осознанности, пятифакторный опросник осознанности, Оксфордский опросник счастья – 169 респондентов; сокращенную версию опросника «Маркеры факторов “Большой пятерки”» – 116 респондентов.

Результаты и их обсуждение

Надежность русскоязычного варианта опросника

Для оценки внутренней согласованности, попарных корреляций и IT-корреляций все пункты опросника были приведены в единый формат (обратные вопросы были инвертированы). Показатель внутренней согласованности α -Кронбаха для русскоязычного варианта опросника BPS составил 0,85, что соответствует достаточно высокому уровню надежности. Попарные корреляции между пунктами имели значения в диапазоне от $-0,29$ до $0,66$; среднее значение корреляций – $0,17$. Максимальное значение корреляции, равное $0,66$, свидетельствует об отсутствии семантической избыточности, а единственная отрицательная корреляция обусловлена связью пунктов 18 и 20. Мы также рассчитали исправленные (с вычетом самого пункта из суммарного балла) IT-корреляции между каждым пунктом методики и суммарным значением по шкале (табл. 1). Согласно данным, большинство пунктов опросника вносят достаточный вклад в суммарный результат, поскольку значения IT-корреляций превышало $0,3$. Четыре пункта опросника имели значения IT-корреляции меньше $0,2$, а наиболее проблематичным оказался вопрос 20. Однако следует отметить, что исключение этих пунктов из опросника существенно не увеличивает общий показатель внутренней согласованности.

Ретестовая надежность шкалы оценивалась на основании коэффициента линейной корреляции Пирсона, рассчитанного между двумя опросами с интервалом в 1 месяц на выборке из 30 человек. Полученный результат ($r = 0,8$; $p < 0,001$) свидетельствует о высокой стабильности тестового балла для данного временного интервала. Значимых различий между результатами первого и повторного исследования не выявлено ($t = -0,069$; $p = 0,945$).

Мы также рассчитали корреляции между первым и повторным тестированием для каждого пункта (см. табл. 1). Пункты показали разную степень устойчивости ответов. Наиболее стабильными ($> 0,6$) были ответы на вопросы 5, 7, 8, 10, 12, 13, 14, 17, 18, 19, 22, 23, 26. Наименьшая устойчивость наблюдалась для пунктов 3 («Мне всегда кажется, что время идет медленно») и 27 («Кажется, что по телевизору и в кино показывают одно и то же»).

Среднее значение показателя склонности к скуке по выборке составляет 97,5, стандартное отклонение 20,4. Первый квартиль равен 83, третий квартиль – 111, медиана – 97.

Таблица 1

Анализ пунктов опросника BPS

Пункт опросника	*испр. IT	ГК 1	T-ReT
1. Мне легко концентрироваться на том, что я делаю	0,53	–0,64	0,47
2. Часто во время работы я замечаю, что беспокоюсь о чем-то другом	0,46	0,55	0,45
3. Мне всегда кажется, что время идет медленно	0,34	0,40	0,24
4. Я часто чувствую себя потерянным и не знаю, что делать дальше	0,65	0,73	0,51
5. Я часто попадаю в ситуации, в которых мне приходится делать бессмысленные вещи	0,54	0,60	0,67
6. Мне очень скучно, когда приходится смотреть чьи-то семейные видеозаписи или фотографии из поездок	0,25	0,29	0,55
7. В моей голове всегда полно проектов и дел	0,31	–0,40	0,79
8. Мне легко занять себя чем-либо	0,51	–0,59	0,79
9. Многое из того, что мне приходится делать, повторяющееся и однообразное	0,43	0,51	0,47
10. Чтобы я занялся делом, мне требуется более сильный стимул, чем большинству других людей	0,58	0,67	0,63
11. Я получаю большое удовольствие от большинства своих занятий	0,55	–0,63	0,46
12. Меня редко увлекает моя работа	0,60	0,68	0,61
13. В любой ситуации я обычно могу найти, чем заняться или что посмотреть, чтобы было интересно	0,55	–0,63	0,67
14. Большую часть времени я просто сижу без дела	0,54	0,63	0,59
15. Я умею терпеливо ждать	0,23	–0,25	0,44
16. Я часто обнаруживаю, что у меня выдалось свободное время и мне нечем заняться	0,42	0,49	0,44
17. В ситуациях, когда я вынужден ждать, например, в очереди, я становлюсь очень беспокойным	0,30	0,32	0,72
18. Я часто просыпаюсь с новой идеей	0,32	–0,41	0,61
19. Мне было бы очень сложно найти достаточно увлекательную работу	0,55	0,64	0,62
20. Мне бы хотелось, чтобы в жизни было больше сложных задач	–0,08	–0,12	0,57
21. Я чувствую, что большую часть времени выполняю работу, которая ниже моих способностей	0,32	0,34	0,55
22. Многие люди охарактеризовали бы меня, как творческого человека с богатым воображением	0,19	–0,24	0,78
23. У меня так много интересов, что на все не хватает времени	0,18	–0,24	0,80
24. Из всех моих друзей я один способен дольше всего заниматься каким-либо делом	0,16	–0,20	0,50
25. Если я не занимаюсь чем-то захватывающим или даже опасным, я чувствую себя полуживым и вялым	0,24	0,24	0,52
26. Требуются постоянные перемены и разнообразие, чтобы я чувствовал себя по-настоящему счастливым	0,30	0,31	0,73
27. Кажется, что по телевизору и в кино показывают одно и то же; это начинает надоедать	0,33	0,35	0,21
28. В молодости я часто оказывался в ситуациях, которые были однообразны и утомительны	0,45	0,52	0,42
<i>Примечание.</i> *испр. IT – исправленная корреляция между пунктом и итоговым баллом по опроснику, ГК1 – первая главная компонента (метод главных компонент), T-ReT – тест-ретестовая корреляция пунктов.			

Факторный анализ пунктов опросника

Используя метод главных компонент на данных нашей выборки было выделено 7 факторов по критерию собственных значений (> 1). Семифакторное решение объясняло 55% дисперсии. На графическом отображении собственных значений «каменистая осыпь» (рис. 1, б) явно выделяется первая компонента (с собственным значением 6,53), после которой происходит резкий спад (собственное значение второй компоненты 2,72) и менее выраженная вторая осыпь (собственное значение третьей компоненты 1,58). На основе «каменистой осыпи» можно говорить, скорее всего, о наличии 3–4 факторов, при этом на долю первого фактора приходится существенная часть дисперсии всех ответов. S.J. Vodanovich и S.J. Kass (1990) в одном из своих ранних исследований получили пятифакторное решение (также использовался метод главных компонент, вращение варимакс). На рис. 1, а изображена «каменистая осыпь» из этого исследования. Компоненты получили названия: внешняя стимуляция, внутренняя стимуляция, аффективные ответы, восприятие времени, ограничение. Сравнивая результаты, мы не смогли установить однозначного соответствия между факторными решениями. Единственный фактор, который точно воспроизводился, – «Ограничение» (Constraint), состоящий всего из двух вопросов.

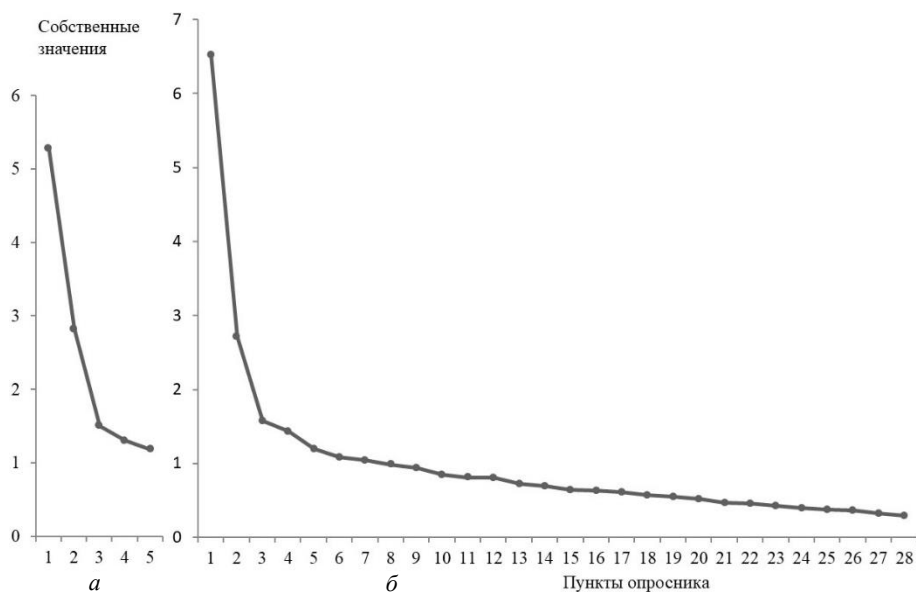

Рис. 1. Метод главных компонент. График собственных значений «каменистая осыпь». а – данные из исследования С. Воданович и С. Касс (1990), б – данные текущего исследования

Несмотря на то, что на результаты факторизации мог повлиять перевод опросника, проблема неоднозначности факторных решений, как уже указывалось выше, встречалась и в англоязычных исследованиях. В литерату-

ре постепенно стал возникать консенсус, который утверждал, что опросник BPS имеет как минимум два фактора: внутренний фактор и внешний фактор (Struk et al, 2017). Считалось, что внутренний фактор отражает неспособность человека к внутреннему инициированию интереса (апатичная скука). Внешний фактор считался отражением неспособности человека взаимодействовать с окружающей средой полноценным образом (возбужденная скука).

Исходя из предположения о двух типов скуки S.J. Vodanovich, J.C. Wallace и S.J. Kass (2005) разработали сокращенную версию опросника BPS-SF, содержащую 12 пунктов, по 6 из каждого фактора. Мы проанализировали воспроизводимость двухфакторной структуры для этих 12 пунктов опросника, применив метод наименьших квадратов и ортогональное вращение варимакс (табл. 2). И действительно, 6 пунктов (6, 9, 19, 25, 27, 28) отчетливо формировали один фактор (внешняя стимуляция) и 5 пунктов (1, 8, 11, 13, 22), за исключением пункта 24, – второй фактор (внутренняя стимуляция). Коэффициент α -Кронбаха для этих факторов был умеренным и составил 0,62 и 0,69 соответственно.

Таблица 2

**Двухфакторная структура для выборки из 12 пунктов опросника BPS
(обобщенный метод наименьших квадратов, вращение варимакс)**

Пункты опросника BPS	№	F1	F2
Мне легко концентрироваться на том, что я делаю	1R	0,43	–0,37
Мне легко занять себя чем-либо	8R	0,80	–0,12
Я получаю большое удовольствие от большинства своих занятий	11R	0,45	–0,43
В любой ситуации я обычно могу найти, чем заняться или что посмотреть, чтобы было интересно	13R	0,78	–0,14
Многие люди охарактеризовали бы меня, как творческого человека с богатым воображением	22R	0,32	–0,01
Из всех моих друзей я один способен дольше всего заниматься каким-либо делом	24R	0,17	–0,09
Мне очень скучно, когда приходится смотреть чьи-то семейные видеозаписи или фотографии из поездок	6	0,01	0,41
Многое из того, что мне приходится делать, повторяющееся и однообразное	9	–0,12	0,50
Мне было бы очень сложно найти достаточно увлекательную работу	19	–0,27	0,60
Если я не занимаюсь чем-то захватывающим или даже опасным, я чувствую себя полуживым и вялым	25	0,01	0,26
Кажется, что по телевизору и в кино показывают одно и то же; это начинает надоедать	27	–0,04	0,45
В молодости я часто оказывался в ситуациях, которые были однообразны и утомительны	28	–0,29	0,46

Следует отметить, что двухфакторная структура опросника скуки также подвергалась критике. В частности, A.A. Struk, J.S.A. Carriere, J.A. Cheyne и J. Danckert (2017) утверждали, что двухфакторная структура шкалы является артефактом формулировки пунктов. Шкала внутренней стимуляции состоит исключительно из пунктов с обратной формулировкой, а шкала

внешней стимуляции – с прямой. Эти исследователи, изменив обратную формулировку вопросов на прямую, показали несостоятельность двухфакторной модели и пришли к выводу, что рассматривать скуку как многомерную меру следует с осторожностью.

При сравнении корреляционных связей двух факторов с другими психологическими конструктами можно заметить, что они повторяются, но с разными знаками по подавляющему большинству связей (табл. 3). Такое дублирование корреляций наталкивает на мысль об отсутствии, скорее всего, специфичности факторов (они выступают в основном как противоположности).

Таблица 3

Корреляции между шкалой скуки, факторами внешней и внутренней стимуляции и другими психологическими конструктами

Шкалы опросников	Объем выборки	Шкала BPS	Шкала внутренней стимуляции	Шкала внешней стимуляции
Многофакторный опросник состояния скуки				
Невовлеченность	476	0,43**	–0,27**	0,38**
Раздражительность	476	0,53**	–0,33**	0,41**
Подавленность	476	0,67**	–0,48**	0,52**
Невнимательность	476	0,64**	–0,48**	0,43**
Замедление времени	476	0,34**	–0,20**	0,26**
Шкала академической мотивации				
Познавательная мотивация	76	–0,33**	0,30**	–0,28**
Мотивация достижения	76	–0,46**	0,47**	–0,40**
Мотивация саморазвития	76	–0,36**	0,44**	–0,19
Мотивация самоуважения	76	–0,03	0,10	0,07
Интроецированная мотивация	76	–0,04	0,10	0,06
Экстернальная мотивация	76	0,29*	–0,09	0,39**
Амотивация	76	0,53**	–0,48**	0,38**
Шкала внимательности и осознанности				
Внимательность и осознанность	169	–0,51**	0,38**	–0,38**
Пятифакторный опросник осознанности				
Наблюдение	169	–0,05	0,17*	0,04
Описание	169	–0,45**	0,42**	–0,32**
Осознанная активность	169	–0,60**	0,48**	–0,41**
Безоценочность	169	–0,50**	0,33**	–0,38**
Отсутствие реакции	169	–0,38**	0,34**	–0,22**
Оксфордский опросник счастья				
Субъективное благополучие	169	–0,61**	0,57**	–0,45**
Сокращенная версия опросника «Маркеры факторов “Большой пятерки”»				
Экстраверсия	116	–0,23*	0,32**	–0,22*
Доброжелательность	116	–0,13	0,19*	–0,04
Нейротизм	116	0,41**	0,25**	–0,29**
Открытость опыту	116	–0,19*	0,31**	0,00
Самоконтроль	116	–0,38**	0,30**	–0,26**
<i>Примечание.</i> * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$.				

Небольшие расхождения наблюдаются со шкалой мотивации саморазвития ($r = 0,44$ для внутреннего фактора и отсутствие значимой связи для внешнего), экстернальной мотивацией (отсутствие для внутреннего фактора и $r = 0,39$, $p < 0,01$ для внешнего) и открытостью к новому опыту из большой пятерки личностных черт ($r = 0,32$, $p < 0,01$ и отсутствие).

Таким образом, внутренний фактор скуки ассоциирован со стремлением к развитию своих способностей и потенциала, достижению ощущения мастерства и компетентности в рамках учебной деятельности. Внешний фактор скуки связан с ощущением вынужденности учебной деятельности, необходимостью слепо следовать требованиями социума, низкой автономностью. Эти корреляции согласуются с интерпретацией внутреннего и внешнего факторов, однако ничего не говорят о состоятельности этих конструкций.

Связь склонности к скуке с родственными конструктами

В табл. 3 представлены ранговые корреляции шкалы скуки с другими переменными. Как и ожидалось, шкала скуки как черты личности достаточно заметно коррелирует со шкалами многофакторного опросника состояния скуки. Наиболее тесная связь наблюдается с состоянием подавленности и невнимательностью.

Как указывалось выше, скуку рассматривают как состояние, связанное с ослаблением интереса к деятельности и происходящему вокруг. Таким образом, особенность структуры личностной мотивации человека должна быть связана со склонностью к скуке. Теория самодетерминации рассматривает внутреннюю мотивацию, при которой выполняемая деятельность представляет для индивида интерес и ценность, а также внешнюю мотивацию (неоднородное по своей сути образование), при которой деятельность выступает средством достижения внешних по отношению к ее содержанию целей. Как и ожидалось, склонность к скуке имела обратные корреляции с такими аспектами внутренней мотивации, как познавательная мотивация ($r = -0,33$; $p < 0,01$), мотивации достижения ($r = -0,46$; $p < 0,01$) и саморазвития ($r = -0,36$; $p < 0,01$), рассматриваемых в рамках учебной деятельности. Чем более выражена склонность к скуке, тем в меньшей степени студент стремился узнать новое, понять изучаемый предмет, развивать свои способности и потенциал, получал меньше удовольствия от решения трудных задач. Склонность к скуке имела наиболее тесную положительную связь с амотивацией ($r = 0,53$; $p < 0,01$), отражающей отсутствие интереса и ощущения осмысленности учебной деятельности. Небольшая положительная корреляция наблюдалась с экстернальной мотивацией, при которой студент учится, чтобы избежать возможных проблем, а потребность в автономии максимально фрустрируется.

Некоторые исследователи уделяли внимание обратной связи скуки и осознанности (mindfulness), внимательности. Склонные к скуке люди могут иметь пониженную способность быть внимательными или целенаправленно удерживать внимание на своем непосредственном окружении. Тренировка внимания может повысить способность сохранять возбуждение

и впоследствии уменьшить скуку. В нашем исследовании была получена достаточно высокая корреляция между показателем скуки и шкалой осознанности и внимания MAAS ($r = -0,51$; $p < 0,01$), что согласуется с результатами исследования N.M.A. LePera (2011). Другой опросник осознанности, позволяющий рассмотреть этот феномен через его отдельные аспекты, также показал значимые корреляции: со способностью описывать свои впечатления ($r = -0,45$; $p < 0,01$), осознанной активностью ($r = -0,60$; $p < 0,01$), безоценочным отношением к опыту ($r = -0,50$; $p < 0,01$), отсутствием вторичных реакций ($r = -0,38$; $p < 0,01$). Исключение составил такой аспект осознанности, как «наблюдение», отсутствие корреляции со скукой которого можно объяснить неоднозначностью измерения этого аспекта или его противоречивостью.

Поскольку скука соотносится с негативным аффектом, более высокая склонность к скуке должна быть обратно связана с субъективным благополучием, что и наблюдалось в нашем исследовании. Корреляция между показателями BPS и Оксфордского опросника счастья была существенной ($r = -0,61$; $p < 0,01$). Корреляция между склонностью к скуке и нейротизмом ($r = 0,41$; $p < 0,01$) также объясняется более частым переживанием негативного аффекта.

Показатели шкалы самоконтроля «Большой пятерки» личностных черт ($r = -0,38$; $p < 0,01$) обратно связаны со склонностью скучать; таким образом, привычная скука сопровождается более низкими способностями к самоорганизации, мотивации к достижению, настойчивостью и самодисциплиной. По всей видимости, слабость волевой регуляции способствует частому возникновению состояния скуки.

Заключение

В данной работе приводятся данные, позволяющие говорить о достаточно хороших психометрических свойствах предлагаемого перевода опросника BPS. Валидность подтверждается наличием теоретически ожидаемых связей. Анализ факторной структуры опросника не дает однозначного ответа на вопрос о многоаспектности измерения склонности к скуке и, скорее всего, свидетельствует об одномерности предлагаемого конструкта.

Литература

- Голубев, А. М. (2012). Природа полноты сознания. Адаптация опросника внимательности и осознанности MAAS. *Вестник НГУ. Сер. Психология*, 6(2), 44–51.
- Голубев, А. М., Дорошева, Е. А. (2017). Апробация «Оксфордского опросника счастья» на российской выборке. *Психологический журнал*, 38(3), 108–118. doi: 10.7868/S0205959217030096
- Голубев, А. М., Дорошева, Е. А. (2018). Особенности применения русскоязычной версии пятифакторного опросника осознанности. *Сибирский психологический журнал*, 69, 46–68. doi: 10.17223/17267080/69/3
- Голубев, А. М., Дорошева, Е. А., Одновал, И. А. (2018). Адаптация русскоязычной версии Многофакторного опросника состояния скуки: предварительные результаты. *Reflexio*, 11(2), 86–113. doi: 10.25205/2658-4506-2018-11-2-86-113

- Гордеева, Т. О., Сычев, О. А., Осин, Е. Н. (2014). Опросник «Шкалы академической мотивации». *Психологический журнал*, 35(4), 96–107.
- Князев, Г. Г., Митрофанова, Л. Г., Бочаров, В. А. (2010). Валидизация русскоязычной версии опросника Л. Голдберга «Маркеры факторов “Большой Пятетки”». *Психологический журнал*, 31(5), 100–110.

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе *References* после англоязычного блока.

Поступила в редакцию 28.04.2022 г.; повторно 02.12.2022 г.;
принята 08.02.2023 г.

Дорошева Елена Алексеевна – доцент кафедры сравнительной психологии Новосибирского государственного университета; старший научный сотрудник лаборатории аффективной, когнитивной и трансляционной нейронауки Института медицины и нейронаук, кандидат биологических наук.

E-mail: elena.dorosheva@mail.ru

Голубев Андрей Михайлович – старший преподаватель кафедры психологии личности, ведущий психолог Учебно-научного центра психологии Института медицины и психологии В. Зельмана Новосибирского государственного университета.

E-mail: drew719@mail.ru

For citation: Dorosheva E.A., Golubev A.M. (2023). Peculiarities of Measuring Boredom Proneness: Psychometric Properties of Russian Language Version of BPS. *Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal – Siberian journal of psychology*, 87, 68–85. In Russian. English Summary. doi: 10.17223/17267080/87/4

Peculiarities of Measuring Boredom Proneness: Psychometric Properties of Russian Language Version of BPS¹

E.A. Dorosheva^{1,2}, A.M. Golubev¹

¹ Novosibirsk State University, 1 Pirogova Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

² Scientific Research Institute of Neurosciences and Medicine, 4 Timakova Str., Novosibirsk, 630117, Russian Federation

Abstract

Relevance and object of research. The boredom proneness as a personality trait is actively investigated due to its relation to a number of emotional disorders as well as deficiency in well-being and motivation. However, approaches to meaningful definitions of the "boredom proneness" construct differ significantly. The development of psychometric instruments aimed at measuring it is closely dependent upon understanding it as being one-dimensional or multidimensional including various sets of components. This paper describes the problem of determining the psychological construct of "tendency to boredom" and validation of psychometric properties of the Russian language version of the Boredom Proneness Scale in the context of considering its multidimensional or one-dimensional structure.

¹ The results were obtained in accordance with the state research contract by Scientific Research Institute of Neurosciences and Medicine, CITiS registration number: 122042700001-9.

Methods and materials of research. The sample consisted of 476 persons ages 18 to 40 (average age 24.65), among them 120 males and 356 females. The Russian language version of the Boredom Proneness Scale was used; utilized for convergent validity tests were the Mindful Attention Awareness Scale, the Five Facet Mindfulness Questionnaire, the Oxford Happiness Questionnaire, the short version of the Big-Five Factor Markers, "Academic motivation scales" questionnaire (for sample of students).

Results. The analysis of the factor structure of the questionnaire does not provide an unequivocal answer to the question of multidimensional measurement of the Boredom Proneness and, most likely, designates this construct as one-dimensional. The scale is characterized by high internal consistency (Cronbach alpha of 0.85) and one month test-retest reliability ($r=0.80$). Inverse correlations of the boredom proneness with the indicators of internal educational motivation for university students as well as with the levels of mindfulness, extraversion, openness to new experience and self-control are shown; direct correlations are demonstrated with neuroticism, external educational motivation and amotivation. The validity of the scale is confirmed by the identified relationships with other constructs. In general, it can be concluded that the proposed version of the Boredom Proneness Scale has sufficiently good psychometric properties.

Keywords: boredom proneness; state boredom; Boredom Proneness Scale; factor structure; scale reliability; multidimensionality of the questionnaire; academic motivation; subjective well-being

References

- Ahmed, S. M. S. (1990). Psychometric properties of the boredom proneness scale. *Perceptual and Motor Skills*, 71, 963–966. doi: 10.2466/pms.1990.71.3.963
- Chin, A., Markey, A., Bhargava, S., Kassam, K. S., & Loewenstein, G. (2017). Bored in the USA: Experience sampling and boredom in everyday life. *Emotion*, 17(2), 359–368. doi: 10.1037/emo0000232
- Csikszentmihalyi, M. (1990). *Flow: the psychology of optimal experience*. New York: Harper & Row
- Danckert, J. (2019). Boredom: Managing the Delicate Balance Between Exploration and Exploitation. In J. Ros Velasco (Ed.), *Boredom Is in Your Mind* (pp. 37–53). Springer Verlag. doi: 10.1007/978-3-030-26395-9_3
- Danckert, J. A., & Allman, A.-A. (2005). Time flies when you're having fun: temporal estimation and the experience of boredom. *Brain and Cognition*, 59(3), 236–245. doi: 10.1016/j.bandc.2005.07.002
- Danckert, J., & Merrifield, C. (2018). Boredom, sustained attention and the default mode network. *Experimental Brain Research*, 236(9). pp. 2507–2518. doi: 10.1007/s00221-016-4617-5
- Eastwood, J. D., Frischen, A., Fenske, M. J., & Smilek, D. (2012). The unengaged mind defining boredom in terms of attention. *Perspectives on Psychological Science*, 7(5), 482–495. doi: 10.1177/1745691612456044
- Elpidorou, A. (2018). The bored mind is a guiding mind: toward a regulatory theory of boredom. *Phenomenology and the Cognitive Sciences*, 17, 455–484. doi: 10.1007/s11097-017-9515-1
- Elpidorou, A. (2021). Is boredom one or many? A functional solution to the problem of heterogeneity. *Mind & Language*, 36(3), 491–511. doi:10.1111/mila.12282
- Farmer, R., & Sundberg, N. D. (1986). Boredom proneness: The development and correlates of a new scale. *Journal of Personality Assessment*, 50, 4–17. doi: 10.1207/s15327752jpa5001_2
- Gana, K., & Akremi, M. (1998). L'échelle de Disposition à l'Ennui (EDE): Adaptation française et validation du Boredom Proneness Scale (BP) [French adaptation and validation of the Boredom Proneness Scale (BP)]. *L'année Psychologique – The Psychological Year*, 98, 429–450. doi: 10.3406/psy.1998.28576

- Goetz, T., Frenzel, A. C., Hall, N. C., Nett, U. E., Pekrun, R., & Lipnevich, A. A. (2014). Types of boredom: an experience sampling approach. *Motivation and Emotion*, 38(3), 401–419. doi: 10.1007/s11031-013-9385-y
- Golubev, A. M. (2012). Priroda polnoty soznaniya. Adaptatsiya oprosnika vnimatel'nosti i osoznannosti MAAS [The nature of the fullness of consciousness. Adaptation of the MAAS Mindfulness and Mindfulness Inventory]. *Vestnik NGU. Ser. Psikhologiya*, 6(2), 44–51.
- Golubev, A. M., & Dorosheva, E. A. (2017). Aprobatsiya “Oksfordskogo oprosnika schast'ya” na rossiyskoy vyborke [Approbation of the Oxford Happiness Questionnaire on a Russian sample]. *Psikhologicheskii zhurnal*, 38(3), 108–118. doi: 10.7868/S0205959217030096
- Golubev, A. M., & Dorosheva, E. A. (2018). Psychometrical characteristics and applied features of a Russian version of Five Facet Mindfulness Questionnaire (FFMQ). *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*, 69, 46–68. (In Russian). doi: 10.17223/17267080/69/3
- Golubev, A. M., Dorosheva, E. A., & Odnoval, I. A. (2018). Adaptatsiya russkoyazychnoy versii Mnogofaktornogo oprosnika sostoyaniya skuki: predvaritel'nye rezul'taty [Adaptation of the Russian-language version of the Multivariate Boredom Inventory: preliminary results]. *Reflexio*, 11(2), 86–113. doi: 10.25205/2658-4506-2018-11-2-86-113
- Gordeeva, T. O., Sychev, O. A., & Osin, E. N. (2014). Oprosnik “Shkaly akademicheskoy motivatsii” [Questionnaire “Scales of Academic Motivation”]. *Psikhologicheskii zhurnal*, 35(4), 96–107.
- Knyazev, G. G., Mitrofanova, L. G., & Bocharov, V. A. (2010). Validizatsiya russkoyazychnoy versii oprosnika L. Goldberga “Markery faktorov ‘Bol'shoy Pyaterki’” [Validation of the Russian version of the L. Goldberg questionnaire “Big Five Factor Markers”]. *Psikhologicheskii zhurnal*, 31(5), 100–110.
- Lee, F. K., & Zelman, D. C. (2019). Boredom proneness as a predictor of depression, anxiety and stress: The moderating effects of dispositional mindfulness. *Personality and Individual Differences*, 146, 68–75. doi: 10.1016/j.paid.2019.04.001
- LePera, N. M. A. (2011). Relationships Between Boredom Proneness, Mindfulness, Anxiety, Depression, and Substance Use. *The New School Psychology Bulletin*, 8(2), 15–25.
- Lomas, T. (2016). A meditation on boredom: Re-appraising its value through introspective phenomenology. *Qualitative Research in Psychology*, 14(1), 2–32. doi: 10.1080/14780887.2016.1205695
- London, H., & Monello, L. (1974). *Cognitive manipulation of boredom*. In H. London, & R. E. Nisbett (Eds.), *Thought and feeling: cognitive alteration of feeling states* (pp. 44–59). Aldine: Oxford.
- Malkovsky, E., Merrifield, C., Goldberg, Y., & Danckert, J. (2012). Exploring the relationship between boredom and sustained attention. *Experimental Brain Research*, 221 (1), 59–67. doi:10.1007/s00221-012-3147-z
- Melton, A. M., & Schulenberg, S. E. (2009). A confirmatory factor analysis of the boredom proneness scale. *The Journal of Psychology*, 143, 493–508. doi:10.3200/JRL.143.5.493-508
- Mikulas, W. M., & Vodanovich, S. J. (1993). The essence of boredom. *Psychological Record*, 43(1), 3–12.
- Moynihan, A. B., Igou, E. R., & van Tilburg Wijnand, W. A. P. (2021). Existential escape of the bored: A review of meaning-regulation processes under boredom. *European Review of Social Psychology*, 32(1), 161–200. doi: 10.1080/10463283.2020.1829347
- Raffaelli, Q., Mills, C., & Christoff, K. (2018). The knowns and unknowns of boredom: a review of the literature. *Experimental Brain Research*, 236(9), 2451–2462. doi: 10.1007/s00221-017-4922-7
- Steinberger, F., Moeller, A., & Schroeter, R. (2016) The antecedents, experience, and coping strategies of driver boredom in young adult males. *Journal of Safety Research*, 59, 69–82. doi: 10.1016/j.jsr.2016.10.007

- Struk, A. A., Carriere, J. S. A., Cheyne, J. A., & Danckert, J. (2017). A short boredom proneness scale: Development and psychometric properties. *Assessment*, 24(3), 346–359. doi: 10.1177/1073191115609996
- van Hooff, E. A. J., & van Hooff, M. L. M. (2018). The state of boredom: Frustrating or depressing? *Motivation and Emotion*, 42, 931–946. doi: 10.1007/s11031-018-9710-6
- van Tilburg, W. A. P., Igou, E. R., & Panjwani, M. (2022). Boring People: Stereotype Characteristics, Interpersonal Attributions, and Social Reactions. *Personality and Social Psychology Bulletin*. doi:10.1177/01461672221079104
- Vodanovich, S. J. (2003). Psychometric measures of boredom: A review of the literature. *The Journal of Psychology*, 137(6), 569–595. doi: 10.1080/00223980309600636
- Vodanovich, S. J., & Kass, S. J. (1990). A factor analytic study of the Boredom Proneness Scale. *Journal of Personality Assessment*, 55(1), 115–123. doi: 10.1207/s15327752JPA5501
- Vodanovich, S. J., Wallace, J. C., & Kass, S. J. (2005). A confirmatory approach to the factor structure of the boredom proneness scale: Evidence for a two-factor short form. *Journal of Personality Assessment*, 85, 295–303. doi: 10.1207/s15327752jpa8503_05
- Vodanovich, S. J., Watt, J. D., & Piotrowski, C. (1997). Boredom proneness in African-American college students: A factor analytic perspective. *Education*, 118(2), 229–236. doi: 10.1080/00223980.2015.1074531
- Wallace, J. C., Vodanovich, S. J., & Restino, B. M. (2003). Predicting cognitive failures from boredom proneness and daytime sleepiness scores: an investigation within military and undergraduate samples. *Personality and Individual Differences*, 34(4), 635–644. doi: 10.1016/S0191-8869(02)00050-8
- Waterschoot, J., Van der Kaap-Deeder, J., Morbee, S., Soenens, B., & Vansteenkiste, M. (2021). How to unlock myself from boredom?" The role of mindfulness and a dual awareness- and action-oriented pathway during the COVID-19 lockdown. How to unlock myself from boredom?" *Personality and Individual Differences*, 175, 110729. doi: 10.1016/j.paid.2021.110729
- Westgate, E. C., & Wilson, T. D. (2018). Boring thoughts and bored minds: The MAC model of boredom and cognitive engagement. *Psychological Review*, 125(5), 689–713. doi: 10.1037/rev0000097
- Yang, X., Fan, C., Liu, Q., & Lian, S. (2021). The mediating role of boredom proneness and the moderating role of meaning in life in the relationship between mindfulness and depressive symptoms. *Current Psychology*, 40, 4635–4646. doi: 10.1007/s12144-019-00408-5
- Zakay, D. (2014). Psychological time as information: the case of boredom. *Frontiers in Psychology*, 5, 917. doi: 10.3389/fpsyg.2014.00917

Received 28.04.2022; Revised 02.12.2022;

Accepted 08.02.2023

Elena A. Dorosheva – Docent of Department of Comparative Psychology, Department of Neuroscience (V. Zelman Institute of Medicine and Psychology, Novosibirsk State University), Senior Scientific Researcher of The Laboratory for Affective, Cognitive and Translational Neuroscience of State Scientific Research Institute of Neuroscience & Medicine. Cand. Sc. (Biology).

E-mail: elena.dorosheva@mail.ru

Andrey M. Golubev – Senior Lecturer of Department of Personality Psychology, Leading Psychologist of the Center of Psychology (V. Zelman Institute of Medicine and Psychology, Novosibirsk State University).

E-mail: drew719@mail.ru

УДК 159.95:165.9:001.89-057.875:37

ВЗАИМОСВЯЗЬ РИГИДНОСТИ–ФЛЕКСИБИЛЬНОСТИ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ПОТЕНЦИАЛА СТУДЕНТОВ

А.Н. Певнева¹

¹ Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, Республика Беларусь, 230023, Гродно, ул. Ожешко, д. 22

Резюме

Актуальность исследования определяется требованиями, отраженными в государственном образовательном стандарте, которые направлены на формирование у студентов I ступени получения высшего образования компетенций, необходимых для организации и проведения научно-исследовательской работы. Ее содержание и организация на разных курсах обучения включают многообразные требования и задачи определенной направленности. Как следствие, от студентов требуются гибкое реагирование на изменение условий при решении научно-исследовательских задач и реализация их исследовательского потенциала (когнитивного, мотивационного и поведенческого ресурсов), что обусловит эффективное выполнение исследовательской работы. **Цель** исследования – выявление взаимосвязи между переменными ригидности–флексibilityности и исследовательским потенциалом студентов. Объем выборки составил 226 студентов педагогического профиля: 73 студента 1-го курса, 52 студента 2-го курса, 54 студента 3-го курса, 47 студентов 4-го курса. В процессе кросс-секционного метода, в частности при применении поперечно-последовательной стратегии, использовались «Томский опросник ригидности» (Г.В. Залевский), «Опросник когнитивной флексibilityности» (в адаптации С.С. Кургияна, Е.Ю. Осаволук), «Методика оценки исследовательского потенциала студента» (Н.В. Бордовская и др.). Выявлено, что флексibilityность положительно связана с исследовательским потенциалом, показатели которого отрицательно коррелируют с актуальной и сензитивной ригидностью. Однако когнитивный компонент имеет положительную связь с симптомокомплексом ригидности, сензитивной, преморбидной ригидностью и ригидностью как состоянием, что, скорее, свидетельствует о персеверативном характере ригидности. На втором курсе происходит снижение корреляций, устойчивости связей ригидности–флексibilityности и исследовательского потенциала студентов, появляется равное соотношение интеграционных и дезинтеграционных индексов. Базовым элементом взаимосвязи по-прежнему является общий уровень исследовательского потенциала. С потерей устойчивости вследствие снижения индексов дивергентности и когерентности связи переменных когнитивной флексibilityности с исследовательским потенциалом студентов на третьем году обучения происходит смена базового элемента на интегральный показатель когнитивной флексibilityности. На четвертом году обучения взаимосвязь ригидности–флексibilityности и исследовательского потенциала студентов приобретает относительную устойчивость за счет увеличения индекса когерентности и значительного снижения индекса дивергентности. Структурообразующие показатели интегрируются вокруг общего уровня исследовательского потенциала. При этом когнитивный компонент приобретает характер автономности. В целом взаимосвязь ригидности–флексibilityности и исследовательского потенциала характеризуется определенным типом изменений на каждом году обучения студентов.

Ключевые слова: ригидность; когнитивная флексibilityность; исследовательский потенциал; мотивация; поведение

Введение

Проблема взаимосвязи ригидности–флексibilityности и исследовательского потенциала (ИП) актуальна на стадии освоения будущими специалистами профессиональной деятельности, где одной из достигаемых компетенций выступает научно-исследовательская работа, в рамках которой значимость обретает исследовательский потенциал. Он является критерием оценки готовности студента и его включения в исследовательскую работу благодаря индивидуально-психологическим качествам, которые обеспечивают «способность эффективно и результативно ее выполнять, а также решать исследовательские задачи» (Бордовская, Костромина, Розум, Москвичева, 2017, с. 90). В качестве ключевых категорий исследовательского потенциала Н.В. Бордовская, С.Н. Костромина, С.И. Розум, Н.Л. Москвичева (2017) рассматривают познавательную деятельность и интеллектуальное поведение, которые являются сущностными характеристиками научно-исследовательской работы. Эффективность исследовательской деятельности обеспечивается гибким реагированием на изменяющиеся условия, пониманием, принятием требований социальной ситуации развития и профессиональной среды. Это, в свою очередь, предполагает отказ от стереотипных паттернов и выработку новых способов действия, а именно способность организовывать познавательную деятельность (осуществлять научный поиск, проводить исследования в целях расширения имеющихся и получения новых знаний), динамически активизировать, преобразовывать интеллектуальное поведение в ответ на требования ситуации (систематизировать и трансформировать информацию, переводить ее из одной знаковой системы в другую), а также проверять гипотезы, устанавливать закономерности, проводить научные обобщения и обоснования, критически осмысливать материал, снижать уровень привычных реагирований в пользу альтернативных ответов. Способность «организовывать познавательную деятельность и интеллектуальное поведение в зависимости от изменившихся условий» Е.Ю. Осаволюк, С.С. Кургиян соотносят с понятием когнитивной флексibilityности (flexibility) (Осаволюк, Кургиян, 2018, с. 129). Наряду с этим познавательная деятельность обуславливает постановку задач, решение которых также требует проявления когнитивной гибкости в способности одновременно предлагать различные подходы к решению конкретной проблемы (Guilford, 1967), «применять к анализу конкретных ситуаций всю совокупность поведенческих стратегий» (Лобанов, Дроздова, 2021, с. 33). J.P. Dennis, J.S. Vander Wall (2010) считают, что флексibilityности присуще изменение когнитивных установок в соответствии с условиями жизнедеятельности.

«Современный обучающийся как активный субъект образовательного процесса должен отличать данные от информации, знания от мудрости» и

сам решать, какой уровень знаний по какой научной проблеме является для него достаточным: иметь представление, мнение и понимание смысла» (Лобанов, 2013, Дроздова, с. 30). При одних и тех же условиях социально-профессиональной ситуации не все студенты, имея практически одинаковые характеристики интеллектуальной деятельности, успешно выполняют исследовательскую работу, так как необходимость меняться в соответствии с трансформациями жизнедеятельности сопряжена с желанием сохранить собственную, личностную и профессиональную идентичность. Очевидно, что «человек достиг того уровня самосознания, когда он сам выбирает свою судьбу», и эффективно, «когда этот выбор соотносится с имеющимися способностями и багажом знаний» (Лобанов, Дроздова, 2021, с. 19). Однако в случае сложившегося противоречия его разрешение зависит «от способности человека к самостоятельной постановке цели» в своей профессиональной деятельности (Митина, 2014, с. 4).

В связи с этим наряду со способностью целеполагания высвечиваются проблемы ригидности–гибкости на предъявляемые требования для достижения успеха в данной деятельности, а также «изменяемых и неизменяемых форм поведения» (Залевский, Козлова, 2005, с. 146), когнитивного стиля «ригидный–гибкий познавательный контроль» (Холодная, 2004, с. 59), «центрированных / децентрированных» когнитивных стратегий (Пиаже, 1969, с. 19), «толерантности / интолерантности» к неопределенности (Корнилова, Павлова, 2019). В современной психологической науке понятия «ригидность» и «флексibilität» утверждаются в качестве противоположных полюсов одного континуума (Холодная, 2002, 2004; Kashdan, Rottenberg, 2010). Исследователи E. Loarer, J.P. Steinmetz, C. Houssemmand, рассматривая ригидность и гибкость как полюсы единого целого на основе обратной корреляции, приходят к выводу, что ригидность характеризуется «снижением гибкости в поведении и взглядах человека» (Loarer, Steinmetz, Houssemmand, 2011, с. 98). Это не исключает возможности взаимопереходов (конвергенции) ригидности и флексibility. В настоящее время существует большое количество исследований феномена ригидности как неспособности индивида изменять свои формы поведения в связи с изменением ситуации, т.е. как его приверженности к однотипному образу действий (Залевский, Козлова, 2005). Учеными K.W. Schaie, R. Dutta, P. Schultz, A. Searleman, S.L. Willis ригидность представлена по своей природе многомерной, включая персеперативное поведение с множеством привычек и когнитивных установок личности (Schaie, Dutta, Willis, 1991; Schultz, Searleman, 2002).

Дискуссионным остается вопрос о причинах ухудшения академических достижений. Среди них наряду с другими исследователи выделяют именно ригидность, которая обуславливает ошибки в прогнозах и решениях. С другой стороны, в исследованиях Т.В. Корниловой (2013), выполненных на студенческой выборке, внимание на себя обращает наличие положительной связи ригидности с рациональностью и рефлексивностью, «актуальной и сензитивной ригидности с вербальным интеллектом». Согласно

полученным результатам, актуальная ригидность «не мешает продуктивности обучения». Так, по мнению исследователя, непринятие нового в мнениях, переживаниях и способах действий «уживается» с «эффективными интеллектуальными стратегиями, связанными с использованием усвоенных знаний» (Корнилова, 2013, с. 43–44).

Подобные результаты обнаружены при исследовании склонности к ригидности у студентов разных профессий. Студенты-инженеры менее ригидны по сравнению со студентами творческих специальностей, поведение которых характеризуется навязчивостью, упрямством, педантичностью и ригидностью, что объясняется целостным восприятием произведения, картины мира, проявлением требования от окружающих подтверждения их значимости, прямолинейностью, руководством собственными установками и целями в различных ситуациях, стремлением к совершенству, соответствием стандартам и ожиданиям других, а также созданием комфортной обстановки и упорядочиванием всего окружающего (Бурец, 2014, с. 506). «Тенденцию к развитию и упорству в использовании ментальных или поведенческих установок» исследователи P. Schultz, A. Searleman определили понятием «ригидность» (Schultz, Searleman, 2002, с. 170). К характеристикам личности, обладающей высокой когнитивной ригидностью, R.B. Cattell отнес точность и исполнительность при недостаточной самостоятельности (Cattell, 1965). Отметим, что *точность и исполнительность необходимы в тех задачах, правильное решение которых зависит от использования фиксированных схем или метода проб и ошибок*. В целом необходимо подчеркнуть, что *фиксированные формы поведения могут быть продуктивными в определенных ситуациях и определяться субъективным опытом*. Вместе с тем, чтобы преодолеть требования изменяющейся ситуации, обучающийся пытается прибегать к использованию ригидных (стереотипных) стратегий.

Вышеописанное контрастирует с общепринятым в психологии мнением о негативном проявлении ригидности. Однако отметим, что ее выражение зависит от контекста ситуации и субъективного опыта человека, имея при этом положительное значение. Субъективный опыт человека, по мнению М.А. Холодной, представлен организацией знания и типизированными когнитивными структурами: когнитивными картами, прототипами, предвосхищающими схемами, фреймами, сценариями, семантическими универсалиями и т.п. (Холодная, 2002, с. 92). Отмеченные когнитивные структуры как фиксированные (стереотипизированные) формы опыта относятся исследователем к типу 1-го порядка, они имеют «горизонтальный» принцип формирования и отвечают за воспроизведение в сознании субъекта многократно повторяющихся ситуаций, освоенных правил действия, привычной последовательности изменений и т.д. Для когнитивных структур как интегрированных форм опыта 2-го порядка характерен «“вертикальный” принцип формирования», наряду с этим «они являются продуктом интеграции всех предшествовавших этапов познавательного развития и в “снятом” виде содержат различные формы познавательного отражения»

(Холодная, 2002, с. 93). Когнитивные структуры 2-го порядка, включающие наличие опыта и индивидуальное своеобразие, по мнению М.А. Холодной, определяют эффективность интеллектуальной деятельности (Холодная, 2002, 2004). По всей вероятности, *степень сформированности той или иной когнитивной структуры («схемы») характеризует ригидность, которая становится центральным звеном не только в исследовательском потенциале, но и во всей научно-исследовательской деятельности. Ее успешность возможна только при балансе двух типов когнитивных структур*. Вышеописанные концептуальные представления о ригидности–флексibilityности, их роли в исследовательском потенциале обусловили постановку цели исследования.

Цель исследования – определить структурно предполагаемые взаимосвязи между переменными ригидности–флексibilityности и исследовательским потенциалом студентов. В исследовании выдвигается предположение о том, что переменные когнитивной флексibilityности будут положительно коррелировать с исследовательским потенциалом студентов на разных курсах обучения, в то время как его связь с ригидностью будет носить как отрицательный, так и положительный характер. Цель обусловила постановку следующих задач: выявить связь ригидности–флексibilityности с исследовательским потенциалом студентов 1–4-го курсов; охарактеризовать структурную организацию (взаимосвязь) переменных ригидности–флексibilityности и исследовательского потенциала студентов на разных курсах обучения (вычислить матрицы корреляций и определить индексы структурной организации переменных).

Материалы и методы исследования

В общую выборку исследования вошли студенты 1–4-го курсов педагогических специальностей Гомельского государственного университета им. Франциска Скорины» и Гродненского государственного университета им. Янки Купалы» в количестве 226 человек, из них 73 студента 1-го курса ($17,39 \pm 0,69$); 52 студента 2-го курса ($18,55 \pm 0,60$); 54 студента 3-го курса ($19,24 \pm 0,48$); 47 студентов 4-го курса ($20,27 \pm 0,53$).

Основу эмпирического исследования составил кросс-секционный метод (cross-sectional study) с применением поперечно-последовательной стратегии, которая «предполагает сопоставление психологических показателей в одно и то же время у людей разных возрастных групп» (Корнилов, 2011, с. 101). Сбор эмпирического материала осуществлялся посредством психодиагностических методик опросного типа. «Томский опросник ригидности» (ТОРЗ) основан на модели ригидности Г.В. Залевского (2000). Шкала общей ригидности «Симптомокомплекс ригидности» (СКР) представлена субшкалами актуальной ригидности (АР), сенситивной ригидности (СР), установочной ригидности (УР), ригидности как состояния (РСО), преморбидной ригидности (ПМР) (Залевский, Козлова, 2005). «Опросник когнитивной флексibilityности» (Cognitive flexibility inventory – CFI; Dennis,

Vander Wall, 2010) в адаптации С.С. Кургияна и Е.Ю. Осаволюк включает шкалы «Альтернатива» и «Контроль», а также интегральный показатель когнитивной флексibilityности (Осаволюк, Кургиян, 2018). «Методика оценки исследовательского потенциала студента» в интерпретации Н.В. Бордовской и коллег направлена на выявление общего уровня исследовательского потенциала и его компонентов: мотивационного, когнитивного и поведенческого (Бордовская и др., 2017).

Для обработки результатов использовался блок математико-статистических процедур, куда вошли коэффициент ранговой корреляции Спирмена (r_s), метод вычисления матриц корреляции, метод определения индексов структурной организации переменных (Карпов, Карпов, Маркова, 2016). В ходе анализа вычислялись корреляционные отношения между показателями ригидности–флексibilityности и исследовательского потенциала студентов, обучающихся на разных курсах.

Результаты

По результатам исследования взаимосвязи показателей ригидности–флексibilityности и исследовательского потенциала у студентов 1-го курса выявлено 16 корреляций, из них 13 положительно направленных и 3 отрицательно. Диапазон коэффициентов связи варьирует от $r_s = -0,38$ ($p < 0,01$) до $r_s = 0,53$ ($p < 0,001$). Минимальный показатель корреляции установлен между поведенческим компонентом и актуальной ригидностью $r_s = -0,24$ ($p < 0,05$), максимальный – между значением общего уровня исследовательского потенциала и шкалой актуальной ригидности $r_s = 0,53$ ($p < 0,001$). Определена положительная связь показателя общего уровня исследовательского потенциала со шкалами CFI альтернативы $r_s = 0,44$ ($p < 0,001$), контроля $r_s = 0,46$ ($p < 0,001$) и отрицательная – сензитивной ригидности $r_s = -0,33$ ($p < 0,01$).

Выявлена положительная взаимосвязь между мотивационным компонентом и шкалами альтернативы $r_s = 0,35$ ($p < 0,01$) и контроля $r_s = 0,37$ ($p < 0,001$), а также интегральным показателем когнитивной флексibilityности $r_s = 0,44$ ($p < 0,001$). Когнитивный компонент ИП положительно коррелирует с симптомокомплексом ригидности $r_s = 0,36$ ($p < 0,01$), сензитивной ригидностью $r_s = 0,41$ ($p < 0,001$), ригидностью как состоянием $r_s = 0,25$ ($p < 0,05$) и преморбидной ригидностью $r_s = 0,26$ ($p < 0,05$). Поведенческая субшкала отрицательно связана с актуальной ригидностью $r_s = -0,24$ ($p < 0,05$) и положительно со шкалами CFI альтернативы $r_s = 0,36$ ($p < 0,01$), контроля $r_s = 0,34$ ($p < 0,01$) и интегральным показателем когнитивной флексibilityности $r_s = 0,42$ ($p < 0,001$). *Вопреки априорным предположениям, выявлены положительные связи когнитивного компонента ИП с субшкалами TOP3: симптомокомплексом ригидности, сензитивной и преморбидной ригидностью, ригидностью как состоянием. Исключение составляют шкалы актуальной и установочной ригидности. При этом показатель сензитивной ригидности отрицательно коррелирует с общим уровнем исследова-*

довательского потенциала, несмотря на то что все ответы по шкале когнитивного компонента входят в подсчет общего уровня ИП. Полученные результаты не исключают возможности взаимоперехода (конвергенции) ригидности и гибкости. Наряду с этим определены две устойчивые связи (при $p < 0,01$ и $p < 0,001$) когнитивного компонента с симптомокомплексом ригидности и сензитивной ригидностью и две неустойчивые (гибкие) – с ригидностью как состоянием и преморбидной ригидностью (при $p < 0,05$).

На структурном уровне анализировалась коррелограмма, построенная по результатам взаимосвязи ригидности–флексильности и исследовательского потенциала студентов (рис. 1). Процедура анализа коррелограммы включает этапы подсчета:

- 1) индекса когерентности (ИКС), дивергентности (ИДС) и общей организованности структуры (ИОС);
- 2) устойчивости–неустойчивости структуры;
- 3) весовых коэффициентов каждой переменной в структуре, определение функциональной роли переменных (базовые и структурообразующие).

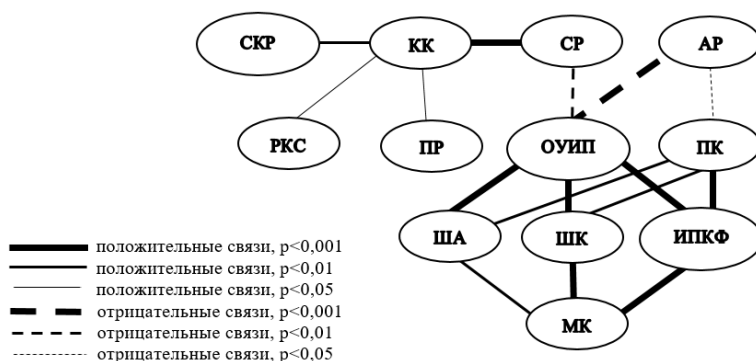

Рис. 1. Структурограмма показателей ригидности–флексильности и исследовательского потенциала студентов 1-го курса:

ОУИП – общий уровень исследовательского потенциала, МК – мотивационный компонент, ПК – поведенческий компонент, КК – когнитивный компонент, ИПКФ – интегральный показатель когнитивной флексильности, ША – шкала альтернативы, ШК – шкала контроля, СКР – симптомокомплекс ригидности, СР – сензитивная ригидность, АР – актуальная ригидность, РКС – ригидность как состояние, ПР – преморбидная ригидность

Организованность структуры определялась путем подсчета индекса когерентности, дивергентности и индекса организованности структуры, разработанных А.В. Карповыми соавт. (2016). По результатам исследования индекс организованности структуры составил 37 баллов, индекс ее когерентности представлен 31 баллом, дивергентности – 6 баллами. Коэффициент устойчивости связей структурограммы равен 0,81, неустойчивости – 0,18. В целостной структурной организации исследуемых компонентов у студентов 1-го курса индекс дивергентности ниже индекса когерентности.

Наряду с анализом структурных индексов проанализируем качественное своеобразие взаимосвязи, т.е. содержание базовых для данной структуры качеств, тех переменных, которые имеют максимальное число связей с другими переменными и обладают наибольшим структурным весом. Анализ значимости корреляций в структурограмме позволил выявить максимум 5 (55,50%) высокосвязных связей (при $p < 0,01$ и $p < 0,001$) у общего уровня исследовательского потенциала, который является базовым качеством (структурный вес равен 14 баллам) при структурировании всей системы переменных. Самая низкая устойчивость связей выявлена при корреляции когнитивного компонента исследовательского потенциала со шкалами TOP3 – 22,22%.

Общее количество корреляций между ригидностью, флексibilityностью и исследовательским потенциалом студентов 2-го курса составило 9, в число которых вошли 5 положительных и 4 отрицательных связи. Минимальный показатель взаимосвязи $r_s = -0,31$ ($p < 0,05$) выявлен между мотивационным компонентом и актуальной ригидностью, максимальный $r_s = 0,53$ ($p < 0,001$) – между общим уровнем исследовательского потенциала и актуальной ригидностью.

Общий уровень исследовательского потенциала положительно коррелирует со всеми шкалами опросника CFI: альтернативы $r_s = 0,41$ ($p < 0,01$), контроля $r_s = 0,31$ ($p < 0,05$), интегральным показателем когнитивной флексibilityности $r_s = 0,42$ ($p < 0,01$), и отрицательно – с актуальной ригидностью $r_s = -0,54$ ($p < 0,001$), ригидностью как состоянием $r_s = 0,42$ ($p < 0,01$). Отрицательно мотивационный и поведенческий компоненты ИП связаны с актуальной ригидностью: $r_s = -0,32$ при $p < 0,001$ и $r_s = -0,42$ при $p < 0,001$ соответственно. Наряду с этим последний положительно коррелирует ($p < 0,01$) с показателем альтернативы $r_s = 0,40$ и интегральным показателем флексibilityности $r_s = 0,38$ (рис. 2).

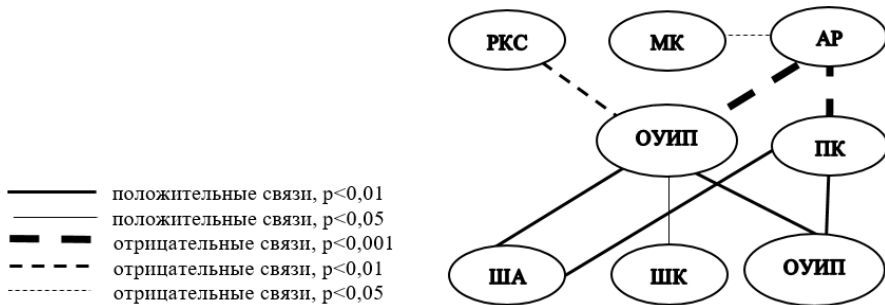

Рис. 2. Структурограмма показателей ригидности–флексibilityности и исследовательского потенциала студентов 2-го курса:

ОУИП – общий уровень исследовательского потенциала, МК – мотивационный компонент, ПК – поведенческий компонент, ИПКФ – интегральный показатель когнитивной флексibilityности, ША – шкала альтернативы, ШК – шкала контроля, АР – актуальная ригидность, РКС – ригидность как состояние

При анализе структурограммы *наблюдается равномерное распределение показателей ИКС и ИДС*: индексы когерентности и дивергентности составили по 9 баллов каждый; соответственно, индекс организованности структуры равен 18 баллам. Коэффициент устойчивости связей структурограммы равен 0,55, а неустойчивости – 0,44. Базовым элементом структурограммы, который имеет максимальное число связей (5) с другими элементами и обладает наибольшим структурным весом (10 баллов), является общий уровень исследовательского потенциала. При этом с меньшим структурным весом (7 баллов) выявлена связь шкалы актуальной ригидности с исследовательским потенциалом, его мотивационным и поведенческим компонентами, а с низким (2 балла) – ригидности как состояния с общим уровнем исследовательского потенциала. Примечательно, что отрицательно направленные связи показателей ригидности–флексibilityности с ИП респондентов 2-го курса были выявлены только с показателями шкал TOP3. Исключение составляет когнитивный компонент, который не имеет связей с другими переменными.

На 3-м году обучения было установлено 6 корреляций между флексibilityностью и исследовательским потенциалом студентов: 5 положительных и 1 отрицательная; 2 устойчивые ($p < 0,01$) и 4 неустойчивые ($p < 0,05$). На основании правила подсчета базовый элемент, который определяет построение всей структурограммы, представлен интегральным показателем когнитивной флексibilityности с наибольшим количеством связей (3) и 5 баллами (рис. 3).

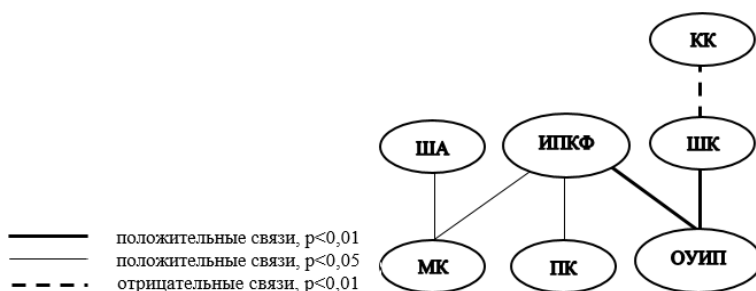

Рис. 3. Структурограмма показателей флексibilityности и исследовательского потенциала студентов 3-го курса:

ОУИП – общий уровень исследовательского потенциала, МК – мотивационный компонент, ПК – поведенческий компонент, ИПКФ – интегральный показатель когнитивной флексibilityности, ША – шкала альтернативы, ШК – шкала контроля

Наряду с этим устойчивые корреляции выявлены между общим уровнем исследовательского потенциала и интегральным показателем когнитивной флексibilityности $r_s = 0,35$ ($p < 0,01$), шкалой контроля и когнитивным компонентом ИП $r_s = -0,41$ ($p < 0,01$). Неустойчивые (гибкие) связи (при $p < 0,05$) характерны для исследовательского потенциала со шкалой контроля $r_s = 0,31$; мотивационного компонента со шкалой альтернативы

и интегральным показателем когнитивной флексibilityности ($r_s = 0,28$, $r_s = 0,32$ соответственно); поведенческого компонента с интегральным показателем когнитивной флексibilityности $r_s = -0,31$. Полученные коэффициенты корреляции находятся в диапазоне от $r_s = 0,40$ ($p < 0,01$) до $r_s = 0,35$ ($p < 0,01$).

С точки зрения анализа структурных характеристик индекс когерентности структуры оказался равным 7 баллам, дивергентности – 2 баллам; соответственно, индекс общей организованности составил 9 баллов. Данная структура обладает наименьшей синтезированнойностью ее элементов за счет отсутствия значимых связей при $p < 0,001$ и их уменьшении при $p < 0,01$. Коэффициент устойчивости связей структурограммы составляет 0,33 балла, а неустойчивости – 0,66 балла. Стоит отметить отсутствие связей показателей переменных TOP3 с исследовательским потенциалом у респондентов 3-го курса.

Полученные коэффициенты корреляции ригидности–флексibilityности и исследовательского потенциала студентов 4-го курса варьируют от $r_s = -0,43$ ($p < 0,001$) до $r_s = 0,64$ ($p < 0,001$). Среди количества показателей обнаружено 12 взаимосвязей, содержащих 7 устойчивых ($p < 0,01$ и $p < 0,001$) и 5 неустойчивых ($p < 0,05$). Гибкие взаимосвязи (при $p < 0,05$) выявлены между исследовательским потенциалом и симптомокомплексом ригидности $r_s = -0,30$, исследовательским потенциалом и ригидностью как состоянием $r_s = -0,35$, исследовательским потенциалом и преморбидной ригидностью $r_s = 0,31$; мотивационным компонентом и шкалой альтернативы $r_s = 0,35$, мотивационным компонентом и интегральным показателем когнитивной флексibilityности $r_s = 0,33$. Устойчивостью характеризуются корреляции (при $p < 0,001$) общего уровня ИП со шкалой альтернативы $r_s = 0,53$, шкалой контроля $r_s = 0,58$, интегральным показателем когнитивной флексibilityности $r_s = 0,64$, а также при $p < 0,01$ – общего уровня ИП с сензитивной ригидностью $r_s = -0,43$. При $p < 0,001$ обнаружены устойчивые связи поведенческого компонента со шкалами альтернативы $r_s = 0,53$, контроля $r_s = 0,48$, с интегральным показателем когнитивной флексibilityности $r_s = 0,58$. Необходимо подчеркнуть отсутствие связей ригидности с мотивационным, поведенческим, когнитивным компонентами, а последнего – и с когнитивной флексibilityностью респондентов 4-го курса. Более половины (7 / 58,33%) данных связей приходится на переменную «общий уровень исследовательского потенциала», тогда как другие переменные имеют связи в два раза меньше. Наибольшая сумма баллов по всем корреляциям (статистический вес) составила 17, тем самым исследовательский потенциал является ведущим, так как определяет построение всей структурограммы (рис. 4).

При анализе индексов структурограммы, величин, которые отражают ее сложность, индекс общей организованности составил 25 баллов, где индекс когерентности равен 20 баллам, дивергентности – 5 баллам. При этом коэффициент устойчивости связей равен 0,58, а неустойчивости – 0,41. Данные при подсчете индексов структурной организации показателей ригидности–флексibilityности и исследовательского потенциала студентов

1-го, 2-го, 3-го и 4-го курсов, полученные в результате исследования, отражены в таблице.

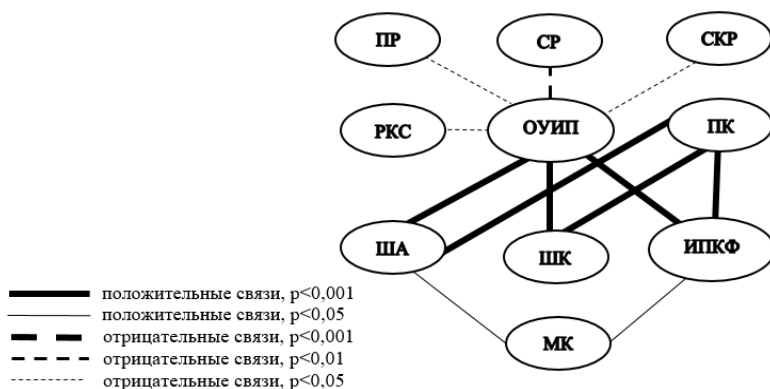

Рис. 4. Структурограмма показателей ригидности-флексibility и исследовательского потенциала у студентов 4-го курса:

ОУИП – общий уровень исследовательского потенциала, МК – мотивационный компонент, ПК – поведенческий компонент, ИПКФ – интегральный показатель когнитивной флексibility, ША – шкала альтернативы, ШК – шкала контроля, СКР – симптомокомплекс ригидности, СР – сензитивная ригидность, РКС – ригидность как состояние, ПР – преморбидная ригидность

Значения структурных индексов и коэффициентов устойчивости-неустойчивости связей

Параметры	Курсы			
	1	2	3	4
Индекс когерентности	31	9	7	20
Индекс дивергентности	6	9	2	5
Индекс организованности	37	18	9	25
Индекс устойчивости	0,81	0,55	0,33	0,58
Индекс неустойчивости	0,18	0,44	0,66	0,41

Обсуждение результатов

В отношении анализа полученных результатов отметим доказательность предположения о связи ригидности-флексibility с исследовательским потенциалом студентов. При этом данные демонстрируют неоднозначные роли ригидности. При обращении к количеству показателей связи ригидности с исследовательским потенциалом студентов 1-го курса в коррелограмме было обнаружено большее количество корреляций, включая как отрицательно, так и положительно направленные, по сравнению с другими курсами. Очевидным остается факт повышения общего уровня исследовательского потенциала при снижении показателей актуальной и сензитивной ригидности. При этом последняя положительно коррелирует с когнитивным компонентом исследовательского потенциала наряду с симптомокомплексом ригидности, преморбидной ригидностью и ригидностью как состоянием.

Это свидетельствует о том, что актуализация когнитивного компонента ИП обусловлена большей включенностью структур ригидности, составляющих субъективного опыта в виде типизированных когнитивных структур (Холдная, 2002). Однако данной взаимосвязи присуща меньшая величина связей, т.е. тенденция к некоторому изменению за счет наличия гибких, неустойчивых связей, что, возможно, обусловлено социальным статусом студентов первого курса – «новички» (Лобанов, 2010). Как отмечает ученый, интеллектуальное развитие первокурсников «в меньшей степени отвечает задачам профессионального обучения и профессионального становления» (Лобанов, Дроздова, 2013, с. 61).

Структура связи ригидности–флексibilityности с ИП характеризуется сложностью и организованностью, отражая качественное своеобразие. Вокруг общего базового уровня исследовательского потенциала первокурсников синтезированы все остальные переменные, которые являются структурообразующими элементами. Объединяя всю структуру, они воздействуют на процессуальную сторону исследовательского потенциала, ее стратегический аспект. В свою очередь, общий уровень исследовательского потенциала определяет построение всей структуры. *Необходимо отметить слабую представленность дифференцирующих тенденций структуры относительно ее синтезированнойности. Высокий индекс организованности свидетельствует о связанности переменных, устойчивости, а следовательно, их прочности. Можно полагать, что наиболее высокое значение когерентности структуры, высокая интегрированность, т.е. синтезированность элементов (переменных) в определенную целостность, а также ее устойчивость связей являются составной частью индивидуального опыта студентов I-го курса.*

В целом структурограмма интегрирует два блока переменных: первый представляет собой корреляции между общим уровнем исследовательского потенциала и переменными когнитивной флексibilityности, а также ТОРЗ; второй – связь (положительную) когнитивного компонента ИП с ригидностью. Интересен факт наличия положительных связей когнитивного компонента с ригидностью, что, скорее, актуализирует когнитивные способности, чувство дефицита знания, переживание непонимания, непереносимость неопределенности, чувствительность к переживаниям, умение ставить вопросы, т.е. все то, что проявляется в учебной деятельности у «новичков» (Лобанов, 2010; Лобанов, Дроздова, 2013, 2021) и возникает естественным образом в ходе научно-исследовательской работы. Подобное подчиненное положение способствует необходимости изменяться, как отмечалось выше, в соответствии с трансформациями ситуации, но сопряжено с желанием сохранить собственную, личностную и профессиональную идентичность. *Следовательно, для того чтобы эффективнее преодолеть требования ситуации, адаптироваться к ним, у первокурсников происходит актуализация, репродукция ригидных стратегий. Это позволяет говорить об уникальном значении ригидности, которая по своей природе является персверативным поведением, включая множество привычек и когнитивных установок лич-*

ности (Schultz, Searleman, 2002; Steinmetz, Loarer, Houssemand, 2011). Тем самым установлен положительный вклад ригидности в реализацию когнитивного компонента ИП студентов, что соответствует данным других исследователей (Schaie, Dutta, Willis, 1991; Dennis, Vander Wall, 2010; Бурец, 2014). *Возможно, ригидность необходимо изучать в качестве нормы в контексте позитивного и негативного влияния, обусловленного конкретным видом деятельности.*

При описании результатов связи ригидности–флексibilityности с ИП студентов 2-го курса отметим снижение количества корреляций. Изменение структурограммы имеет следующую специфику: все связи переменных ИП с ригидностью носят отрицательный характер, отсутствует связь когнитивного компонента с когнитивной флексibilityностью и TOP3, отмечается равное соотношение интеграционных и дезинтеграционных тенденций, снижается коэффициент устойчивости–неустойчивости связей, сохраняется ведущая роль исследовательского потенциала в организации структурных компонентов. Снижение коэффициентов корреляции свидетельствует о потере устойчивости структуры, что обуславливается снижением высокозначимых корреляций. Наличие отрицательных связей, т.е. расхождение признаков, отражает обратную связь между интенсивностью проявлений параметров ИП, включая мотивационный и поведенческий компоненты, с актуальной ригидностью и ригидностью как состоянием. *Данная структурная особенность определяет эффективность научной деятельности студентов 2-го курса и служит своеобразным психологическим ресурсом исследовательской активности, что, вероятно, обуславливает переход к реализации исследовательского потенциала.*

Установлено, что структурная организация ригидности–флексibilityности с ИП у студентов 3-го года обучения характеризуется перестройкой структурограммы по сравнению с предыдущими курсами в силу меньшего числа связей. Больше число связей приходится на интегральный показатель когнитивной флексibilityности. В целостной картине индекс дивергентности значительно ниже индекса когерентности, при этом коэффициент неустойчивости выше коэффициента устойчивости структуры (при отсутствии связей на уровне $p < 0,001$). Определены связи ИП только с когнитивной флексibilityностью. Однако одной из особенностей стала выявленная отрицательная связь когнитивного компонента ИП со шкалой контроля когнитивной флексibilityности студентов 3-го курса, согласно которой успешному решению исследовательских проблем и задач сопутствует снижение контроля в восприятии сложных ситуаций. *Можно предположить, что контроль как фиксированная форма поведения снижает продуктивность мышления, вариативность выдвигаемых гипотез и их доказательность, рефлексивность и т.д.* Определенным фактом выступило отсутствие взаимосвязей между ИП и переменными TOP3. Видимо, это можно рассматривать как *взаимопереход (конвергенцию) ригидности и флексibilityности.*

В группе студентов 4-го курса происходит увеличение общего уровня исследовательского потенциала при снижении сензитивной, преморбидной

ригидности, ригидности как состояния и повышении когнитивной флексibilityности, включая ее аспекты: склонность воспринимать сложные ситуации как контролируемые и способность воспринимать несколько альтернативных объяснений ситуаций. Взаимосвязь ригидности–гибкости и исследовательского потенциала респондентов характеризуется высокими индексами когерентности, устойчивости и относительно низкими индексами дивергентности и неустойчивости структуры. Базовым элементом всей структуры является общий уровень ИП, структурообразующие показатели представлены шкалами когнитивной флексibilityности и ригидности. Тем самым в основе интенсификации исследовательского потенциала кроме когнитивного компонента лежит когнитивная флексibilityность, которая со шкалами ИП имеет наиболее значимые, устойчивые связи, а также менее устойчивые, гибкие отрицательные связи с симптомокомплексом ригидности и входящими в него показателями сензитивной, преморбидной ригидности и ригидности как состояния. Возможно, это объясняется тем, что интеллектуальная деятельность студентов старших курсов – «экспертов» – в большей «степени отвечает задачам профессионального обучения и становления» (Лобанов, 2010; Лобанов, Дроздова, 2013, с. 61). Своеобразие и разрешающие возможности интеллектуального поведения на последнем году обучения определяются степенью сформированности когнитивных структур 2-го порядка (Холодная, 2002, 2004), применением децентрированных когнитивных стратегий (Пиаже, 1969), усвоением вариативности опыта (Лобанов, 2010), толерантностью к неопределенности (Корнилова, Павлова, 2019).

Отметим, что показатели корреляций ригидности–флексibilityности и исследовательского потенциала студентов на разных курсах демонстрируют разную степень разброса значений. Базовые показатели, обнаруживающие наибольшее количество взаимосвязей, повторяются из курса в курс. Исключение составляет третий год обучения, что требует дальнейшего поиска иных коррелятов реализации исследовательского потенциала студентов в научно-исследовательской деятельности.

Таким образом, полученные результаты подтвердили предположение о положительной корреляции переменных когнитивной флексibilityности и исследовательского потенциала, а также положительную и отрицательную связь последнего с ригидностью студентов на разных курсах обучения. Однако данный вывод требует дополнительного исследования, в частности при обобщении представленных данных с другими массивами.

Выводы

1. Большинство переменных ригидности–флексibilityности и исследовательского потенциала студентов первого курса вступают в отношения взаимосвязи, которая характеризуется высокой организованностью, синтезированнойностью и устойчивостью. Существует устойчивая и закономерная положительная корреляция исследовательского потенциала с когнитивной флексibilityностью, отрицательная – с ригидностью, а связь когнитивного

компонента с гибкостью опосредована чувствительной жесткостью. При этом имеет место персеверативное поведение, при котором происходит актуализация когнитивного компонента в результате включенности в положительную связь с жесткостью. Базовым элементом во взаимосвязи выступает исследовательский потенциал.

2. Отмечено равномерное снижение показателей индекса когерентности / дивергентности, устойчивости / неустойчивости взаимосвязи в результате уменьшения числа корреляций жесткости–гибкости и исследовательского потенциала студентов второго года обучения по отношению ко всем остальным курсам. При корреляционных отношениях базовым компонентом выступает исследовательский потенциал.

3. Представлена структурная организация связи гибкости с исследовательским потенциалом студентов третьего курса, которая характеризуется низкими значениями коэффициентов и отсутствием взаимосвязи с показателями жесткости. Индекс когерентности значительно ниже индекса дивергентности, в результате чего структура теряет свою устойчивость. Наибольшее число показателей при относительно малом их количестве входит в структуру взаимосвязи с базовым компонентом интегральным показателем когнитивной гибкости. В результате отсутствия связей показателей с жесткостью имеет место конвергенция жесткости.

4. Степень структурной организации связи показателей жесткости–гибкости представлена наиболее высокими значениями и имеет интегрированную структуру, базовым элементом которой является общий уровень исследовательского потенциала, у студентов на четвертом году обучения. При этом только общий показатель исследовательского потенциала имеет умеренную взаимосвязь с некоторыми компонентами жесткости–гибкости. Вместе с тем определен их высокий индекс когерентности и сравнительно низкий индекс дивергентности. Фиксированные формы поведения продуктивны в определенных ситуациях и определяются субъективным опытом.

Полученные результаты необходимо учитывать при организации и определении форм, методов научно-исследовательской работы студентов на разных курсах обучения в высших учебных заведениях, а также при создании условий для реализации их исследовательского потенциала в ходе активного включения в научно-исследовательскую деятельность.

Литература

- Бордовская, Н. В., Костромина, С. Н., Розум, С. И., Москвичева, Н. Л. (2017). Исследовательский потенциал студента: содержание конструкта и методика его оценки. *Психологический журнал*, 38(2), 89–103.
- Бурец, Ю. М. (2014). Склонность к жесткости студентов разных профессий. *Известия Смоленского государственного университета*, 1, 502–509.
- Залевский, Г. В. (2000). Томский опросник жесткости Г.В. Залевского. *Сибирский психологический журнал*, 12, 129–137.
- Залевский, Г. В., Козлова, Н. В. (2005). Психическая жесткость – гибкость как акмеологический инвариант профессионализма. *Сибирский психологический журнал*, 22, 146–149.

- Карпов, А. В., Карпов, А. А., Маркова, Е. В. (2016). *Психология принятия решения в управленческой деятельности. Метасистемный подход*. Ярославль: ЯрГУ; М.: Изд. дом РАО.
- Корнилов, С. А. (2011). Лонгитюдные исследования: теория и методы. *Экспериментальная психология*, 4(4), 101–116.
- Корнилова, Т. В. (2013). Ригидность, толерантность к неопределенности и креативность в системе интеллектуально-личностного потенциала человека. *Вестник Московского университета. Сер. 14, Психология*, 4, 36–47.
- Корнилова, Т. В., Павлова, Е. М. (2019). Триада «толерантность к неопределенности – эмоциональный интеллект – интуитивный стиль» и самооценка креативности у лиц творческих профессий. *Психолого-педагогические исследования*, 11(1), 107–117.
- Лобанов, А. П. (2010). Взаимосвязь интеллекта и образования в контексте профессионального становления специалистов. *Вестник Московского государственного областного социально-гуманитарного института*, 2, 208–212.
- Лобанов, А. П., Дроздова, Н. В. (2013). *Интеллект. Компетентность. Образование: кто стоит напротив Белой Вежи?* Минск: РИВШ.
- Лобанов, А. П., Дроздова, Н. В. (2021). *Soft Skills для цифрового поколения*. Минск: РИВШ.
- Митина, Л. М. (2014). *Психология личностно-профессионального развития субъектов образования*. М.; СПб.: Нестор-История.
- Осаволук, Е. Ю., Кургинян, С. С. (2018). Когнитивная флексibilityность личности: теория, измерение, практика. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 15(1), 128–144. doi: 10.17323/1813-8918-2018-1-128-144
- Пиаже, Ж. (1969). *Избранные психологические труды. Психология интеллекта. Генезис числа у ребенка. Логика и психология*. М.: Просвещение.
- Холодная, М. А. (2002). *Психология интеллекта: парадоксы исследования*. СПб.: Питер.
- Холодная, М. А. (2004). *Когнитивные стили. О природе индивидуального ума*. СПб.: Питер.

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе References после англоязычного блока.

Поступила в редакцию 23.08.2022 г.; принята 02.02.2023 г.

Певнева Анжела Николаевна – заведующая кафедрой общей и социальной психологии Гродненского государственного университета им. Янки Купалы, кандидат психологических наук, доцент.

E-mail: pevneva.angela@rambler.ru

For citation: Pevneva, A. N. (2023). The Relationship between Rigidity to Flexibility and Students' Research Potential. *Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal – Siberian journal of psychology*, 87, 86–103. In Russian. English Summary. doi: 10.17223/17267080/87/5

The Relationship between Rigidity to Flexibility and Students' Research Potential

A.N. Pevneva¹

¹ Yanka Kupala State University of Grodno, 22 Ozheshko Str., Grodno, 230023, Belarus

Abstract

The relevance of the research is determined by the requirements given in the state educational standard which are aimed at the formation of students of the first stage of higher educa-

tion to organize and conduct research work. Its content and organization in different courses of study include diverse requirements and tasks of a certain orientation. As a consequence, students are required to respond flexibly to changing conditions when solving research tasks and realizing their research potential (cognitive, motivational and behavioral resources) which will lead to the effective performance of research work. The aim of the study is to identify the relationship between the variables of rigidity to flexibility and students' research potential. The sample size consisted of 226 students of pedagogical profile: 73 students of the 1st year, 52 students of the 2nd year, 54 students of the 3rd year, 47 students of the 4th year. "Tomsk questionnaire of rigidity" (G.V. Salevsky), "Cognitive Flexibility Questionnaire" (in adaptation by S. S. Kurginian, E.Yu. Osavoluk) and "The methodology of assessing the research potential of the student" (N.V. Bordovskaya et al.) have been used in the process of cross-sectional method, in particular, in the application of cross-sequential strategy during the research. It has been established that flexibility is positively associated with research potential, the indicators of which are negatively correlating with actual and sensitive rigidity. However, the cognitive component has a positive relationship with the symptom complex of rigidity, sensitive, premorbid rigidity and rigidity as a condition, which rather indicates the perseverative nature of rigidity. In the second year there is a decrease in correlations, the stability of rigidity-flexibility and research potential of students, and there appears an equal ratio of integration and disintegration indices. The overall level of research capacity continues to be a basic element of this relationship. With the loss of resilience, as a result of the decrease in divergence indices and the coherence of the communication of variable cognitive flexibility with the research potential of students in the 3rd year of study, there happens a change of the basic element to an integral indicator of cognitive flexibility. In the 4th year of training, the relationship between rigidity and research potential of students becomes relatively stable due to an increase in the coherence index and a significant reduction in the divergence index. The structural indicators are integrated around the overall level of research capacity. Besides, the cognitive component becomes an autonomous one. In general, the relationship between rigidity-flexibility and research potential is characterized by a certain type of changes in each year of students' studies.

Keywords: rigidity; cognitive flexibility; research potential; motivation; behavior

References

- Bordovskaya, N. V., Kostromina, S. N., Rozum, S. I., & Moskvicheva, N. L. (2017). Issledovatel'skiy potentsial studenta: soderzhanie konstrukta i metodika ego otsenki [Research potential of the student: The content of the construct and the method of its assessment]. *Psikhologicheskii zhurnal*, 38(2), 89–103.
- Burets, Yu. M. (2014). Sklonnost' k rigidnosti studentov raznykh professiy [Tendency to rigidity of students of different professions]. *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*, 1, 502–509.
- Cattell, R. B. (1965). A biometrics invited paper. Factor analysis: An introduction to essentials I. The purpose and underlying models. *Biometrics*, 21(1), 190–215.
- Dennis, J. P., & Vander Wal, J. S. (2010). The Cognitive Flexibility Inventory: Instrument Development and Estimates of Reliability and Validity. *Cognitive Therapy and Research*, 34, 241–253. doi: 10.1007/s10608-009-9276-4
- Guilford, J. P. (1967). *The Nature of Human Intelligence*. New York: McGraw-Hill.
- Karpov, A. V., Karpov, A. A., & Markova, E. V. (2016). *Psikhologiya prinyatiya resheniya v upravlencheskoy deyatel'nosti. Metasistemnyy podkhod* [Psychology of decision making in management activities. The metasystem approach]. Yaroslavl: Yaroslavl State University; Moscow: RAO.
- Kashdan, T. B., & Rottenberg, J. (2010). Psychological flexibility as a fundamental aspect of health. *Clinical Psychology Review*, 30(7), 865–878. doi: 10.1016/j.cpr.2010.03.001
- Kholodnaya, M. A. (2002). *Psikhologiya intellekta: paradoksy issledovaniya* [Psychology of intelligence: Paradoxes of research]. St. Petersburg: Piter.

- Kholodnaya, M. A. (2004). *Kognitivnye stili. O prirode individual'nogo uma* [Cognitive styles. On the nature of the individual mind]. St. Petersburg: Piter.
- Kornilov, S. A. (2011). Longitudinal research: theory and methods [Longitudinal Research: Theory and Methods]. *Ekspertimetal'naya psikhologiya*, 4(4), 101–116.
- Kornilova, T. V. (2013). Rigidnost', tolerantnost' k neopredelennosti i kreativnost' v sisteme intellektual'no-lichnostnogo potentsiala cheloveka [Rigidity, tolerance for uncertainty and creativity in the system of intellectual and personal potential of a person]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 14, Psikhologiya*, 4, 36–47.
- Kornilova, T. V., & Pavlova, E. M. (2019). Triada "tolerantnost' k neopredelennosti – emotsional'nyy intellekt – intuitivnyy stil'" i samootsenka kreativnosti u lits tvorcheskikh professiy [The triad "tolerance to uncertainty – emotional intelligence – intuitive style" and self-assessment of creativity in people of creative professions]. *Psikhologopedagogicheskie issledovaniya*, 11(1), 107–117.
- Lobanov, A. P. (2010). Vzaimosvyaz' intellekta i obrazovaniya v kontekste professio-nal'nogo stanovleniya spetsialistov [The relationship of intelligence and education in the context of the professional development of specialists]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo sotsial'no-gumanitarnogo instituta*, 2, 208–212.
- Lobanov, A. P., & Drozdova, N. V. (2013). *Intellekt. Kompetentnost'. Obrazovanie: kto stoit naprotiv Belay Vezhi?* [Intelligence. Competence. Education: who is standing in front of Belaya Vezha?]. Minsk: RIVSh.
- Lobanov, A. P., & Drozdova, N. V. (2021). *Soft Skills dlya tsifrovogo pokoleniya* [Soft Skills for the Digital Generation]. Minsk: RIVSh.
- Mitina, L. M. (2014). *Psikhologiya lichnostno-professional'nogo razvitiya sub"ektov obrazovaniya* [Psychology of personal and professional development of subjects of education]. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
- Osavolyuk, E. Yu., & Kurginyan, S. S. (2018). Person's Cognitive Flexibility: Theory, Measurement, and Practice. *Psikhologiya. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki – Psychology, Journal of the Higher School of Economics*, 15(1), 128–144. (In Russian). doi: 10.17323/1813-8918-2018-1-128-144
- Piaget, J. (1969). *Izbrannye psikhologicheskie trudy. Psikhologiya intellekta. Genезis chisla u rebenka. Logika i psikhologiya* [Selected psychological works. Psychology of intelligence. The genesis of the number in a child. Logic and psychology] (Trans.). Moscow: Prosveshchenie.
- Schaie, K. W., Dutta, R., & Willis, S. L. (1991). Relationship between rigidity-flexibility and cognitive abilities in adulthood. *Psychology and Aging*, 6(3), 371–383. doi: 10.1037/0882-7974.6.3.371
- Schultz, P. W., & Searleman, A. (2002). Rigidity of thought and behavior: 100 years of research. *Genetic, social, and general psychology monographs*, 128(2), 165–207.
- Steinmetz, J.-P., Loarer, E., & Houssemand, C. (2011). Rigidity of attitudes and behaviors: A study on the validity of the concept. *Individual Differences Research*, 9(2), 84–106.
- Zalevskiy, G. V. (2000). Tomskiy oprosnik rigidnosti G.V. Zalevskogo [The Tomsk G.V. Zalevsky rigidity questionnaire]. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*, 12, 129–137.
- Zalevskiy, G. V., & Kozlova, N. V. (2005). Psikhicheskaya rigidnost' – fleksibil'nost' kak akmeologicheskii invariant professionalizma [Mental rigidity – flexibility as an acmeological invariant of professionalism]. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*, 22, 146–149.

Received 23.08.2022; Accepted 02.02.2023

Anzhela N. Pevneva – Head of General and Social Psychology Department, Yanka Kupala State University of Grodno, Cand. Sc. (Psychol.), Associate Professor.
E-mail: pevneva.angela@rambler.ru

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9.07

ПОЛОВЫЕ РАЗЛИЧИЯ В УСПЕШНОСТИ ШКОЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ МАТЕМАТИКЕ И РУССКОМУ ЯЗЫКУ: КРОССКУЛЬТУРНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ¹

Т.Н. Тихомирова^{1,2}, С.Б. Малых^{1,2}

¹ Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Россия, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1

² Психологический институт РАО, Россия, 125009, Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 4

Резюме

Введение. Среди важнейших факторов, формирующих половые различия в успешности школьного обучения, называются академическая дисциплина (математика или язык), показатель измерения успешности (оценка, стандартизированная проверочная работа или тест), этап школьного обучения (начальная и средняя школа или старшие классы), качество образовательных условий и уровень социально-экономического развития страны, включающий и индекс гендерного неравенства.

Цели и задачи. Цель исследования – кросскультурный анализ половых различий в успешности обучения, измеренной оценками учителей по математике и русскому языку, в период общего образования. Анализируются данные школьников из России и Кыргызстана – государств, где организация систем школьного образования является сходной, а качество обучения, уровень социально-экономического развития и степень гендерного неравенства различаются.

Материалы и методы. В исследовании приняли участие 2 145 школьников 2–11-х классов из государственных школ России и Кыргызстана с обучением на русском языке. Выборка учеников из российской школы включает 898 человек в возрасте от 7,8 до 19,1 лет, из них 47,9% девочки. Выборка учеников из кыргызской школы составляет 1 247 человек в возрасте от 7,6 до 18,9 лет, из них 56,6% девочки. Исследование выполнено с применением кросс-секционного дизайна. В качестве показателей успешности школьного обучения использовались учительские оценки по математике и русскому языку. Рассчитывалось среднее значение четвертных или полугодовых оценок. Статистический анализ данных выполнялся методом дисперсионного анализа с расчетом размеров эффекта влияния пола на каждом году школьного обучения.

Результаты. Показано, что половые различия в школьной успеваемости проявляются в различных образовательных условиях. Универсальным является тот факт, что в среднем девочки учатся лучше, чем мальчики, и по русскому языку, и по математике на всех этапах школьного обучения. Установлена зависимость проявления половых разли-

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 17-78-30028.

чий в школьной успеваемости от академической дисциплины: чаще наблюдается преимущество девочек в успешном обучении русскому языку, чем математике. Эта тенденция характерна для обеих социокультурных выборок.

Заключение. Кросскультурные особенности половых различий касаются возрастных периодов их проявления: в более благоприятных образовательных условиях – только с 11 до 15 лет, в период полового созревания, а в менее благоприятных средах – во все годы школьного обучения.

Ключевые слова: успешность в школьном обучении; половые различия; кросскультурное исследование; математика; русский язык; общее образование; социально-экономическое развитие; Российская Федерация; Кыргызская Республика

Введение

Исследования половых различий в успешности школьного обучения вызывают горячие научные споры ввиду их разных, часто диаметрально противоположных результатов, связанных в первую очередь с многообразием факторов, влияющих на проявление различий между мальчиками и девочками. При этом собственно объект исследования – успешность в школьном обучении – находится в зоне пристального внимания со стороны государства, общественности и граждан, прежде всего родителей, заинтересованных в высоких академических достижениях своих детей. Национальный приоритет школьного образования, масштаб и значительные финансовые затраты ставят задачу оценки эффективности образовательных стратегий на государственном уровне. Основным критерием эффективности национальной системы образования является академическая успешность каждого ученика, выраженная в качестве и количестве приобретенных им знаний, умений и навыков. Так, в международных рейтинговых программах оценки качества государственного образования базируются на индивидуальных академических достижениях выпускников школ (например, «Международная программа оценки учебных результатов»¹).

Общественный резонанс проблемы успешности в школьном обучении обусловлен теми огромными индивидуальными различиями в показателях академических достижений учеников, которые наблюдаются в каждом классе, каждой школе, каждой стране. Кроме того, у школьника формируется разноуровневый профиль академической успешности по разным школьным дисциплинам, который может изменяться на протяжении общего образования: на начальном уровне школьного обучения ученик может успешно осваивать и математику, и русский язык, а в средней школе – отлично учиться только по русскому языку, но не по математике.

Школьная успешность является надежным прогностическим показателем дальнейшего профессионального становления, образовательных достижений, психологического благополучия, позитивной социализации в обществе (Huurre, Aro, Rahkonen, Komulainen, 2006; Lee, 2010; Datu, Buenconsejo, 2021).

¹ См.: <http://www.oecd.org/pisa/aboutpisa>

В ряде исследований школьная неуспеваемость, в частности по языку, рассматривается как ранний маркер низкого социально-экономического статуса во взрослом возрасте, а высокие достижения в освоении школьных дисциплин отождествляются с потенциальным защитным фактором при низком социальном положении ребенка и его семьи (см., напр.: Herbers et al., 2012).

В исследованиях и их метаанализах, связанных с изучением половых различий, регулярно сообщается о преимуществах и девочек, и мальчиков в школьном обучении и констатируется «гендерный разрыв» в образовательных достижениях (Mullola et al., 2011; Stoet, Geary, 2013; Voyer, Voyer, 2014; Nollenberger, Rodríguez-Planas, Sevilla, 2016; Lundberg, 2020). Так, с одной стороны, делаются выводы, что девочки являются более успешными в контексте академической успеваемости (Voyer, Voyer, 2014; Neugebauer, Helbig, & Landmann, 2011; O’Dea, Lagisz, Jennions, Nakagawa, 2018). Согласно метаанализу 369 исследований половых различий в обучении, преимущество девочек в успеваемости на всех этапах общего образования распространяется на большинство академических предметов – язык, математику, естественнонаучные дисциплины (Voyer, Voyer, 2014). С другой стороны, в ряде работ показано, что мальчики все же лучше справляются со школьной программой и получают более высокие оценки по сравнению с девочками (см., напр.: (Mullola et al., 2011; Stoet, Geary, 2013)). Так, в исследовании с участием 1,5 млн выпускников школ из 75 стран делается вывод о преимуществе мальчиков в обучении математике (Stoet, Geary, 2013). Эти данные были получены в исследовании с участием 15-летних школьников (Stoet, Geary, 2013).

Подобные расхождения в результатах связываются с целым рядом факторов, которые могут не только влиять на проявление половых различий в успешности школьного обучения, но и определять степень выраженности различий между мальчиками и девочками. Среди таких факторов называются прежде всего академическая дисциплина (математика, естественнонаучные предметы или язык), показатель измерения успешности (оценка, стандартизированная проверочная работа или тест), этап школьного обучения (начальные классы, средняя школа или старшие классы), качество образовательных условий (конкретная школа и система образования) и уровень социально-экономического развития страны, включающий в том числе индекс гендерного неравенства.

Академическая дисциплина или предметная область – важный модератор при анализе эффекта пола на успешность в школьном обучении. Так, половые различия в школьной успеваемости в пользу мальчиков, как правило, характерны для математики и естественнонаучных дисциплин (Mullola et al., 2011; Stoet, Geary, 2013). Для гуманитарных областей научного знания, включая успешное освоение навыка чтения, стабильно публикуются результаты о преимуществе девочек (Stoet, Geary, 2013; Reilly, Neumann, & Andrews, 2019; Тихомирова, Табуева, Малых, 2020). Эти различия связываются с гендерными установками о больших успехах мальчиков в точ-

ных науках, а девочек – в гуманитарных дисциплинах (Eble, Hu, 2019), а также со спецификой академической мотивации и ценностью знаний в конкретной научной области (Тихомирова, Модяев, Леонова, Малых, 2015; Lundberg, 2020). Сообщается о более существенных различиях между мальчиками и девочками именно по дисциплинам, связанным с изучением языков (Stoet, Geary, 2013; Voyer, Voyer, 2014; Reilly et al., 2019).

Показатель, на основе которого измеряется успешность в школьном обучении, часто не принимается во внимание исследователями при анализе половых различий в успешности по определенному школьному предмету. Вместе с тем степень выраженности, а в ряде случаев и проявление половых различий связано в том числе с конкретным показателем успешности. Так, при анализе школьной успеваемости по математике или языку в российской системе образования могут использоваться как оценки учителей, так и стандартизированные задания государственных проверочных работ и экзаменов. При этом каждый из показателей обладает своими преимуществами и недостатками (Вербицкая, Зинченко, Малых, Тихомирова, 2017; Verbitskaya, Zinchenko, Malykh, Gaidamashko, Kalmyk, Tikhomirova, 2020). Оценки учителей являются более субъективными и ограничены диапазоном вариативности от 2 до 5, но могут быть проанализированы практически на всех уровнях общего образования (со 2-го по 11-й класс). Напротив, стандартизированные экзамены точнее измеряют учебные достижения, но могут быть зафиксированы только в определенный год школьного обучения (например, в 9-м или 11-м классе).

При этом, согласно результатам исследований, наблюдаются различные размеры эффекта влияния пола на успешность в школьном обучении, рассчитанную на основе определенных показателей (см., напр.: (Тихомирова, Табуева, Малых, 2020)). При анализе успешности в обучении русскому языку самые большие различия между мальчиками и девочками получены для учительской оценки с размером эффекта в 18% дисперсии, несколько меньшие – для Всероссийской проверочной работы (12%), а наименьшие половые различия (7%) обнаружены для скоростного показателя сформированности навыка чтения (Тихомирова, Табуева, Малых, 2020).

Качество условий образовательной среды прямо пропорционально связано с индивидуальными и, как следствие, межкультурными различиями в академической успешности, которые отражают статус страны в международных рейтингах эффективности национальных систем образования (например, «Международная программа оценки учебных результатов», «Международное мониторинговое исследование читательской грамотности» и т.п.).

При этом принципиальным является анализ влияния образования на двух уровнях – микросреды, отражающей специфику образовательных условий конкретной школы, в которой обучается ребенок, и макросреды, отражающей эффективность государственной системы образования (Nisbett et al., 2012; Тихомирова, Малых, 2017). Так, среди условий образовательной микросреды значимыми во влиянии на успешность обучения являются

специфика учебных программ, психологический климат, качество обученности школьников и т.п. (Тихомирова, Малых, 2017; Reardon, Kalogrides, Fahle, Podolsky, Zárate, 2018). Эффективность функционирования системы образования рассчитывается на основе валового коэффициента охвата граждан образованием, средней продолжительности обучения и образовательного уровня населения, национальных расходов на образование (Программа развития ООН; <http://hdr.undp.org/>). Показано, что условия образовательной микросреды могут модулировать (ослаблять или усиливать) влияние национальной системы образования на индивидуальные различия в академической успешности школьника, приводя к изменениям уровня успешности в школьном обучении в отдельных внутрипопуляционных группах (Reardon et al., 2018; Тихомирова, Малых, 2021). Это обстоятельство необходимо учитывать при выполнении кросскультурных сравнений в сфере образования, «уравняя» микросредовые условия обучения детей.

Возраст или этап школьного обучения является важным условием проявления половых различий (Else-Quest, Hyde, & Linn, 2010; Voyer, Voyer, 2014; Lundberg, 2020). При этом в исследованиях на этапе начального и основного обучения регулярно сообщается о преимуществе девочек в школьных оценках (Mickelson, Greene, 2006). Далее, при анализе половых различий в старших классах, вплоть до университетского обучения, выводы не так однозначны: некоторые исследователи заявляют о преимуществе мужчин (см. напр.: (Else-Quest, Hyde, Linn, 2010; Stoet, Geary, 2013)), другие констатируют отсутствие половых различий в академических достижениях (см. напр.: (Sulaiman, Mohezar, 2006; Reardon et al., 2018)). Кроме того, в исследованиях отмечается снижение средних показателей успешности обучения, рассчитанной на основе оценок учителей, на протяжении обязательного общего образования (Tikhomirova, Kuzmina, Lysenkova, Malykh, 2019; Tikhomirova, Malykh, Malykh, 2020). Подобное снижение успеваемости может приводить к различным эффектам влияния пола ученика (Тихомирова, Табуева, Малых, 2020). Показано, в частности, что наиболее ярко выраженные половые различия наблюдаются именно в группах детей со слабой успеваемостью (Stoet, Geary, 2013; Voyer, Voyer, 2014).

Уровень социального и / или экономического развития государства, как следует из международных программ развития, фактически предопределяет эффективность национальной системы образования (Программа развития ООН; <http://hdr.undp.org/>). Так, в группе стран с высоким индексом человеческого развития – показателем, основанным на достижениях государства в сфере здоровья и долголетия, образования и качества жизни, наблюдаются и более благоприятные для достижения высоких учебных успехов образовательные условия. Такая прямо пропорциональная связь социально-экономического статуса и образования подтверждается в ряде исследований академических достижений выпускников школ (Nisbett et al., 2012; Verbitskaya et al., 2020).

Среди показателей социально-экономического статуса государств в отношении изучения половых различий в академической успешности особое

значение приобретает *индекс гендерного неравенства*, свидетельствующий о равенстве или, напротив, неравенстве достижений женщин и мужчин в сферах здоровья, образования и экономики. Высокий показатель гендерного неравенства отражает распространенность в обществе гендерных стереотипов, которые могут приводить к большим различиям между мужчинами и женщинами по психологическим признакам и профессиональным достижениям в одной стране и к меньшим – в другой (Nollenberger et al., 2016; O'Dea et al., 2018; Reardon et al., 2018; Eble, Hu, 2019).

Целью настоящего исследования является кросскультурный анализ половых различий в успешности обучения, измеренной оценками учителей по математике и русскому языку, на протяжении общего образования, со 2-го по 11-й класс. При этом наиболее актуальной задачей становится определение величины эффекта влияния пола на успеваемость учеников в каждый год школьного обучения.

Исследование выполнено в группах школьников, обучающихся в России и Кыргызстане, двух странах, в которых организация системы образования является идентичной, но различаются качество школьного обучения, уровень социально-экономического развития и степень гендерного неравенства. Так, согласно Докладу о человеческом развитии Программы развития ООН, Россия включена в группу стран с очень высоким уровнем социально-экономического развития (52-е место), а Кыргызстан – лишь со средним уровнем (120-е место). Индекс гендерного неравенства в России и Кыргызстане составляет соответственно 0,225 и 0,369, что свидетельствует о различиях в этих странах (50-е и 82-е рейтинговое место соответственно).

Такие кросскультурные различия и сходства систем образования стран позволят сформулировать универсальные и культуро-специфичные закономерности проявления половых различий в академической успешности на каждом году школьного обучения.

Методы

Выборка. В исследовании приняли участие 2 145 школьников 2–11-х классов из государственных школ России и Кыргызстана. Для участия в исследовании школы были подобраны по целому ряду критериев образовательной среды, что позволило проконтролировать условия обучения на уровне школ. В ходе этой процедуры оценивались количественные и квалификационные показатели преподавательского состава школ, образовательные программы по школьным дисциплинам, язык обучения. Таким образом, участники исследования из двух стран оказались уравненными относительно условий образования в конкретной школе, в том числе по рейтинговой позиции в регионе и русскому языку обучения (Tikhomirova et al., 2019). Ученики первых классов не принимали участия в исследовании по причине безотметочного обучения первоклассников в России.

Выборка учеников из российской школы включает 898 человек в возрасте от 7,8 до 19,1 лет, из них 47,9% девочки. Все школьники – русско-

язычные. Выборка учеников из кыргызской школы составляет 1 247 человек в возрасте от 7,6 до 18,9 лет, из них 56,6% девочки. Школьники с родным кыргызским языком составили 79,6%, с родным русским – 20,4%.

На участие школьников в исследовании получены письменные информированные согласия их родителей. При анализе данных персональная информация использовалась в закодированном виде.

Методика. Настоящее исследование выполнено с применением кросс-секционного дизайна: внутри каждой выборки анализируются данные всех школьников, обучающихся в школе со 2-го по 11-й класс, за один учебный год.

В качестве показателей успешности школьного обучения использовались учительские оценки по математике (алгебре и геометрии) и русскому языку – четвертные для учеников 2–9-х классов и полугодовые для учеников 10–11-х классов. Оценки фиксировались в конце учебного года на основании письменного согласия участников исследования и их родителей. Рассчитывалось среднее значение четвертных или полугодовых оценок для более тонкой дифференциации школьников по уровню успешности в обучении математике и русскому языку.

Статистический анализ. На первом этапе для анализа возрастных особенностей и диапазона вариативности вычислены описательные статистики (средние значения и стандартные отклонения) показателей успешности в обучении математике и русскому языку на каждом году обучения в школе, начиная со 2-го класса.

На втором этапе для понимания половых различий в успеваемости по математике и русскому языку на каждом году обучения в группах школьников из России и Кыргызстана проводился однофакторный дисперсионный анализ с вычислением размера эффекта. Результаты, полученные в группах школьников из России и Кыргызстана, были проанализированы в контексте универсальных и культурно-специфичных закономерностей в проявлении половых различий на протяжении общего образования.

Результаты исследования и их обсуждение

В исследовании анализировались учительские оценки по математике и русскому языку на каждом году школьного обучения, начиная со второго класса.

В табл. 1 представлены средние значения и стандартные отклонения школьных оценок по математике (верхняя строка) и русскому языку (нижняя строка) у девочек и мальчиков, обучающихся в школах России и Кыргызстана, на протяжении общего образования. В качестве показателей успешности в школьном обучении представлены оценки учителя начальных классов (2–4-е классы) или учителей русского языка (5–11-е классы) и математики (5–6-е классы) или алгебры / геометрии (7–11-е классы).

Согласно данным табл. 1, средние значения успешности в обучении мальчиков и девочек различаются в пользу девочек. Эти половые различия наблюдаются у школьников, обучающихся и в России, и в Кыргызстане

в период со 2-го по 11-й класс. При этом на некоторых этапах обучения зафиксировано минимальное расхождение средних значений успеваемости: например, среднее значение оценки по математике у российских девочек-второклассниц составляет 4,17, а у мальчиков – 4,16. Но уже в 8-х классах средняя успеваемость девушек и юношей различается заметнее: 4,02 и 3,47 соответственно. Подобные различия характерны и для школьников из Кыргызстана. Статистическая достоверность половых различий и, что важнее, их величина в отношении успеваемости по математике и русскому языку будут определены в ходе дальнейшего анализа данных.

Таблица 1

**Описательные статистики показателей успешности
в школьном обучении**

Год обучения	Школьники из России		Школьники из Кыргызстана	
	Девочки	Мальчики	Девочки	Мальчики
2	4,17 (.62)	4,16 (.59)	4,34 (.61)	3,88 (.71)
	4,10 (.52)	3,97 (.56)	4,49 (.59)	3,99 (.73)
3	4,01 (.72)	3,86 (.68)	4,30 (.69)	4,03 (.73)
	3,91 (.68)	3,69 (.68)	4,30 (.72)	3,93 (.68)
4	4,15 (.67)	3,89 (.71)	4,33 (.61)	4,31 (.62)
	4,04 (.66)	3,65 (.68)	4,38 (.64)	3,98 (.68)
5	4,30 (.66)	4,03 (.59)	4,77 (.74)	4,06 (.73)
	4,14 (.63)	3,80 (.67)	4,27 (.59)	3,83 (.71)
6	3,90 (.78)	3,86 (.74)	4,00 (.62)	3,56 (.63)
	3,85 (.66)	3,81 (.66)	4,01 (.62)	3,57 (.63)
7	3,66 (.55)	3,53 (.81)	3,69 (.70)	3,53 (.68)
	3,84 (.57)	3,64 (.64)	4,03 (.65)	3,69 (.65)
8	4,02 (.76)	3,47 (.68)	3,81 (.60)	3,43 (.63)
	4,08 (.61)	3,46 (.61)	4,07 (.55)	3,54 (.57)
9	4,03 (.59)	3,57 (.68)	4,08 (.58)	3,71 (.61)
	4,03 (.60)	3,33 (.60)	3,92 (.55)	3,48 (.50)
10	3,85 (.74)	3,67 (.69)	3,84 (.69)	3,47 (.55)
	4,24 (.65)	4,17 (.66)	3,90 (.54)	3,60 (.58)
11	3,85 (.66)	3,69 (.68)	4,22 (.54)	3,79 (.62)
	4,30 (.72)	4,19 (.74)	3,51 (.57)	3,05 (.52)

На обеих анализируемых выборках у девочек и мальчиков в период со 2-го по 9-й класс наблюдается тенденция к снижению средних значений оценок и по математике, и по русскому языку. Подобные возрастные особенности школьной успеваемости зафиксированы в целом ряде исследований, в том числе с участием российских обучающихся, и связываются как с объективными причинами (например, возрастающая сложность учебных предметов), так и с субъективными (снижение ценности успешного обучения в школе) (Tikhomirova et al., 2020; Beatty, Berkhout, Bima, Pradhan, Suryadarma, 2021). Далее, в старших классах, при отборе для продолжения обучения в школе, в том числе по критерию успеваемости, у российских старшеклассников по русскому языку оценка в 11-м классе улучшается даже по сравнению со 2-ми классами, а по математике так и продолжает

ухудшаться. Эта тенденция характерна и для девочек, и для мальчиков, обучающихся в России. Для школьников, обучающихся в Кыргызстане, среднее значение оценки по математике и русскому языку на 11-м году обучения оказывается ниже, чем во 2-х классах. Половые различия в тенденции снижения успеваемости кыргызских школьников со 2-го по 11-й класс не наблюдаются.

Такие наблюдаемые у старшеклассников России и Кыргызстана различия в возрастных особенностях успеваемости могут быть связаны со спецификой отбора для обучения в 10–11-х классах в российских и кыргызских школах. Показано, что этот отбор, в том числе и по критерию высокой успеваемости в профильных для школы дисциплинах, является более строгим в российских школах, чем в кыргызских (Тихомирова, Малых, 2017). Так, улучшение успеваемости по русскому языку в 11-м классе может быть связано с повышенной академической мотивацией российских школьников, которые осознанно решили продолжить обучение в старших классах с перспективой последующего поступления в университет. Предметная специфичность динамики школьных оценок в старших классах у российских школьников (рост успеваемости по русскому языку, но не по математике) может быть объяснена профильными приоритетами школы. Таким образом, при анализе возрастных особенностей академической успеваемости в период начальной и средней школы – со 2-го по 9-й год обучения – обнаружено кросскультурное сходство, характеризующееся тенденцией к снижению оценок по математике и русскому языку вне зависимости от пола ученика.

Напротив, возрастные изменения академической успеваемости на полном уровне образования – с 10-го по 11-й класс – подчинены кросскультурным различиям и связаны с изучаемой школьной дисциплиной. Так, только у российских школьников вне зависимости от половой принадлежности наблюдается улучшение успеваемости по русскому языку, но не по математике. При этом школьная успеваемость кыргызских мальчиков и девочек в период обучения в старших классах снижается по всем анализируемым школьным дисциплинам.

Прямое сравнение оценок российских и кыргызских школьников ввиду их высокой субъективности представляется некорректным. Это факт косвенно подтверждается более высокими оценками по русскому языку у школьников из Кыргызстана уже на начальном уровне обучения, когда обычно отмечаются преимущества в академической успешности детей, для которых родной язык совпадает с языком обучения (Ammermueller, 2007). Далее в ходе школьного обучения различия в учительских оценках между школьниками, для которых родной язык совпадает и не совпадает с языком обучения, не определяются (Ammermueller, 2007; Tikhomirova et al., 2019; Verbitskaya et al., 2020).

Успешность в обучении математике. В табл. 2 представлены результаты однофакторного дисперсионного анализа по показателю успешности в математике на выборках российских (верхняя строка) и кыргызских школьников (нижняя строка) в каждый год школьного обучения. Пол уче-

ника рассматривался как категориальный фактор, оценка по математике вводилась в дисперсионный анализ как зависимая переменная. Количество девочек на каждом году школьного обучения в двух анализируемых выборках представлено как процентное отношение к общему количеству учеников в выборке.

Таблица 2

**Результаты анализа эффекта пола на успешность в обучении математике
у российских и кыргызских школьников**

Год обучения	Количество девочек, %	Сумма квадратов, SS	Критерий Фишера, F	Уровень значимости, p	Размер эффекта, η^2
2	50,4	0,006	0,02	0,90	0,00
	56,2	7,852	18,45	0,00	0,11
3	49,3	0,844	1,72	0,19	0,01
	47,0	1,989	3,93	0,06	0,02
4	53,1	1,682	3,57	0,07	0,03
	53,2	0,005	0,02	0,91	0,00
5	36,3	1,660	4,36	0,03	0,04
	46,2	2,470	4,59	0,03	0,04
6	40,8	0,034	0,06	0,81	0,00
	46,6	4,880	12,47	0,001	0,11
7	46,4	0,280	0,83	0,37	0,01
	57,6	0,734	1,54	0,22	0,01
8	40,6	7,313	14,42	0,00	0,13
	56,1	4,506	11,92	0,001	0,09
9	55,9	3,542	8,88	0,01	0,12
	51,7	5,013	14,23	0,00	0,09
10	65,4	0,408	0,77	0,38	0,01
	65,5	4,053	9,73	0,01	0,07
11	50,9	0,337	0,75	0,39	0,01
	69,8	5,004	15,81	0,00	0,11

Согласно табл. 2, в группе школьников из России половые различия в успешности обучения математике наблюдаются на 5-м, 8-м и 9-м годах обучения. Следует отметить, что наибольшие различия между мальчиками и девочками зафиксированы в 8-х классах с размером эффекта в 13% дисперсии показателя математической успешности и в 9-х классах с 12%. Среди российских школьников 5-х классов наблюдаются небольшие половые различия в оценках по математике (4%). При этом девочки лучше, чем мальчики, учатся по математике (см. средние значения в табл. 1).

На выборке кыргызских школьников половые различия проявляются уже во 2-м классе, в 5-м и 6-м классах, а далее – с 8-го по 11-й классы. Так же, как и в российских школах, девочки учатся лучше, чем мальчики (см. средние значения в табл. 1). Согласно результатам анализа, самые большие половые различия зафиксированы на 2-м, 6-м и 11-м годах обучения в школе с размером эффекта в 11% дисперсии показателя. В 5-м классе оценки по математике у мальчиков и девочек различаются в меньшей степени. Так же, как и у российских школьников, размер эффекта составляет лишь 4%.

Следовательно, на обеих анализируемых социокультурных выборках школьников зафиксированы половые различия в успешности обучения математике. При этом наблюдается кросскультурная специфика для периодов проявления половых различий. В частности, у российских школьников половые различия зафиксированы с 5-го по 9-й год обучения, а у кыргызских школьников – фактически на всем протяжении общего образования, со 2-го по 11-й класс. При этом на обеих выборках успешность в обучении математике, зафиксированная на основе учительских оценок, выше у девочек по сравнению с мальчиками.

Полученные результаты не подтверждаются данными исследований о преимуществе мальчиков в естественнонаучных дисциплинах, математике и инженерных науках (Mullola et al., 2011; Stoet, Geary, 2013; Lundberg, 2020). В таких работах, в частности, говорится, что к концу обязательного школьного обучения, в 15-летнем возрасте, мальчики лучше осваивают школьную программу по математике и получают более высокие оценки учителей, чем девочки (см., напр.: (Mullola et al., 2011; Stoet, Geary, 2013)). В то же время полученные результаты соответствуют данным исследований и их метаанализам, где делаются выводы о лучшей школьной успеваемости девочек по всем учебным дисциплинам, в том числе и по математике (Voyer, Voyer, 2014; O'Dea et al., 2018). В этих работах сообщается о более высоких средних значениях оценок по математике, но отмечается меньший диапазон вариативности в оценках по сравнению с мальчиками, что в соответствии с «гипотезой вариативности» в дальнейшем приводит к более заметным карьерным достижениям мужчин в сфере математики и инженерных науках (O'Dea et al., 2018). В нашем исследовании на общей выборке школьников вариативность школьной оценки по математике у мальчиков действительно превышает аналогичный показатель у девочек: в России – 0,74 против 0,69 соответственно, в Кыргызстане – 0,72 против 0,67.

Успешность в обучении русскому языку. В табл. 3 представлены результаты однофакторного дисперсионного анализа по показателю успешности в обучении русскому языку в группах российских (верхняя строка) и кыргызских школьников (нижняя строка). В качестве категориального фактора вводился пол ученика, а в качестве зависимой переменной – оценка по русскому языку.

Согласно табл. 3, в группе российских школьников половые различия в успешности обучения русскому языку выявлены на 4-м, 5-м, 8-м и 9-м годах обучения. Наибольшие различия между девочками и мальчиками наблюдаются в 9-х классах с эффектом влияния пола в 19% и в 8-х классах с 18% объясненной дисперсии показателя успешного обучения русскому языку. Минимальные половые различия зафиксированы на 5-м году обучения в школе и составляют 6%. Вместе с тем на выборке школьников, обучающихся в Кыргызстане, половые различия в пользу девочек проявляются на каждом году общего образования – со 2-го по 11-й класс. Данные свидетельствуют о максимальных половых различиях в 8-м классе (19% дисперсии) и минимальных – в 3-м и 10-м классах (6% дисперсии).

Таблица 3

Результаты анализа эффекта пола на успешность в обучении русскому языку у российских и кыргызских школьников

Год обучения	Сумма квадратов, SS	Критерий Фишера, F	Уровень значимости, p	Размер эффекта, η^2
2	0,542	1,87	0,17	0,01
	9,540	22,34	0,00	0,13
3	1,739	3,83	0,42	0,03
	3,751	7,71	0,01	0,06
4	3,642	8,26	0,01	0,08
	4,319	9,91	0,01	0,09
5	2,683	6,22	0,02	0,06
	5,713	13,75	0,00	0,11
6	0,037	0,09	0,77	0,00
	4,880	11,87	0,01	0,11
7	0,711	1,91	0,17	0,02
	3,206	7,63	0,01	0,08
8	7,770	21,38	0,00	0,18
	8,684	27,61	0,00	0,19
9	8,051	27,05	0,00	0,19
	7,421	26,48	0,00	0,15
10	0,055	0,15	0,70	0,00
	2,501	8,21	0,01	0,06
11	0,049	0,08	0,71	0,00
	5,616	21,85	0,00	0,15

Иными словами, на обеих анализируемых выборках школьников – и российской, и кыргызской – обнаружены половые различия в успешности обучения русскому языку, но при этом различаются периоды проявления половых различий. В частности, у российских школьников половые различия в обучении русскому языку наблюдаются с 4-го по 9-й год обучения, а у кыргызских школьников – на каждом году школьного обучения, со 2-го по 11-й класс. Анализ средних значений оценок по русскому языку показывает преимущество девочек на всех этапах школьного образования вне зависимости от социокультурных условий.

Эти результаты согласуются с большинством исследований, свидетельствующих о преимуществе девочек в школьном обучении языку и навыках, связанных с успешным освоением языков (Logan, Johnston, 2009; Stoet, Geary, 2013; Voyer, Voyer, 2014; Reilly, Neumann, Andrews, 2019; Тихомирова, Табуева, Малых, 2020). Сообщается, в частности, что при анализе данных 3,9 млн респондентов средний балл тестовой оценки по языку у девочек значительно превышал аналогичный показатель мальчиков, а размер эффекта влияния пола существенно увеличивался от 4-го класса по мере дальнейшего обучения (Reilly, Neumann, Andrews, 2019).

Таким образом, кросскультурный анализ половых различий в успешности школьного обучения показал преимущество девочек на всем протяжении общего образования независимо от учебного предмета. Этот результат

фактически не подтверждает данные исследований, в которых подчеркивается значение области научного знания, учебного предмета, академической дисциплины для анализа половых различий в успешности обучения (Mullola et al., 2011; Huang, 2013; Stoet, Geary, 2013; Eble, Hu, 2019; Lundberg, 2020).

Вместе с тем от школьной дисциплины зависит частота проявления половых различий в академической успеваемости на протяжении общего образования: чаще наблюдается превосходство девочек в успешном обучении русскому языку в сравнении с математической успешностью. В частности, на российской выборке в период школьного обучения статистически значимые различия между мальчиками и девочками по русскому языку зафиксированы четырежды (в 4-м, 5-м, 8-м и 9-м классах), а по математике трижды (в 5-м, 8-м и 9-м классах). На кыргызской выборке половые различия по русскому языку проявляются в каждый год школьного обучения (со 2-го по 11-й класс), а по математике – на семи годах из десяти (во 2-м классе и далее с 5-го по 11-й класс). Эти данные соответствуют публикациям, в которых сообщается о возрастной специфике склонности девочек к гуманитарным дисциплинам, а мальчиков – к точным наукам ввиду возрастной динамики самооффективности, веры в свои достижения и ожидания успеха в определенной академической области (см. напр.: (Huang, 2013)).

В то же время полученный в данном исследовании результат о преимуществе девочек в школьном обучении может быть связан не с академической дисциплиной, а с показателем, на основе которого измеряется успешность в обучении. Так, в нашей работе в фокусе внимания оказывается оценка, которая выставляется учителем в конце каждой четверти, полугодия и учебного года. Согласно литературе, степень выраженности, а иногда и наличие половых различий связано со спецификой показателя успешности (Logan, Johnston, 2009; Тихомирова, Табуева, Малых, 2020). Показано, в частности, что девочки опережают мальчиков в математических достижениях, измеренных только школьной оценкой, но не тестовыми заданиями (Тихомирова и др., 2015). Более того, сообщается, что в начальной школе учителя склонны выше оценивать девочек и по чтению, и по математике в силу большей социальной желательности их поведения (Robinson, Lubieniski, 2011; Sansone, 2017).

Данные о преимуществе девочек в школьном обучении были получены в двух социокультурных группах – России и Кыргызстане, различающихся условиями образовательной макросреды. Так, российская система образования признана более эффективной и благоприятной для достижения высоких академических результатов в школьном обучении в сравнении с образованием в Кыргызстане, который принимал участие в Программе международной оценки учебных достижений лишь в 2006 и 2009 гг., занимая последнее место в рейтинге¹. Вместе с тем эти различия условий образовательной макросреды не повлекли за собой кросскультурных изменений при анализе эффектов пола на успешность в школьном обучении, измеренную оценками учителей.

¹ См.: <https://www.oecd.org/pisa/pisaproducts/46619703.pdf>

Возможно, что универсальность результата о преимуществе девочек в школьной успеваемости связана с подбором школ в России и Кыргызстане с уровнем обученности выше среднего в регионе, что, согласно исследованиям, может изменять и даже нивелировать эффекты образовательной макросреды (Reardon et al., 2018; Тихомирова, Малых, 2021). При этом на общей выборке школьников, обучающихся в Кыргызстане, половые различия в академической успеваемости проявляются сильнее, чем у их сверстников, обучающихся в России. Например, по математической успешности российские девочки и мальчики различаются на уровне 3%, а кыргызские школьники – на уровне 5%. Половые различия по русскому языку на общей выборке школьников оказываются более выраженными: у российских школьников – 6%, у кыргызских – 9%. Эти результаты полностью подтверждаются данными о более заметных половых различиях в успешности школьного обучения в менее благоприятных образовательных условиях (Stoet, Geary, 2013; Voyer, Voyer, 2014; Lundberg, 2020).

Вместе с тем кросскультурные различия характерны для периодов проявления половых различий. Так, на начальном уровне общего образования (1–4-е классы) российские мальчики и девочки не различаются в успешности обучения математике, и лишь к концу начального обучения начинают проявляться половые различия в обучении русскому языку. Напротив, у кыргызских школьников уже в начальных классах наблюдаются половые различия в успешности обучения и по математике, и по русскому языку. На основном уровне образования (5–9-е классы), в период полового созревания, половые различия наблюдаются на обеих кросскультурных выборках школьников. В старших классах (10–11-е классы) только кыргызские юноши и девушки различаются по уровню академической успеваемости. При этом размер эффекта влияния пола заметно возрастает по ходу школьного обучения. Например, на российской выборке различия между мальчиками и девочками в успешности обучения математике возрастают с 4% в 5-м классе до 12–13% в 8-м и 9-м классах. Несколько более заметные половые различия в 8-м и 9-м классах наблюдаются и для школьников, обучающихся в Кыргызстане. Подобные возрастные особенности «гендерного разрыва» были обнаружены в результатах школьников по математическим тестовым заданиям: отсутствие или небольшие размеры эффектов в начальной школе и рост по мере «движения» учеников к старшим классам (Fryer, Levitt, 2010; Fahle, Reardon, 2018).

Полученные в настоящей работе результаты полностью соответствуют данным об изменениях в выраженности половых различий в ходе школьного образования, подтверждая в большей мере социокультурную объяснительную категорию (Rodic et al., 2015; Frenken, Papageorgiou, Tikhomirova, Malykh, Tosto, Kovas, 2016; Fahle, Reardon, 2018; Тихомирова, Табуева, Малых, 2020). Так, значение социальных влияний при объяснении половых различий в академической успешности подтверждается увеличением эффекта влияния пола в ходе школьного обучения (Fahle, Reardon, 2018). Кроме того, в исследованиях отмечается «полоспецифичность» важнейших

на определенном этапе школьного возраста предикторов успешности в обучении, в частности ценности учебной деятельности, самооценки способностей и мотивации достижений (Huang, 2013; Тихомирова и др., 2015).

Социально-экономический статус страны, включающий уровень гендерного неравенства, должен, согласно исследованиям, приводить к кросс-культурным различиям в академических достижениях мужчин и женщин в определенных областях научного знания (Nollenberger et al., 2016; O'Dea et al., 2018; Reardon et al., 2018; Eble, Hu, 2019; Lundberg, 2020; Verbitskaya et al., 2020). Вместе с тем в обеих социокультурных выборках нашего исследования с различными показателями социального развития получен универсальный факт преимущества девочек в школьном обучении математике и русскому языку на всем протяжении школьного образования, не подтверждая гипотезу «гендерного разрыва» в некоторых академических областях (Nollenberger et al., 2016).

Следует особо подчеркнуть, что существование половых различий в успешности школьного обучения не противопоставляет мальчиков и девочек: описательные статистики свидетельствуют о высокой степени перекрытия между распределениями успеваемости в группах мальчиков и девочек. Так, при анализе вариативности академической успеваемости показано, что 10% лучших учеников класса включает равное количество и девочек, и мальчиков, обучающихся на «отлично» по математике и естественнонаучным предметам, но при этом наблюдается немногим больше девочек, чем мальчиков, по предметам, не связанным с математикой (O'Dea et al., 2018).

Заключение

В данном исследовании половые различия в академической успеваемости по математике и русскому языку анализируются на каждом году школьного обучения с включением учеников из двух стран – России и Кыргызстана, сходства и различия которых позволили описать универсальные и культурно-специфичные проявления различий между мальчиками и девочками в период общего образования. Исследование выполнено с применением кросс-секционного метода, когда каждая социокультурная выборка включает данные всех школьников, обучающихся в школе со 2-го по 11-й класс, за один учебный год. Впервые показана степень выраженности половых различий по успешности в обучении математике и русскому языку на каждом году школьного образования.

В работе показано, что половые различия в успешности школьного обучения, измеренной оценками учителей, проявляются вне зависимости от особенностей образовательной среды: в среднем девочки получают более высокие оценки учителей, чем мальчики, и по русскому языку, и по математике на всем протяжении школьного обучения. Этот вывод о преимуществе девочек в школьном обучении, основанном на учительских оценках, является универсальной закономерностью в проявлении половых различий на каждом году школьного обучения. Вместе с тем с особенно-

стями образовательной среды связаны возрастные периоды проявления половых различий в школьной успеваемости: в более благоприятных условиях – только в период полового созревания (с 11 до 15 лет), а в менее благоприятных – практически на всем протяжении школьного обучения (с 8 до 19 лет). Эти полученные в исследовании данные отражают кросскультурную специфику проявления половых различий в школьном обучении.

В исследовании анализировались половые различия в академической успеваемости по двум важнейшим школьным предметам – математике (алгебре / геометрии) и русскому языку. Выявлено, что частота проявления половых различий в академической успеваемости на протяжении общего образования зависит от школьной дисциплины: чаще наблюдается преимущество девочек в успешном обучении русскому языку, чем математике. Эта тенденция характерна для обеих социокультурных выборок школьников. Включение в исследование школьников, обучающихся в российской и кыргызской школах, уравненных по рейтинговой позиции в регионе относительно качества обучения, квалификации педагогического коллектива и учебных программ по русскому языку и математике, позволило изучить возрастные особенности академической успешности в различных образовательных условиях макросреды.

Показано, что возрастные особенности школьной успеваемости характеризуются снижением оценок по математике и русскому языку в период начального и основного уровня образования – со 2-го по 9-й год обучения. Подобные возрастные закономерности наблюдаются у девочек и мальчиков, обучающихся и в России, и в Кыргызстане, и являются универсальными. Вместе с тем установлено, что на полном уровне образования возрастные особенности школьной успеваемости подчинены кросскультурным различиям. Так, в финале школьного обучения (11-й класс) среднее значение оценки по русскому языку у российских школьников превышает аналогичный показатель на начальном уровне (2-й класс). При этом, однако, успеваемость по математике имеет тенденцию к ухудшению. У кыргызских школьников средние значения по русскому языку и математике продолжают снижаться и в старших классах. Подобные возрастные особенности могут в том числе «способствовать» изменениям в проявлении половых различий в успешности обучения на протяжении общего образования.

Дальнейшая научная деятельность в этой сфере проблематики может быть связана с проведением исследований и их метаанализа с участием школьников из стран бывшего СССР, где школьное обучение еще ведется на русском языке, системы образования являются идентичными, а социально-экономические условия развития различаются.

Литература

Вербицкая, Л. А., Зинченко, Ю. П., Малых, С. Б., Тихомирова, Т. Н. (2017). Когнитивные основы успешности обучения русскому языку: кросскультурное исследование. *Вопросы психологии*, 1, 26–40.

- Тихомирова, Т. Н., Малых, С. Б. (2017). *Когнитивные основы индивидуальных различий в успешности обучения*. М.; СПб.: Нестор-История.
- Тихомирова, Т. Н., Малых, С. Б. (2021). Когнитивное развитие школьников: эффекты макро- и микросредовых условий образования. *Вопросы психологии*, 67(5), 30–43.
- Тихомирова, Т. Н., Модяев, А. Д., Леонова, Н. М., Малых, С. Б. (2015). Факторы успешности в обучении на начальной ступени общего образования: половые различия. *Психологический журнал*, 36(5), 43–54.
- Тихомирова, Т. Н., Табуева, А. О., Малых, А. С. (2020). Половые различия в структуре взаимосвязей показателей успешности в обучении русскому языку, интеллекта и навыка чтения в младшем школьном возрасте. *Сибирский психологический журнал*, 78, 55–79. doi: 10.17223/17267080/78/4

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе *References* после англоязычного блока.

Поступила в редакцию 15.01.2023 г.; принята 02.02.2023 г.

Тихомирова Татьяна Николаевна – профессор факультета психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова; ведущий научный сотрудник лаборатории возрастной психогенетики Психологического института РАО, член-корреспондент РАО, доктор психологических наук.

E-mail: tikho@mail.ru

Малых Сергей Борисович – заведующий лабораторией факультета психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова; заведующий лабораторией возрастной психогенетики Психологического института РАО, академик РАО, доктор психологических наук.

E-mail: malykhsb@mail.ru

For citation: Tikhomirova, T. N., Malykh, S. B. (2023). Gender Differences in School Achievement on Mathematics and Russian Language: Cross-cultural Study. *Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal – Siberian journal of psychology*, 87, 104–123. In Russian. English Summary. doi: 10.17223/17267080/87/6

Gender Differences in School Achievement on Mathematics and Russian Language: Cross-cultural Study¹

T.N. Tikhomirova^{1, 2}, S.B. Malykh^{1, 2}

¹ Lomonosov Moscow State University, 1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation

² Psychological Institute of Russian Academy of Education, 9, 4, Mokhovaya str., Moscow, 125009, Russian Federation

Abstract

Introduction. The most important factors that shape gender differences in academic achievements are academic disciplines themselves (mathematics or language), measurements of success (grades, standardized assessments or tests), level of school education (primary, secondary or high school), quality of educational conditions and the level socio-economic development of the country, including the gender inequality index.

Goals & objectives. The aim of this study was analyzing cross-cultural gender differences in academic success, as measured by teachers' grades in mathematics and Russian language,

¹ This study was supported by the grant from the Russian Science Foundation № 17-78-30028.

across the school education. The research was carried out on samples of schoolchildren studying in Russia and Kyrgyzstan, two countries in which the organization of the education system is identical, but the quality of education, the level of socio-economic development and the degree of gender inequality differ.

Materials and methods. The study involved 2145 schoolchildren in grades 2–11 from public schools in Russia and Kyrgyzstan. The sample of schoolchildren from a Russian school included 898 pupils aged 7.8 to 19.1 years, of whom 47.9% were girls. The sample of schoolchildren from a Kyrgyz school is 1247 pupils ranged from 7.6 to 18.9 years, of which 56.6% are girls. The study was carried out using a cross-sectional design. Teachers' grades in mathematics and Russian were used as indicators of academic success. The average of the quarterly or semi-annual assessments was calculated. Statistical analysis was carried out using the ANOVA to calculate the size of the effect of gender influence.

Results. It was shown that gender differences in academic success in school manifested themselves regardless of the conditions of the educational environment. It was established as a universal fact that, on average, girls learn better than boys both in Russian language and in mathematics during the whole schooling period. The relationship between manifestation of gender differences in academic performance and the type of academic discipline has been established: the advantage of girls in successful learning of the Russian language is observed more often than in mathematics. This trend is typical for both cultural samples.

Conclusions. It was observed that during the age periods of manifestation of gender differences in academic performance, there is a cross-cultural specificity to it. In more favorable educational conditions this period is during puberty, from 11 to 15 years old, and in less favorable conditions, they are observed during the whole period of schooling.

Keywords: academic achievement; gender differences; cross-cultural study; Math; Language; school education; socioeconomic status; Russian Federation; Kyrgyz Republic

References

- Ammermueller, A. (2007). Poor background or low returns? Why immigrant students in Germany perform so poorly in the programme for international student assessment. *Education Economics*, 15(2), 215–230. doi: 10.1080/09645290701263161
- Beatty, A., Berkhout, E., Bima, L., Pradhan, M., & Suryadarma, D. (2021). Schooling progress, learning reversal: Indonesia's learning profiles between 2000 and 2014. *International Journal of Educational Development*, 85, 102436. doi: 10.1016/j.ijedudev.2021.102436
- Datu, J. A. D., & Buenconsejo, J. U. (2021). Academic engagement and achievement predict career adaptability. *The Career Development Quarterly*, 69(1), 34–48. doi: 10.1002/cdq.12247
- Eble, A., & Hu, F. (2019). How important are beliefs about gender differences in math ability? Transmission across generations and impacts on child outcomes. *CDEP-CGEG Working Paper*, 53. Retrieved from: <http://edworkingpapers.com/ai19-67>
- Else-Quest, N. M., Hyde, J. S., & Linn, M. C. (2010). Cross-national patterns of gender differences in mathematics: a meta-analysis. *Psychological bulletin*, 136(1), 103–127. doi: 10.1037/a0018053
- Fahle, E. M., & Reardon, S. F. (2018). How much do test scores vary among school districts? New estimates using population data, 2009–2015. *Educational Researcher*, 47(4), 221–234. doi: 10.3102/0013189X18759524
- Frenken, H., Papageorgiou, K. A., Tikhomirova, T., Malykh, S., Tosto, M. G., & Kovas, Y. (2016). Siblings' sex is linked to mental rotation performance in males but not females. *Intelligence*, 55, 38–43. doi: 10.1016/j.intell.2016.01.005
- Fryer Jr, R. G., & Levitt, S. D. (2010). An empirical analysis of the gender gap in mathematics. *American Economic Journal: Applied Economics*, 2(2), 210–240. doi: 10.1257/app.2.2.210

- Herbers, J. E., Cutuli, J. J., Supkoff, L. M., Heistad, D., Chan, C. K., Hinz, E., & Masten, A. S. (2012). Early reading skills and academic achievement trajectories of students facing poverty, homelessness, and high residential mobility. *Educational Researcher*, 41(9), 366–374. doi: 10.3102/0013189X12445320
- Huang, C. (2013). Gender differences in academic self-efficacy: A meta-analysis. *European Journal of Psychology of Education*, 28(1), 1–35. doi: 10.1007/s10212-011-0097-y
- Huurre, T., Aro, H., Rahkonen, O., & Komulainen, E. (2006). Health, lifestyle, family and school factors in adolescence: predicting adult educational level. *Educational Research*, 48(1), 41–53. doi: 10.1080/00131880500498438
- Lee, K. (2010). Do early academic achievement and behavior problems predict long-term effects among Head Start children? *Children and Youth Services Review*, 32(12), 1690–1703. doi: 10.1016/j.childyouth.2010.07.012
- Logan, S., & Johnston, R. (2009). Gender differences in reading ability and attitudes: Examining where these differences lie. *Journal of Research in Reading*, 32(2), 199–214. doi: 10.1111/j.1467-9817.2008.01389.x
- Lundberg, S. (2020). Educational gender gaps. *Southern Economic Journal*, 87(2), 416–439. doi: 10.1002/soej.12460
- Mickelson, R. A., & Greene, A. D. (2006). Connecting pieces of the puzzle: Gender differences in Black middle school students' achievement. *The Journal of Negro Education*, 34–48. Retrieved from: <https://www.jstor.org/stable/40026502>
- Mullola, S., Jokela, M., Ravaja, N., Lipsanen, J., Hintsanen, M., Alatupa, S., & Keltikangas-Järvinen, L. (2011). Associations of student temperament and educational competence with academic achievement: The role of teacher age and teacher and student gender. *Teaching and Teacher Education*, 27(5), 942–951. doi: 10.1016/j.tate.2011.03.005
- Neugebauer, M., Helbig, M., & Landmann, A. (2011). Unmasking the myth of the same-sex teacher advantage. *European Sociological Review*, 27(5), 669–689. doi: 10.1093/esr/jcq038
- Nisbett, R. E., Aronson, J., Blair, C., Dickens, W., Flynn, J., Halpern, D. F., & Turkheimer, E. (2012). Intelligence: new findings and theoretical developments. *American Psychologist*, 67(2), 130–159. doi: 10.1037/a0026699
- Nollenberger, N., Rodríguez-Planas, N., & Sevilla, A. (2016). The math gender gap: The role of culture. *American Economic Review*, 106(5), 257–261. doi: 10.1257/aer.p20161121
- O'Dea, R. E., Lagisz, M., Jennions, M. D., & Nakagawa, S. (2018). Gender differences in individual variation in academic grades fail to fit expected patterns for STEM. *Nature Communications*, 9(1), 1–8. doi: 10.1038/s41467-018-06292-0
- Reardon S. F., Kalogrides, D., Fahle, E. M., Podolsky, A., & Zárate, R. C. (2018). The relationship between test item format and gender achievement gaps on math and ELA tests in fourth and eighth grades. *Educational Researcher*, 47(5), 284–294. doi: 10.3102/0013189X18762105
- Reilly, D., Neumann, D. L., & Andrews, G. (2019). Gender differences in reading and writing achievement: Evidence from the National Assessment of Educational Progress (NAEP). *American Psychologist*, 74(4), 445–458. doi: 10.1037/amp0000356
- Robinson, J. P., & Lubienski, S. T. (2011). The development of gender achievement gaps in mathematics and reading during elementary and middle school: Examining direct cognitive assessments and teacher ratings. *American Educational Research Journal*, 48(2), 268–302. doi: 10.3102/0002831210372249
- Rodic, M., Tikhomirova, T., Kolienko, T., Malykh, S., Bogdanova, O., Zueva, D. Y., Gynku, E. I., Wan, S., Zhou, X., & Kovas, Y. (2015). Spatial complexity of character based writing systems and arithmetic in primary school: a longitudinal study. *Frontiers in Psychology*, 6(333). doi: 10.3389/fpsyg.2015.00333
- Sansone, D. (2017). Why does teacher gender matter? *Economics of Education Review*, 61, 9–18. doi: 10.1016/j.econedurev.2017.09.004

- Stoet, G., & Geary, D. C. (2013). Sex differences in mathematics and reading achievement are inversely related: Within-and across-nation assessment of 10 years of PISA data. *PLoS one*, 8(3), e57988. doi: 10.1371/journal.pone.0057988
- Sulaiman, A., & Mohezar, S. (2006). Student success factors: Identifying key predictors. *Journal of Education for Business*, 81(6), 328–333. doi: 10.3200/JOEB.81.6.328-333
- Tikhomirova, T., Kuzmina, Y., Lysenkova, I., & Malykh, S. (2019). Development of approximate number sense across the elementary school years: A cross-cultural longitudinal study. *Developmental science*, 22(4), e12823. doi: 10.1111/desc.12823
- Tikhomirova, T. N., & Malykh, S. B. (2017). *Kognitivnye osnovy individual'nykh razlichiy v uspekhnosti obucheniya* [Cognitive basis of individual differences in learning success]. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
- Tikhomirova, T. N., & Malykh, S. B. (2021). Kognitivnoe razvitiye shkol'nikov: efekty makro- i mikroredovnykh usloviy obrazovaniya [Cognitive development of schoolchildren: Effects of macro- and microenvironmental conditions of education]. *Voprosy psikhologii*, 67(5), 30–43.
- Tikhomirova, T., Malykh, A., & Malykh, S. (2020). Predicting academic achievement with cognitive abilities: Cross-sectional study across school education. *Behavioral Sciences*, 10(10), 158. doi: 10.3390/bs10100158
- Tikhomirova, T. N., Modyaev, A. D., Leonova, N. M., & Malykh, S. B. (2015). Faktory uspekhnosti v obuchenii na nachal'noy stupeni obshchego obrazovaniya: polovye razlichiya [Success factors in learning at the primary level of general education: gender differences]. *Psikhologicheskii zhurnal*, 36(5), 43–54.
- Tikhomirova, T. N., Tabueva, A. O., & Malykh, A. S. (2020). Gender Differences in the Relationship between Success in Learning Russian, Intelligence and Reading Skills at the Primary School Age. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*, 78, 55–79. (In Russian). doi: 10.17223/17267080/78/4
- Verbitskaya, L. A., Zinchenko, Y. P., Malykh, S. B., Gaidamashko, I. V., Kalmyk, O. A., & Tikhomirova, T. N. (2020). Cognitive predictors of success in learning Russian among native speakers of high school age in different educational systems. *Psychology in Russia: State of the Art*, 13(2), 2–15. doi: 10.11621/pir.2020.0201
- Verbitskaya, L. A., Zinchenko, Y. P., Malykh, S. B., & Tikhomirova, T. N. (2017). Kognitivnye osnovy uspekhnosti obucheniya russkomu yazyku: krosskul'turnoe issledovanie [Cognitive Foundations of Russian Language Teaching Success: A Cross-Cultural Study]. *Voprosy psikhologii*, 1, 26–40.
- Voyer, D., & Voyer, S. D. (2014). Gender differences in scholastic achievement: a meta-analysis. *Psychological Bulletin*, 140(4), 1174–1204. doi: 10.1037/a0036620

Received 15.01.2023; Accepted 02.02.2023

Tatiana N. Tikhomirova – Professor of the Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University; Leading Researcher, Psychological Institute of Russian Academy of Education; Corresponding Member of the Russian Academy of Education, D. Sc. (Psychol.). E-mail: tikho@mail.ru

Sergey B. Malykh – Head of the Laboratory of the Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University; Head of Behavior Genetics Laboratory, Psychological Institute of Russian Academy of Education; Academician of the Russian Academy of Education, Professor, D. Sc. (Psychol.). E-mail: malykhsb@mail.ru

МЕДИЦИНСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ РАННЕЙ ДИАГНОСТИКИ ЗЛОКАЧЕСТВЕННЫХ НОВООБРАЗОВАНИЙ НАИБОЛЕЕ ЧАСТЫХ ЛОКАЛИЗАЦИЙ (НА ПРИМЕРЕ РАКА ЛЕГКИХ И РАКА ЖЕЛУДКА)¹

Д.А. Циринг^{1,2}, Е.А. Сергиенко³,
И.В. Пономарева^{1,4}, Я.Н. Пахомова^{1,4}

¹ Томский государственный университет, Россия, 634050, Томск, пр. Ленина, д. 36

² Финансовый университет при Правительстве РФ, Уральский филиал, Россия, 454084, Челябинск, ул. Работниц, д. 58

³ Институт психологии Российской академии наук, Россия, 129366, Москва, ул. Ярославская, д. 13

⁴ Челябинский государственный университет, Россия, 454001, Челябинск, ул. Бр. Кашириных, д. 129

Резюме

Введение. Решение проблемы выживаемости и эффективности лечения больных злокачественными новообразованиями, повышение качества их жизни являются национальной целью и стратегической задачей развития Российской Федерации. Однако из-за пандемии COVID-19, которая наложила ограничения на многие сферы жизни людей, в том числе и на здравоохранение, количество выявлений онкологических заболеваний на поздних стадиях заболевания колоссально возросло. Эта тенденция неизбежно приведет к увеличению числа онкологических больных, а также смертности. **Целью** данного исследования является выявление психологических факторов, связанных с ранним выявлением рака легких и рака желудка. **Материалы и методы.** Методами диагностики психологических предикторов ранней диагностики рака легкого и рака желудка являлись обзорные методы: Шкала Базисных убеждений (R. Janoff-Bulman, адаптация М.А. Падуна, А.В. Котельниковой); методика Уровня субъективного контроля (Е.Ф. Бажин, Е.А. Голынкина, Л.М. Эткинд); Life Orientation Test (M.F. Scheier, C.S. Carver, адаптация Д.А. Циринг, К.Ю. Эвниной); Hardiness Survey (S. Maddi, адаптация Д. Леонтьева). В качестве методов количественной обработки эмпирических данных применены методы описательной статистики, однофакторный дисперсионный анализ, дискриминантный анализ. Дизайн исследования предполагает анализ психологических особенностей больных раком легких (N = 26) и раком желудка (N = 32) на различных стадиях заболевания.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-18-00434; <https://rscf.ru/project/21-18-00434>

Результаты. Согласно полученным данным, ранняя диагностика пациентов с раком желудка зависит от особенностей совладающего поведения, в частности таких стратегий, как принятие ответственности и планирование решения проблемы. Данные копинги являются адаптивными, побуждают пациентов использовать более адаптивные механизмы выживания. В свою очередь, ранняя диагностика пациентов с раком легких зависит от локуса контроля в сфере межличностных отношений (интернальный локус контроля), низкой интенсивности боли и ее влияния на способность заниматься повседневной деятельностью, особенностей совладающего поведения, в частности отсутствия стратегии конфронтации. Результаты исследования психологических предикторов ранней диагностики рака желудка и рака легких выявили специфические психологические предикторы для каждой локализации злокачественных новообразований.

Ключевые слова: онкопсихология; рак легких; рак желудка; ранняя диагностика; психологические предикторы; копинг-стратегии; локус контроля

Введение

Снижение заболеваемости и смертности от онкологических заболеваний – одна из самых важных задач здравоохранения всего мира. Согласно статистической информации Минздрава РФ, в 2020 г. в России была зафиксирована положительная динамика выявления пациентов со злокачественными новообразованиями (на 84 тыс. меньше, чем в 2019 г.)¹. В период пандемии COVID-19 в России снизилась выявляемость онкологических заболеваний, но выросло количество диагнозов, выявленных на поздних стадиях. Исходя из сложившейся ситуации, эксперты прогнозируют на ближайшие два года избыточное количество поздних стадий рака, которые не были выявлены в период пандемии, и, соответственно, снижение эффективности лечения и показателей выживаемости. Это формирует высокую социальную значимость и актуальность поставленной нами цели – определить психологические факторы, связанные с ранней диагностикой рака легких и рака желудка. В данном исследовании мы изучим психологические факторы, способствующие ранней диагностике названных локализаций рака.

Раннее выявление рака значительно увеличивает шансы на успешное лечение. Ранняя диагностика направлена на выявление пациентов с симптомами как можно раньше, что способствует сокращению доли пациентов, у которых диагноз ставится на поздней стадии. Ранняя диагностика требует обеспечения быстрого обращения пациента, постановки диагноза и лечения сразу же после появления первых симптомов. Это относится ко всем видам рака. Программы ранней диагностики направлены на сокращение задержек между выявлением первых симптомов и лечением. Препятствиями для ранней диагностики и лечения рака могут быть: недостаточная осведомленность о симптомах рака, чтобы обращаться к специалистам здравоохранения, финансовые, материально-технические или психосоциальные

¹ Здравоохранение в России. М., 2021. <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Zdravoohran-2021.pdf>

барьеры. Фокусом внимания данного исследования выступают психологические характеристики личности больного, которые опосредуют его поведение, связанное с ранней или поздней диагностикой рака. В качестве таких психологических факторов будут изучены когнитивные особенности (локус контроля, система базисных убеждений, жизненные ориентации, жизнестойкость), системные личностные характеристики (личностная беспомощность–самостоятельность, поведенческие особенности (совладающее поведение), прогностические показатели продолжительности жизни (качество жизни, субъективный возраст). Данный комплекс психологических предикторов позволяет в полной мере отразить адаптационный потенциал личности в преодолении трудной жизненной ситуации, в том числе связанной с угрожающим жизни заболеванием, а также характеризует системный подход к детерминации поведения личности больного, связанного с ранней / поздней диагностикой онкологического заболевания.

Методы

Методами диагностики психологических предикторов ранней диагностики рака легких и рака желудка явились опросные методы: Шкала Базисных убеждений (World Assumptions Scale, R. Janoff-Bulman, адаптация М.А. Падун, А.В. Котельниковой, 2008); методика Уровня субъективного контроля (Е.Ф. Бажин, Е.А. Голынкина, Л.М. Эткинд (Реан, 2001)); Тест жизненной ориентации (Life Orientation Test, M.F. Scheier, C.S Carver, адаптация Д.А. Циринг, К.Ю. Эвниной, 2013), Тест жизнестойкости (Hardiness Survey, S. Maddi, адаптация Д. Леонтьева (Леонтьев, Рассказова, 2006)). В качестве методов количественной обработки эмпирических данных применены методы дескриптивной статистики, однофакторный дисперсионный анализ, дискриминантный анализ.

Таблица 1

Исходные характеристики участников исследования, N = 58

Локализация злокачественного новообразования	Пол	N	Возраст, М	Стадия диагностики рака, чел.	
Рак легких	Мужчины	13	59,9	Ранние (I, II) стадии	2 (15%)
				Поздние (III, IV) стадии	11 (85%)
	Женщины	13	61,9	Ранние (I, II) стадии	4 (30%)
				Поздние (III, IV) стадии	9 (70%)
	Всего	26	60,9	Ранние (I, II) стадии	6 (23%)
				Поздние (III, IV) стадии	20 (77%)
Рак желудка	Мужчины	11	63,0	Ранние (I, II) стадии	5 (45%)
				Поздние (III, IV) стадии	6 (55%)
	Женщины	21	63,9	Ранние (I, II) стадии	7 (33%)
				Поздние (III, IV) стадии	14 (67%)
	Всего	32	63,6	Ранние (I, II) стадии	12 (37,5%)
				Поздние (III, IV) стадии	20 (62,5%)

Дизайн исследования предполагает анализ психологических особенностей больных раком легких и раком желудка на различных стадиях заболевания (N = 58), впервые обратившихся за профессиональной медицинской помощью в ГБУЗ «Челябинский областной клинический центр онкологии и ядерной медицины» (Челябинск, Россия). Более подробное описание выборки респондентов представлено в табл. 1.

Выборка респондентов представлена в следующем соотношении: 24 мужчины (41%) и 34 женщины (59%). Средний возраст респондентов составляет 62,25 лет, в том числе женщин – 62,9 лет, мужчин – 61,45. Анализ выборки респондентов, в частности стадий диагностики рака, свидетельствует о том, что как у мужчин, так и у женщин рак легких и рак желудка чаще диагностируются на поздних стадиях заболевания (III, IV стадии). Полученные данные подтверждают необходимость изучения в том числе психологических факторов своевременной диагностики рака.

Результаты исследования

При исследовании психологических особенностей респондентов на ранних и поздних стадиях заболевания раком мы не обнаружили различий по большинству изученных переменных. В табл. 2 представлен сравнительный анализ психологических характеристик больных раком желудка, обратившихся за онкологическим лечением на различных стадиях заболевания.

Таблица 2

Сравнительный анализ психологических характеристик онкопациентов с раком желудка на различных стадиях заболевания, N = 32

Психологические факторы	Стадии диагностики	N	M	F	p
Доброжелательность окружающего мира	Ранние стадии	12	37,4	5,313	0,028
	Поздние стадии	20	32,4		
Принятие ответственности	Ранние стадии	12	8,4	5,41	0,027
	Поздние стадии	20	6,2		

У пациентов, которым поставлен онкологический диагноз на ранних стадиях заболевания, когнитивное убеждение в доброжелательности окружающего мира достоверно выше (M = 37,4), чем у онкопациентов на поздних стадиях (M = 32,4). Это означает, что больные раком желудка, обратившиеся впервые за онкологическим лечением, оценивают окружающий мир более позитивно, считают, что в мире происходит больше хороших событий, чем плохих, в целом реальность доброжелательна и несчастья в ней редки (Janoff-Bulman, 1987). Напротив, респонденты, обратившиеся за медицинской помощью на поздних стадиях заболевания, в меньшей мере отмечают наличие хороших событий и доброжелательных, заботливых людей вокруг. Возможно, восприятие мира в негативных тонах вызывает сомнения у таких онкобольных в том, что им помогут, и останавливает их, не позволяя своевременно обратиться к врачу. Также онкобольных с диа-

гностированным раком желудка на ранних и поздних стадиях различает использование ими копинг-стратегии принятия ответственности. Данная стратегия совладающего поведения наиболее выражена у больных, обратившихся за специализированной медицинской помощью на ранних стадиях заболевания ($M = 8,4$). Признание пациентом своей роли в возникновении проблемы и ответственности за ее решение, стремление личности к пониманию зависимости между собственными действиями и их последствиями позволяет респондентам при появлении симптомов болезни обратиться в медицинское учреждение как можно раньше. И наоборот, низкие значения указанной копинг-стратегии приводят к отсутствию понимания собственной роли в трудной ситуации, личной ответственности в принятии решений о собственном здоровье.

Анализ различий больных раком легких на ранних и поздних стадиях заболевания также демонстрирует ряд особенностей. Результаты сравнительного анализа представлены в табл. 3.

Таблица 3

**Сравнительный анализ онкопациентов с раком легких
на различных стадиях заболевания, N = 26**

Психологические факторы	Стадии диагностики	N	M	F	p
Рольное функционирование, обусловленное физическим состоянием (RP)	Ранние стадии	6	66,6	5,39	0,029
	Поздние стадии	20	7,89		
Интенсивность боли (BP)	Ранние стадии	6	83,5	5,589	0,027
	Поздние стадии	20	51,42		
Эмоциональная неустойчивость (психодиагностический показатель личностной беспомощности, эмоциональный компонент)	Ранние стадии	6	2,67	6,036	0,023
	Поздние стадии	20	4,29		
Несамостоятельность (психодиагностический показатель личностной беспомощности, волевой компонент)	Ранние стадии	6	2,33	6,155	0,022
	Поздние стадии	20	3,47		
Робость (психодиагностический показатель личностной беспомощности, волевой компонент)	Ранние стадии	6	1,17	5,751	0,026
	Поздние стадии	20	2,7		
Интернальность в области межличностных отношений	Ранние стадии	6	3,33	10,753	0,003
	Поздние стадии	20	-0,21		

Итак, в ходе сравнения психологических предикторов обнаружены различия показателей качества жизни, в частности рольного функционирования, обусловленного физическим состоянием (RP) и интенсивности боли (BP). У онкопациентов, которым диагноз поставлен на ранних стадиях заболевания, показатель рольного функционирования, обусловленного физическим состоянием, значительно выше, чем у онкобольных, диагноз которым поставлен на поздних стадиях. Физическое состояние больных на поздних стадиях болезни значительно ограничивает их повседневную рольную деятельность и, возможно, является сигналом неизбежного обращения за медицинской помощью. Интенсивность боли также значительно ограничивает

активность пациентов на поздних стадиях заболевания. Эмоциональная неустойчивость, несамостоятельность и робость как диагностические показатели личностной беспомощности характерны для больных раком легких, обратившихся за онкологическим лечением на поздних стадиях заболевания. Также сравнительный анализ свидетельствует о различиях уровня субъективного контроля в сфере межличностных отношений: пациентов на поздних стадиях заболевания отличает более экстернальный локус контроля в сфере межличностных отношений, они убеждены в собственной неспособности выстраивать отношения с другими людьми, формировать свой круг общения, считая, что инициатива в этом принадлежит другим.

Такая совокупность психологических особенностей, свойственная больным раком легких, обратившимся за лечением на поздних стадиях заболевания, характеризует последних как пациентов со сниженными показателями качества жизни (ролевое функционирование, обусловленное физическим состоянием, интенсивность боли), склонных к проявлению личностной беспомощности (эмоциональная неустойчивость, несамостоятельность, робость), и экстернальностью в области межличностных отношений.

Обсуждение результатов

Наши результаты исследования психологических предикторов ранней / поздней диагностики рака желудка и рака легких выявили специфические психологические предикторы для каждой локализации злокачественных новообразований. Эти результаты согласуются с предыдущим исследованием больных раком молочной железы, в котором авторы обнаружили совокупность психологических предикативных маркеров, определяющих момент обращения к врачу (ранние или поздние стадии заболевания) женщин с первичным люминальным РМЖ (Tsiring, Evstafeeva, Ponomareva, Sizova, 2019; Циринг, Сергиенко, Пономарева, Пахомова, Миронченко, 2022).

Итак, при проверке предположения о совокупном влиянии психологических предикторов на раннюю диагностику рака желудка был проведен дискриминантный анализ, результаты которого приведены в табл. 4, 5. В качестве метода был использован метод Уилкса, относящийся к пошаговым методам (Наследов, 2012). Зависимой переменной выступили группы респондентов, у которых диагностирован рак желудка на ранних и поздних стадиях, а в качестве независимых – когнитивные особенности, системные личностные характеристики, прогностические показатели продолжительности жизни. Результаты дискриминантного анализа свидетельствуют, что на распределение респондентов на группы с ранней и поздней диагностикой рака желудка достоверно влияют копинг-стратегии: принятие ответственности ($\lambda = 0,782$, $F = 6,140$, $p = 0,021$), планирование решения проблемы ($\lambda = 0,622$, $F = 6,395$, $p = 0,007$).

В табл. 4 приведены значения дискриминантной функции, которая информативна и объясняет 75,4% дисперсии, а также при значении $\lambda = 0,622$ и статистической значимости $p = 0,007$ указывает на то, что набор дис-

криминантных переменных обладает хорошей дискриминативной способностью.

Таблица 4

Основные статистики канонической дискриминантной функции

Функция	Собственное значение	% объясненной дисперсии	Суммарный %	Каноническая корреляция	λ	Хи-квадрат	p
1	0,609	75,4	100	0,615	0,622	9,988	0,007

Таблица 5

Коэффициенты канонической дискриминантной функции

Функция	Принятие ответственности	Планирование решения проблемы
1	1,39	-1,027

Также нами определены коэффициенты канонической дискриминантной функции, которые характеризуют вклад каждой переменной в значение дискриминантной функции с учетом влияния остальных переменных (см. табл. 5). Так, наибольший вклад в значение дискриминантной функции, разделяющей больных по стадиям диагностики рака желудка, вносит принятие ответственности, затем планирование решения проблемы.

Согласно полученным данным, ранняя диагностика пациентов с раком желудка, равно как и своевременное обращение к врачу и благополучный прогноз течения болезни, зависят от особенностей совладающего поведения, в частности таких стратегий, как принятие ответственности и планирование решения проблемы. Данные копинги являются адаптивными, побуждают пациентов использовать более адаптивные механизмы выживания (Nipp et al., 2016). Можно предположить, что принятие ответственности в ситуации обнаружения симптомов рака, признание своей роли в решении проблемы и оптимальное планирование решения проблемы без чрезмерной рациональности, интуитивности и спонтанности в поведении способствуют ранней диагностике болезни, т.е. обращению больного за онкологическим лечением на ранних стадиях злокачественного новообразования. И наоборот, отсутствие понимания собственной роли в трудной ситуации, личной ответственности в принятии решений, в том числе о собственном здоровье, могут влиять на несвоевременное обращение за онкологическим лечением, постановкой диагноза, что впоследствии связано с неблагоприятным прогнозом течения заболевания.

Далее нами определялась совокупность психологических предикторов, определяющих раннюю диагностику рака легких, посредством дискриминантного анализа (метод Уилкса) (Ким, Мьюллер, Клекка, 1989), результаты которого приведены в табл. 6, 7. Зависимой переменной выступили

группы респондентов, у которых диагностирован рак легких на ранних и поздних стадиях, а в качестве независимых – когнитивные особенности, системные личностные характеристики, прогностические показатели продолжительности жизни. Результаты дискриминантного анализа свидетельствуют, что на распределение респондентов на группы с ранней и поздней диагностикой рака легких достоверно влияют такие психологические характеристики, как копинг-стратегия конфронтации ($\lambda = 0,396$, $F = 9,156$, $p = 0,001$), интенсивность боли как показатель качества жизни ($\lambda = 0,528$, $F = 8,496$, $p = 0,002$) и локус контроля в сфере межличностных отношений ($\lambda = 0,692$, $F = 8,907$, $p = 0,007$).

В табл. 6 приведены значения дискриминантной функции, которая информативна и объясняет 100% дисперсии, а также при значении $\lambda = 0,396$ и статистической значимости $p = 0,001$ указывает на то, что набор дискриминантных переменных обладает высокой дискриминативной способностью.

Таблица 6

Основные статистики канонической дискриминантной функции

Функция	Собственное значение	% объясненной дисперсии	Суммарный %	Каноническая корреляция	λ	Хи-квадрат	p
1	1,526	100	100	0,777	0,396	17,143	0,001

Таблица 7

Коэффициенты канонической дискриминантной функции

Функция	Конфронтация	ВР	Им
1	-0,707	0,720	0,894

Коэффициенты канонической дискриминантной функции, которые характеризуют вклад каждой переменной в значение дискриминантной функции с учетом влияния остальных переменных, свидетельствуют, что наибольший вклад в значение дискриминантной функции, разделяющей больных по стадиям диагностики рака легких, вносят локус контроля в сфере межличностных отношений, интенсивность боли и конфронтация (см. табл. 7).

Итак, согласно полученным данным, ранняя диагностика пациентов с раком легких, которая связана с благоприятным прогнозом течения болезни и эффективностью лечения, зависит от локуса контроля в сфере межличностных отношений, интенсивности боли и ее влияния на способность заниматься повседневной деятельностью, совладающего поведения, в частности стратегии конфронтации.

Многочисленными исследованиями показано, что для людей с интернальным локусом контроля характерны высокая когнитивная активность, эффективное преодоление стрессов, высокий уровень социальной адапта-

ции. Чем более тревожным или подавленным является человек, тем более внешний locus контроля может наблюдаться у него, и внешний locus контроля связан с большей уязвимостью к соматическим заболеваниям. Также в исследованиях отмечено, что пациенты с онкологическими заболеваниями могут быть убеждены в том, что за их здоровье несут ответственность другие (экстернальный locus контроля), причем чем дольше сохраняется заболевание у онкологических больных, тем слабее их внутренняя мотивация на достижение хороших результатов лечения (Gibek, Sacha, 2019).

Результаты настоящего исследования показали, что внешний (экстернальный) locus контроля в области межличностных отношений влияет на своевременность обращения за онкологическим лечением. Экстернальный locus контроля в области межличностных отношений, выражающийся в поведении неспособностью активно формировать свой круг общения, характеризующийся убеждением в том, что отношения – это результат действия других людей, не позволяют такому пациенту самостоятельно выстраивать коммуникации со значимыми людьми, обращаться своевременно за помощью как к своему ближайшему окружению, так и к профессионалам. Полученные данные согласуются с исследованием связи локуса контроля и поведения по раннему выявлению рака шейки матки: чем выше у женщины внутренний locus контроля, тем лучше поведение раннего выявления рака шейки матки, и наоборот – внешний locus контроля связан с поздним выявлением рака (Muhith, Winarti, Perdana, Haryuni, Rahayu, Mallongi, 2020).

Интенсивность боли, которую испытывает онкобольной с раком легких, значительно ограничивает его активность и влияет на способность выполнять повседневную деятельность, решать текущие задачи. Рак легких является одним из наиболее распространенных видов рака, вызывающих боль (Potter, Higginson, 2004). Боль при раке не только влияет на качество жизни, но, как показали недавние исследования, боль является важным предиктором выживания и сама по себе считается патогеном, который может способствовать прогрессированию метастатического заболевания (Zaza, Baine, 2002). Зарубежные исследования обнаруживают значительную связь между хронической болью при раке и психологическим дистрессом (Bukberg, Penman, Holland, 1984), включая расстройство настроения, депрессию, психологическое неблагополучие, депрессивные чувства, страх, тревогу и беспокойство (Strang, 1992). Также, учитывая крайне экстернальный locus контроля в сфере межличностных отношений, можно предположить, что пациенты, испытывающие хроническую боль, неспособны обратиться к близкому окружению за помощью, так как убеждены в своей непричастности к этим отношениям.

Оценка копинг-стратегий, наиболее часто используемых больными злокачественными новообразованиями, в частности раком легких, и изучение связи между стратегиями совладания и благополучием исхода болезни особенно важны, поскольку пациентов с недавно диагностированным раком на поздних стадиях болезни часто просят принимать быстрые и трудные

решения относительно их жизни и лечения рака. Использование определенных стратегий преодоления способно повлиять на восприятие пациентами своей болезни и их решения относительно лечения, что может оказать долгосрочное влияние на их курс лечения и в конечном итоге на исход болезни (Phelps et al., 2009; Maciejewski et al., 2012). Пациенты с диагностированным злокачественным новообразованием на поздних стадиях чаще используют конфронтацию как стратегию совладающего поведения. Такой стиль совладания проявляется в агрессивных усилиях субъекта по изменению ситуации, предполагает определенную степень враждебности и готовности к риску. Конфронтация является неадаптивной и дисфункциональной стратегией совладающего поведения, которая не способствует продуктивному совладанию и, как следствие, своевременному обращению за медицинской помощью.

Заключение

Решение проблемы выживаемости и эффективности лечения больных злокачественными новообразованиями, повышения их качества жизни является национальной целью и стратегической задачей развития Российской Федерации. В соответствии с Указом Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» одной из задач является разработка и реализация программ борьбы с онкологическими заболеваниями. Данная задача занимает значимое место в сложившейся ситуации неуклонно увеличивающегося числа онкологических больных в России. Однако в связи с пандемией COVID-19, наложившей ограничения на многие сферы жизни людей, в том числе и сферу здравоохранения, возросло число выявлений онкологических заболеваний на поздних стадиях болезни (режим изоляции, локдауны не позволяли гражданам обращаться за медицинскими консультациями и проходить профилактические осмотры). Такая тенденция неизбежно приведет к росту числа онкобольных, а также летальных исходов.

Наша работа посвящена психологическим факторам ранней диагностики при первичном обращении к врачу больных злокачественными новообразованиями наиболее частых локализаций на примере онкобольных раком легких и раком желудка. Получены данные, свидетельствующие о том, что принятие ответственности в ситуации обнаружения симптомов рака, признание своей роли в решении проблемы и оптимальное планирование решения проблемы влияет на поведение, связанное с ранней диагностикой рака желудка. Интернальный локус контроля в сфере межличностных отношений, низкая интенсивность боли и отсутствие конфронтационного стиля совладания обуславливают поведение, связанное с ранней диагностикой рака легких.

Таким образом, нами определены личностные детерминанты, которые наряду с клинической практикой могут быть использованы в профилактической работе с онкобольными. Более полное представление психологиче-

ских факторов ранней диагностики рака может быть полезным для понимания того, как психологические особенности личности могут повлиять на своевременность обращения пациентов за онкологическим лечением, предоставления психологических и поддерживающих услуг онкологическим больным на различных стадиях заболевания, а также выявления пациентов группы риска, склонных к позднему обращению за онкологическим лечением. Кроме того, благодаря пониманию особенностей организации психики больных с конкретной локализацией вскоре после постановки диагноза рака клиницисты могут быть готовы лучше поддерживать своих пациентов в течение процесса лечения и последующего наблюдения.

Литература

- Ким, Дж. О., Мьюллер, Ч. У., Клекка, У. Р. (1989). Факторный дискриминантный и кластерный анализ / пер. с англ. А. М. Хотинского, С. Б. Королева; род ред. И. С. Енюкова. М.: Финансы и статистика, 215 с.
- Леонтьев, Д. А., Рассказова, Е. И. (2006). Тест жизнестойкости. М.: Смысл, 63 с.
- Наследов, А. Д. (2012). Математические методы психологического исследования: анализ и интерпретация данных. СПб.: Речь, 389 с.
- Падун, М. А., Котельникова, А. В. (2008). Модификация методики исследования базисных убеждений личности Р. Янофф-Бульман. *Психологический журнал*, 29 (4), 98–106.
- Реан, А. А. (2001). Практическая психодиагностика личности. СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т. 221 с.
- Циринг, Д. А., Сергиенко, Е. А., Пономарева, И. В., Пахомова, Я. Н., Миронченко, М. Н. (2022). Психологические предикторы раннего обращения к врачу женщин с первичным люминальным раком молочной железы. *Сибирский психологический журнал*, 84. 126–142. doi: 10.17223/17267080/84/7
- Циринг, Д. А., Эвина, К. Ю. (2013). Вопросы диагностики оптимизма и пессимизма в контексте теории диспозиционного оптимизма. *Психологические исследования*, 6(31), 6. doi: 10.54359/ps.v6i31.674

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе References после англоязычного блока.

*Поступила в редакцию 19.10.2022 г.; повторно 13.11.2022 г.;
принята 25.01.2023 г.*

Циринг Диана Александровна – главный научный сотрудник лаборатории психофизиологии Томского государственного университета; директор Уральского филиала Финансового университета при Правительстве РФ, доктор психологических наук, профессор. E-mail: l-di@yandex.ru

Сергиенко Елена Алексеевна – главный научный сотрудник лаборатории психологии развития субъекта в нормальных и посттравматических состояниях Института психологии РАН, доктор психологических наук, профессор. E-mail: elenas13@mail.ru

Пономарева Ирина Владимировна – старший научный сотрудник лаборатории психофизиологии Томского государственного университета; заведующая кафедрой психологии Челябинского государственного университета, кандидат психологических наук, доцент. E-mail: ivp-csu@yandex.ru

Пахомова Яна Николаевна – научный сотрудник лаборатории психофизиологии Томского государственного университета; доцент кафедры психологии Челябинского государственного университета, кандидат психологических наук. E-mail: sizova159@yandex.ru

For citation: Tsiring, D. A., Sergeenko, E. A., Ponomareva, I. V., Pakhomova, Y. N. (2023). Psychological Factors of Early Diagnosis of Malignant Neoplasms of the Most Common Localizations (On the Example of Lung Cancer and Stomach Cancer). *Sibirskiy Psikhologicheskiy Zhurnal – Siberian journal of psychology*, 87, 124–137. In Russian. English Summary. doi: 10.17223/17267080/87/7

Psychological Factors of Early Diagnosis of Malignant Neoplasms of the Most Common Localizations (On the Example of Lung Cancer and Stomach Cancer)¹

D.A. Tsiring^{1,2}, E.A. Sergeenko³, I.V. Ponomareva^{1,4}, Y.N. Pakhomova^{1,4}

¹ Tomsk State University, 36 Lenin Ave., Tomsk, 634050, Russia

² Financial University under the Government of the Russian Federation, Ural Branch, 58 Rabotnits Str., Chelyabinsk, 454084, Russian Federation

³ Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences, 13 build. 1, Yaroslavskaya Str., Moscow, 129366, Russian Federation

⁴ Chelyabinsk State University, 129 Bratiev Kashirinykh Str., Chelyabinsk, 454001, Russian Federation

Abstract

Introduction. Solving the problem of survival and effectiveness of treatment of patients with malignant neoplasms, improving their quality of life is a national goal and a strategic task for the development of the Russian Federation. However, due to the COVID-19 pandemic, which has imposed restrictions on many areas of people's lives, including healthcare, the number of cancer detections in the late stages of the disease has increased tremendously. This trend will inevitably lead to an increase in the number of cancer patients, as well as mortality.

The aim of this study is to identify psychological factors associated with early detection of lung cancer and gastric cancer.

Materials and methods. Methods for diagnosing psychological predictors of early diagnosis of lung cancer and stomach cancer were survey methods: the scale of world assumptions, Janoff-Bulman R., adaptation of M. A. Padun, A. V. Kotelnikova; methodology of the Level of subjective control (E. F. Bazhin, E. A. Golyunkina, L. M. Etkind); Life Orientation Test, Scheier M. F., Carver C. S, adapted by Tsiring D. A., Evnina K. Yu.), Hardiness Survey, S. Maddi, adapted by D. Leontiev). As methods for quantitative processing of empirical data: methods of descriptive statistics, one-way analysis of variance, discriminant analysis. The design of the study involves the analysis of the psychological characteristics of patients with lung cancer (N=26) and stomach cancer (N=32) at various stages of the disease.

Results. According to the data obtained, early diagnosis of patients with gastric cancer depends on coping behavior, in particular strategies such as taking responsibility and planning to solve the problem. These coping behaviors are adaptive, encouraging patients to use more adaptive coping mechanisms. Also, according to the data obtained, early diagnosis of patients with lung cancer depends on the locus of control in the field of interpersonal relationships (internal locus of control), low pain intensity and its impact on the ability to engage in daily activities, features of coping behavior, in particular, the lack of a confrontation strategy.

Conclusion. The results of the study of psychological predictors of early diagnosis of gastric cancer and lung cancer revealed specific psychological predictors for each localization of malignant neoplasms. A more complete understanding of the psychological factors of early cancer diagnosis may be useful for understanding how psychological personality traits can affect the timeliness of patients seeking cancer treatment, the provision of psychological and

¹ The research was funded by the Russian Science Foundation grant (project No. № 21-18-00434).

supportive services to cancer patients at various stages of the disease, and the identification of patients at risk who are prone to late cancer. seeking oncological treatment.

Keywords: oncopychology; lung cancer; stomach cancer; early diagnosis; psychological predictors of early diagnosis

References

- Bukberg, J., Penman, D., & Holland, J. C. (1984). Depression in hospitalized cancer patients. *Psychosomatic medicine*, 46(3), 199–212. doi: 10.1097/00006842-198405000-00002
- Gibek, K., & Sacha, T. (2019). Comparison of health locus of control in oncological and non-oncological patients. *Contemporary Oncology*, 23(2), 115–120. doi: 10.5114/wo.2019.856
- Janoff-Bulman, R. (1987). Assumptive worlds and the stress of traumatic events: Applications of the scheme construct. *Social Cognition*, 7, 113–136. doi: 10.1521/soco.1989.7.2.113
- Kim, J. O., Muller, C. W., & Klekka, W. R. (1989). *Faktornyy diskriminantnyy i klasternyy analiz* [Factorial discriminant and cluster analysis]. (A. M. Khotinsky, S. B. Korolev, Trans.). Moscow: Finansy i statistika.
- Leontiev, D. A., & Rasskazova, E. I. (2006). *Test zhiznestoykosti* [The Vitality Test]. Moscow: Smysl.
- Maciejewski, P. K., Phelps, A. C., Kacel E. L., Balboni, T. A., Balboni, V., Wright, A. A., ... Prigerson, H. G. (2012). Religious coping and behavioral disengagement: opposing influences on advance care planning and receipt of intensive care near death. *Psychooncology*, 21, 714–723.
- Muhith, A., Winarti, E., Perdana, S. I., Haryuni, S., Rahayu, K. I. N., & Mallongi, A. (2020). Internal Locus of Control as a Driving Factor of Early Detaction Behavior of Servical Cancer by Inspection Visual of Acetic Acid Method. *Open Access Macedonian Journal of Medical Sciences*, 8(E), 113–116. Retrieved from: <https://oamjms.eu/index.php/mjms/article/view/4341>
- Nasledov, A. D. (2012). *Matematicheskie metody psikhologicheskogo issledovaniya: analiz i interpretatsiya dannykh* [Mathematical methods of psychological research: An analysis and interpretation of data]. St. Petersburg: Rech'.
- Nipp, R. D., El-Jawahri, A., Fishbein, J. N., Eusebio, J., Stagl, J. M., Gallagher, E. R., ... & Temel, J. S. (2016). The relationship between coping strategies, quality of life, and mood in patients with incurable cancer. *Cancer*, 122(13), 2110–2116. doi: 10.1002/cnrc.30025
- Padun, M. A., & Kotelnikova, A. V. (2008). Modifikatsiya metodiki issledovaniya bazisnykh ubezhdeniy lichnosti R. Yanoff-Bul'man [Modification of the methodology for studying the basic beliefs of a person R. Yanoff-Bulman]. *Psikhologicheskii zhurnal*, 29(4), 98–106.
- Phelps, A. C., Maciejewski, P. K., Nilsson, M., Balboni, T. A., Wright, A. A., Paulk, M. E. ... Prigerson, H. G. (2009). Religious coping and use of intensive life-prolonging care near death in patients with advanced cancer. *JAMA*, 301(11), 1140–1147.
- Potter, J., & Higginson, I. J. (2004). Pain experienced by lung cancer patients: a review of prevalence, causes and pathophysiology. *Lung Cancer*, 43(3), 247–257. doi: 10.1016/j.lungcan.2003.08.030
- Rean, A. A. (2001). *Prakticheskaya psikhodiagnostika lichnosti* [Practical psychodiagnostics of personality]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
- Strang, P. (1992). Emotional and social aspects of cancer pain. *Acta Oncol*, 31, 323–326.
- Tsiring, D. A., & Evnina, K. Yu. (2013). Voprosy diagnostiki optimizma i pessimizma v kontekste teorii dispozitsionnogo optimizma [Questions of diagnosing optimism and pessimism in the context of the theory of dispositional optimism]. *Psikhologicheskie issledovaniya*, 6(31), 6. doi: 10.54359/ps.v6i31.674
- Tsiring, D. A., Evstafeeva, E. A., Ponomareva, I. V., & Sizova, Y. N. (2019). Subject and personal particularities of women having various stages of breast cancer. *Electronic Journal of General Medicine*, 16(6). doi: 10.29333/ejgm/112266

- Tsiring, D. A., Sergienko, E. A., Ponomareva, I. V., Pakhomova, Ya. N., & Mironchenko, M. N. (2022). Psychological Predictors of Early Access for a Doctor among Women with Primary Luminal Breast Cancer. *Sibirskiy psikhologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Psychology*, 84. 126–142. (In Russian). doi: 10.17223/17267080/84/7
- Zaza, C., & Baine, N. (2002). Cancer pain and psychosocial factors: a critical review of the literature. *Journal of pain and symptom management*, 24(5), 526–542. doi: 10.1016/s0885-3924(02)00497-9

Received 19.10.2022; Revised 13.11.2022;

Accepted 25.01.2023

Diana A. Tsiring – Chief Researcher, Laboratory of Psychophysiology, Tomsk State University; Director of the Ural Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation. D.Sc. (Psychol.), Professor.

E-mail: l-di@yandex.ru

Elena A. Sergeenko – Chief Researcher, Laboratory of Psychology of the Development of the Subject in Normal and Post-Traumatic States of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. D. Sc. (Psychol.), Professor.

E-mail: elenas13@mail.ru

Irina V. Ponomareva – Senior Researcher, Laboratory of Psychophysiology, Tomsk State University, Head of the Department of Psychology, Chelyabinsk State University. Cand. Sc. (Psychol.), Associate Professor.

E-mail: ivp-csu@yandex.ru

Yana N. Pakhomova – Researcher, Laboratory of Psychophysiology, Tomsk State University, Associate Professor of the Department of Psychology, Chelyabinsk State University. Cand. Sc. (Psychol.).

E-mail: sizova159@yandex.ru

УДК 159.9.072

КОГНИТИВНЫЕ ФУНКЦИИ И ИХ НАРУШЕНИЯ ПРИ АЛКОГОЛЬНОЙ ЗАВИСИМОСТИ: ОБЗОР АКТУАЛЬНЫХ КОНЦЕПЦИЙ, ГИПОТЕЗ И МЕТОДОВ ИССЛЕДОВАНИЯ¹

А.Г. Пешковская¹, С.А. Галкин¹, Н.А. Бохан¹

¹ Научно-исследовательский институт психического здоровья, Томский национальный исследовательский медицинский центр Российской академии наук, Россия, 634014, Томск, ул. Алеутская, д. 4

Резюме

Высокая актуальность проблемы алкогольной зависимости, а также влияние современных нейрopsихологических и нейровизуализационных исследований на развитие представлений о психическом здоровье способствуют активному развитию когнитивных исследований в области аддиктологии. Потенциал методов когнитивных и нейронаук в изучении этиологии, патогенеза и эффективности терапии психических расстройств весьма высок, что объясняет значительный рост публикаций за последние годы в данном направлении за рубежом. Отмечая возрастающий интерес к данной тематике и наших российских коллег, мы представляем обзор результатов мировых междисциплинарных исследований в сфере когнитивных наук и аддиктологии. Статьи, цитируемые в данном тексте, были отобраны из Web of Science Citation Indexing Database (Thomson Reuters). Поиск проводился с использованием 10 ключевых слов / словосочетаний, таких как cognition, alcohol use disorder, executive functions, neurocognitive deficit, inhibition, cognitive flexibility, EEG, event-related potential, ERP, когнитивный дефицит. Приоритет был отдан статьям, опубликованным за последние пять лет в журналах с высоким двухлетним и пятилетним импакт-фактором (верхние 50% рейтинга в категории журнала), а также статьям с высоким числом цитирований. Количество цитирований определялось с использованием базы данных Elsevier Scopus. Рассмотрены современные гипотезы о связи аддиктивных расстройств с ослабленными когнитивными функциями (управляющие функции, когнитивный контроль, когнитивная гибкость, принятие решений, связанных с вознаграждением, рабочая память), обеспечивающими саморегуляцию поведения, а также результаты исследований, указывающие на этиологическое значение недостаточности когнитивных функций в формировании алкогольной зависимости. Представлены новые данные о нейрофизиологических особенностях алкоголизма. Обзорное исследование ориентировано на широкий круг специалистов в области клинической и когнитивной психологии, нейрофизиологии, психиатрии и наркологии.

Ключевые слова: исполнительные функции; память; принятие решений; когнитивная гибкость; алкогольная зависимость; нейромаркеры; электроэнцефалография; вызванные потенциалы

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 22-75-00023; <https://rscf.ru/project/22-75-00023/>

Введение

Алкогольная зависимость является распространенным расстройством, связанным со значительным ухудшением социального функционирования, снижением качества жизни и адаптационных возможностей пациентов (Бохан, Мандель, Пешковская, Бадыргы, Асланбекова, 2013; Морогин, Костина, 2013; Воеводин, Пешковская, Галкин, Белокрылов, 2020; Peshkovskaya, 2021). Изменения когнитивных функций при алкоголизме обнаруживаются уже на первой стадии заболевания – у больных наблюдаются ослабление памяти, недостаточность внимания и его динамических характеристик (Галкин и др., 2019; Галкин, Пешковская, Рощина, Кисель, Иванова, Бохан, 2020; Whelan, 2014). Дефицитарность когнитивного функционирования выступает характерным проявлением церебральных изменений при алкоголизме и может быть связана с риском прекращения ремиссии, срыв которой наблюдается у 60% больных алкоголизмом в течение первых шести месяцев после лечения (Сиволап, Дамулин, Савченков, Янушкевич, Иванов, Менделевич 2007).

Современные исследования на стыке психиатрии и когнитивных наук связывают неспособность воздерживаться от употребления алкоголя в течение хотя бы короткого времени, а также поддерживать продолжительную ремиссию с ослабленными когнитивными функциями, обеспечивающими регуляцию поведения (способность удерживать внимание при воздействии посторонних стимулов (distractor interference), сдерживать реакции (response inhibition), а также принимать решения, связанные с немедленным вознаграждением (reward based decision-making), что в сочетании с высокой импульсивностью поведения в отношении алкогольных стимулов и сложностями в регуляции аффекта соответствует представлениям о механизмах аддиктивного поведения (Галкин и др., 2019)). Учитывая высокую актуальность проблемы алкоголизма и влияние нейрopsихологических и нейровизуализационных исследований на современные представления о психической патологии, стоит отметить, что потенциал методов когнитивных и нейронаук в исследовании этиологии, патогенеза и эффективности терапии алкогольной зависимости весьма высок. Подтверждением этому является значительный рост публикаций за последние пять лет в этой области научного знания (по данным ScienceDirect, Elsevier B.V.).

Цель данной работы – объединить и описать результаты мировых междисциплинарных исследований последних лет в сфере когнитивных наук и аддиктологии (в частности, когнитивной психологии и нейрофизиологии алкоголизма), а также рассмотреть современные гипотезы о связи аддиктивных расстройств с ослабленными когнитивными функциями, обеспечивающими саморегуляцию поведения, и их нейрофизиологические корреляты.

Метод

Статьи, цитируемые в данном тексте, были отобраны из Web of Science Citation Indexing Database (Thomson Reuters). Поиск проводился с исполь-

зованием 10 ключевых слов, таких как cognition, alcohol use disorder, executive functions, neurocognitive deficit, inhibition, cognitive flexibility, EEG, event-related potential, ERP, когнитивный дефицит. Приоритет был отдан статьям, опубликованным за последние пять лет в журналах с высоким двух-летним и пятилетним импакт-фактором (верхние 50% рейтинга в категории журнала), а также статьям с высоким числом цитирований. Количество цитирований определялось с использованием базы данных Elsevier Scopus.

Управляющие функции в структуре алкогольной зависимости

Управляющие функции (исполнительные функции, executive functions) – многомерные когнитивные процессы контроля, которые обеспечиваются префронтальной областью коры головного мозга и участвуют в организации и регуляции поведения, в частности реализуют процессы анализа, планирования, постановку целей, принятие решений, гибкость и торможение поведения, рабочее внимание и память (Snyder, Miyake, Hankin, 2015). Современные нейровизуализационные и нейрофизиологические исследования подтвердили вклад лобных областей головного мозга в реализацию когнитивного контроля, маркеры которого зафиксированы в префронтальной коре (Buschman, Miller, 2007; Benchenane, Tiesinga, Battaglia, 2011). Значительное число исследований посвящено нейрофизиологическим характеристикам управляющего когнитивного функционирования и его дефицитарности как среди здоровых испытуемых, так и среди лиц с неврологическими и психиатрическими расстройствами, включая алкоголизм (Галкин и др., 2019, Oscar-Berman, Marinković, 2007; Bernardin, Maheut-Bosser, Paille, 2014). Вместе с тем, несмотря на активное развитие этого направления за рубежом, отечественные исследования до сих пор крайне немногочисленны (Сиволап и др., 2007; Северьянова, Зайцева, 2018; Trusova, Klimanova, Bezina, Gvozdetkiy, 2018).

По мере становления болезни дефицит управляющих функций оказывает влияние на способность к адаптации к социальной среде, проявляясь в нарушениях планирования и регуляции поведения, неспособности отказаться от немедленного вознаграждения (употребления алкоголя), сложностях в концентрации в течение длительного периода времени, недостаточной способности чувствовать, понимать и регулировать эмоции (Trusova et al., 2018).

Нейропсихологические и нейрофизиологические проявления недостаточности управляющих функций зарегистрированы в группах с высоким риском развития алкогольной или наркотической зависимости: дети больных алкоголизмом и наркоманией, лица с антисоциальными расстройствами личности (Solis, Shadur, Burns, Hussong, 2012; Helle, Watts, Trull, Sher, 2019). У лиц с положительной семейной историей алкоголизма дефицит управляющих функций прогнозировал потребление алкоголя (Solis et al., 2012). Также нарушения управляющих функций, в частности планирования и когнитивной гибкости, могут представлять собой фактор риска рас-

стройств пищевого поведения и пищевой аддикции (Rosas-Vargas, 2010; Siep, Jansen, Havermans, Roefs, 2010).

Ряд авторов выдвигают гипотезу об этиологическом значении недостаточности управляющих функций в формировании аддиктивного поведения и развитии зависимости (Grant, Potenza, Weinstein, Gorelick, 2010; Köpetz, Lejuez, Wiers, Kruglanski, 2013). В пользу данной гипотезы свидетельствуют данные о роли преморбидной недостаточности управляющих функций, проявляющейся персеверациями в нейропсихологических тестах WCST (Висконсинский Тест Сортировки Карточек, Wisconsin Card Sorting Test) и DAT (Тест «Отсроченное Изменение», Delayed Alternation Test), как фактора, усугубляющего тяжесть зависимости от психоактивных веществ (Полунина, Давыдов, Брюн, 2004; Kopp, Steinke, Bertram, Skripuletz, Lange, 2019).

Когнитивный контроль и когнитивная гибкость

Когнитивный контроль в ряду управляющих функций представляет собой важный когнитивный процесс, который позволяет быстро адаптировать поведение в соответствии с изменениями среды путем перманентного перераспределения когнитивных ресурсов. Этот тонко настроенный механизм нарушается при целом спектре психических расстройств, таких как синдром дефицита внимания и гиперактивности (Carr, Henderson, Nigg, 2010), депрессия (Murphy, Rubinshtein, Michael, 2001; Nolen-Hoeksema, 2013; Cai et al., 2023), шизофрения (Корнетов и др., 2019; Thoma, Wiebel, Daum, 2007), антисоциальное расстройство личности и расстройства, связанные со злоупотреблением психоактивными веществами (Евсеев, Пешковская, Бохан, Мандель, 2021; Easton, Sacco, Neavins, Wupperman, George, 2008; Zeier, Baskin-Sommers, Hiatt Racer, Newman, 2012; Wilcox, Dekonenko, Mayer, Bogenschutz, Turner, 2014). В частности, одна из специфических функций когнитивного контроля – сдерживание нежелательных действий (inhibition) – является важным компонентом саморегуляции поведения. Недостаточность сдерживания (подавления) реакции проявляется в форме импульсивного поведения и выступает наиболее характерным нарушением при алкогольной зависимости, а также способствует формированию когнитивного дефицита (Easton et al., 2008; Wilcox et al., 2014). Вместе с тем низкие показатели когнитивного контроля, которые обычно наблюдаются при алкогольной зависимости, могут отсутствовать при злоупотреблении алкоголем, еще не соответствующим критериям медицинского диагноза (Bensmann, Kayali, Beste, Stock, 2019).

Тем не менее при сформированной алкогольной зависимости данные о специфике нарушений когнитивного контроля свидетельствуют о взаимосвязи его недостаточности с выраженностью алкогольного крэвинга (Breese, Sinha, Heilig, 2011; Haass-Koffler, Leggio, Kenna, 2014) и длительностью злоупотребления алкоголем при отсутствии положительного влияния длительного воздержания (McCaul, Hutton, Stephens, Xu, Wand 2017).

Низкие показатели когнитивного контроля также обнаруживают связь с эмоциональными нарушениями, признаками депрессии и генерализованной тревожностью при алкогольной зависимости (Пешковская, 2018; McCaul et al., 2017). Цитируя Е.М. Rodberg и соавт. (2019), когнитивный контроль «является ключом к регулированию потребления алкоголя и предотвращению рецидивов».

Когнитивная гибкость (гибкий познавательный контроль) – одна из когнитивных функций, которая реализует переключение когнитивных ресурсов с одной единицы познания на другую (Bissonette, Powell, Roesch, 2013). В той или иной мере синонимичными терминами являются: познавательная гибкость, умственная гибкость, смена психологической установки, когнитивное переключение, переключение задач, переключение внимания. Когнитивная гибкость зависит от функций мозга высокого порядка, таких как сенсорное восприятие, торможение реакции и ассоциативное обучение.

Показано, что систематическое употребление алкоголя приводит к снижению когнитивной гибкости (Zink, Zhang, Chmielewski, Beste, Stock, 2019). Алкогольная интоксикация, а также употребление высоких доз алкоголя в анамнезе проявляется в задержке переключаемости внимания (Isabel, 2011), большом количестве ошибок и более длительном времени выполнения тестов на когнитивную гибкость (Hallgren, McCrady, 2018). Тем не менее, несмотря на восстановление функционирования когнитивной гибкости после однократной интоксикации большими дозами этанола (Wolff, Gussek, Stock, Beste, 2018), ее снижение в зрелом возрасте может быть одним из последствий систематического потребления алкоголя в более молодом, подростковом возрасте (Spear, 2018; Contreras et al., 2019). В свою очередь, больные алкоголизмом показывают замедление темпа психических процессов с высоким уровнем достоверности (Северьянова, Зайцева, 2018). По данным нейровизуализационных исследований, снижение когнитивной гибкости при злоупотреблении алкоголем связано с нарушением целостности белого вещества в префронтальной области коры головного мозга (Barker, Taylor, 2014).

Принятие решений, основанное на вознаграждении

Ряд исследований делает акцент на когнитивном процессе принятия решений, основанном на вознаграждении (reward based decision-making), (Peshkovskaya, Myagkov, 2020) и связи его нарушений с ведущими симптомами (например, ангедонией, импульсивностью и др.) целого ряда психических патологий, в том числе депрессии, расстройства пищевого поведения, шизофрении (Betz, Brambilla, Ilankovic, 2019; Hobkirk, Bell, Utevsy, 2019).

Показано, что когнитивный процесс принятия решений, основанный на вознаграждении (reward based decision-making), связан с функционированием дофаминэргической системы мозга и уровнем дофамина (Di Chiara, Bassareo, 2007; Paelecke-Habermann, Paelecke, Mauth, 2019; Walton, Bouret, 2019), когнитивным контролем, способностью к обучению новому (learning

ability) (Kuhbandner, Aslan, Emmerdinger, Murayama, 2016), а также импульсивностью и эмоциональной регуляцией (Realmuto, Begleiter, Odenrantz, 1993; Jauregi, Kessler, Hassel, 2018).

В основе проблем с принятием решения у лиц с различными зависимостями, в том числе алкоголизмом, лежит дисбаланс между импульсными подкорковыми нервными сигналами, связанными с немедленными приятными исходами, и тормозными сигналами, опосредованными префронтальной рефлексивной системой. Взаимодействие между импульсной и контрольной системами, которые в норме работают как взаимодополняющие (Lindgren et al., 2019), у алкогольных аддиктов нарушено, отсюда нестабильность контроля собственного поведения (Galandra, Basso, Capra, Canessa, 2018) и нарушение процесса принятия решений (Brière et al., 2019). Следует подчеркнуть, что это касается не только поведения в состоянии опьянения (общеизвестно, что алкогольная интоксикация «отклоняет» принятие решений и действия человека от свойственного ему стиля). Уже сегодня имеются некоторые данные об особенностях принятия решений больными алкоголизмом, находящимися в ремиссии (Duka, 2017). Кроме того, как показали А. Verdejo-García, М. А. Alcázar-Córcoles, N. Albein-Urios (2018), принятие решений на основе вознаграждений у зависимых лиц может быть улучшено с помощью когнитивно-поведенческой терапии.

Таким образом, роль процесса принятия решений в структуре алкогольной зависимости; связь его нарушений с недостаточностью когнитивных функций при алкоголизме, тяжестью заболевания и реабилитационным потенциалом пациентов, а также возможность обратимости нарушений может рассматриваться в качестве отдельных исследовательских вопросов (Verdejo-Garcia, Chong, Stout, Yucel, London, 2018).

Рабочая память

Как показано ранее, когнитивный контроль относится к группе функций, обеспечивающих саморегуляцию поведения и выбор соответствующих целям действий. Вместе с тем рабочая память, определяемая как способность сохранять и управлять информацией в течение короткого периода времени, является критической оценкой исполнительного контроля и также необходима для саморегуляции психических функций высшего порядка и принятия решений.

Злоупотребление алкоголем предшествует нарушению рабочей памяти (Cristini, Fournier, Timsit-Berthier, 2003; Vollstädt-Klein et al., 2019). Алкоголь оказывает депрессогенное воздействие на центральную нервную систему, значительно подавляя активность нейронов в гиппокампе, что ухудшает мнестические функции (Cristini et al., 2003). Наиболее страдает функция кодирования эпизодической памяти (той части памяти, которая связана с нашим личным опытом и конкретными событиями во времени) (Vollstädt-Klein et al., 2019).

В то же время отдельные исследования показывают обратную зависимость – лица со сниженным функционированием рабочей памяти (РП) могут иметь повышенный риск развития алкогольной зависимости (Spadoni, Norman, Schweinsburg, Tapert, 2008). В частности, более низкий базовый объем РП предсказывал употребление алкоголя у подростков (Squeglia, Jacobus, Nguyen-Louie, Tapert, 2014). Также, согласно данным А. Looby и соавт. (2018), лица с изначально сниженным функционированием РП склонны к употреблению большего количества алкоголя, а во время терапии уже сформированной алкогольной зависимости пациенты с изначально низким функционированием РП показывают более слабый терапевтический ответ (Houck, Feldstein Ewing, 2018).

Вместе с тем включение когнитивного тренинга рабочей памяти в курс терапии пациентов с алкогольной зависимостью оказывало положительное влияние на исход заболевания (Bigorra, Garolera, Guijarro, Hervás, 2016). В исследованиях К. Houben и соавт. (2011) и S.E. Snider и соавт. I. (2018) когнитивный тренинг пациентов с алкогольной зависимостью способствовал улучшению объема рабочей памяти, снижению влечения к алкоголю и улучшению общего самочувствия пациентов. Эти результаты поддерживают представление о том, что рабочая память является фундаментальной функцией, на которой базируются прочие когнитивные процессы, которые, следовательно, должны улучшаться при улучшении функционирования и увеличении объема рабочей памяти.

Когнитивные функции и нейрофизиология алкоголизма

Изучение нейрофизиологических изменений может объяснить патогенез алкогольной зависимости и связанные с ним когнитивные нарушения. За последние несколько лет накоплен массив данных о биоэлектрической активности головного мозга у лиц, страдающих алкогольной зависимостью (Oscar-Berman, Marinkovic, 2003; Mumtaz, Vuong, Malik, Rashid, 2018). У пациентов с алкоголизмом часто выявляются снижение амплитуды общей активности мозга (регистрация плоской ЭЭГ), редукция альфа-ритма, десинхронизация или низкоамплитудная медленноволновая активность со снижением электрогенеза, отсутствие зональных различий (Porjesz, Begleiter, Bihari, 1987; Martinovic, Jones, Christiansen, Rose, Hogarth, Field, 2014). Такое нарушение ЭЭГ-ритмов по частоте, амплитуде, форме, исчезновение доминирующего альфа-ритма, нарушение пространственного распределения активности в различных областях коры свидетельствует о дисбалансе де- и синхронизирующих механизмов, дезорганизации и грубых изменениях электрической активности. Исчезновение доминирующего альфа-ритма и развитие десинхронизации – результат активации коры головного мозга, связанный с ростом импульсов от ретикулярной формации ствола мозга, что является электрографическим проявлением развития эмоционального возбуждения (Brown, Basheer, McKenna, Strecker, McCarley, 2012). Если десинхронизация электрической активности мозга – показатель неспеци-

фической активации, на фоне которой развивается некоторое возбужденное состояние, то появление альфа-ритма свидетельствует об активации лимбических структур, регулирующих специфичность эмоциональных реакций (Brown et al., 2012). Десинхронизация функциональной активности коры, характерная для лиц с алкогольной зависимостью, сопровождается психоэмоциональным и моторным возбуждением, недостаточной скоростью образования соответствующих функциональных связей, замедлением возможности организации и построения функциональных систем, необходимых для осуществления нормальной психической деятельности, что, исходя из экспериментальных данных, связано со снижением тормозных влияний коры на подкорку, активацией подкорковых аппаратов, повышением эмоциональной реактивности, самовозбуждением гипоталамо-лимбических структур, состоянием аффекта, появлением патологических наклонностей, снижением контроля и неуправляемыми поведенческими реакциями, развитием деменции (Oscar-Berman, Marinković, 2007).

Применение метода электроэнцефалографии (ЭЭГ) с когнитивной нагрузкой позволяет отслеживать связь изменений субъективных, поведенческих и электрофизиологических показателей с успешностью выполнения когнитивных задач, что дает возможность выявить маркеры, специфичные для той или иной нозологии (Porjesz, Begleiter, Bihari, 1987). Неоднократно показано, что патологические изменения электрической активности мозга отчетливее выявляются в процессе выполнения когнитивных тестов, нежели в фоновой ЭЭГ (Porjesz, Begleiter, Bihari, 1987). Установлено, что хроническое употребление алкоголя уменьшает раннюю синхронизацию и увеличивает последующую десинхронизацию в диапазонах тета-, а также диапазонах низкой и высокой альфа-активности в процессе когнитивной нагрузки (Pandey, Kamarajan, Manz, Chorlian, Stimus, Porjesz, 2016), что может свидетельствовать о дезорганизации электрических колебательных систем мозга в тета- и нижних альфа-диапазонах во время когнитивной обработки информации при алкоголизме. Имеются данные, свидетельствующие о воздействии алкоголя на тета-колебания при выполнении различных когнитивных задач в визуальной модальности. Так, было показано ослабление общей мощности тета-активности во время визуальной обработки вербальной информации (Pandey et al., 2016). Наиболее выраженные снижения тета-активности были зафиксированы в процессе семантического поиска слов. У лиц с алкогольной зависимостью были обнаружены затруднения при выполнении теста Струпа, что указывает на то, что дефицит когнитивного контроля, вызванный алкоголем, может возникнуть в результате подавления тета-активности (Rosen, Padovan, Marinkovic, 2014). Замедление реакции напрямую коррелировало с ослабленной тета-мощностью (Rosen et al., 2014). В исследовании С. Kamarajan и соавт. (2004) была использована парадигма Go / Nogo, для оценки уровня ингибиторного контроля у пациентов с алкоголизмом по сравнению со здоровыми лицами из контрольной группы с точки зрения различных колебаний головного мозга. Было обнаружено, что у пациентов с алкоголизмом ($n = 58$) наблюдалось значи-

тельное снижение мощности дельта- (1,0–3,0 Гц) и тета-активности (3,5–7,0 Гц) во время выполнения задачи Go / Nogo в ответ на подавления реакции на сигнал NoGo по сравнению с контрольной группой ($n = 29$). Данное снижение дельта- и тета-активности было значительным в префронтальной коре головного мозга. Снижение дельта- и тета-мощности, связанное с обработкой сигнала NoGo, вероятно, свидетельствует о недостаточности механизма ингибиторного контроля. Предполагается, что ЭЭГ-корреляты во время когнитивной обработки могут быть эндофенотипическим маркером алкоголизма.

В задаче Go / Nogo, активирующей процессы когнитивного контроля, пациенты, страдающие алкогольной зависимостью, продемонстрировали большее число ошибок, чем здоровые испытуемые (Галкин и др., 2020; Rosen et al., 2014). Более того, ошибки пациентов, связанные с недостаточностью когнитивного контроля, имели характер двигательной автоматической реакции на стимул, что подтвердилось повышением бета-ритма в моторных областях коры головного мозга пациентов. И хотя в настоящее время отсутствует единая теоретическая база о бета-ритме (Галкин и др., 2020), некоторые его аспекты могут быть определены. Помимо установленной сенсомоторной роли (Rossiter, Davis, Clark, Boudrias, Ward, 2014), бета-активность в различных областях коры участвует в более широком спектре когнитивных функций. Изменения бета-ритма в несенсомоторных областях (например, лобная, теменная области) связаны с визуальным восприятием, рабочей памятью, принятием решений и когнитивным контролем, в частности подавлением реакции (Wimmer, Ramon, Pasternak, Compte, 2016; Wong, Fabiszak, Novikov, Daw, Pesaran, 2016). Учитывая зафиксированное участие колебаний бета-диапазона при подготовке движения, неудивительно, что эффекты бета-ритма, связанные с активацией моторных областей, регулярно наблюдаются в задачах на принятие решений, когда выбор должен быть осуществлен посредством двигательного ответа (Wimmer et al., 2016).

Кроме того, метод оценки биоэлектрической активности, известный как когерентность (функциональная связность), способный выявить степень корковой интеграции различных областей мозга (Wong et al., 2016), был использован для изучения внутри- и межполушарной связи во время задачи Go / Nogo. Еще в 1997 г. Т. Shibata и соавт. исследовали динамику когерентности у пациентов с алкогольной зависимостью, выполняющих задачу Go / Nogo, и обнаружили, что когерентность на сигнал Nogo была значительно выше, чем на сигнал Go, между лобными отведениями F3 и F4. Было высказано предположение, что синхронизация активности между двусторонними дорсолатеральными лобными областями может играть важную роль в процессе моторного торможения. В другом аналогичном исследовании Т. Shibata и соавт. (1998) определили два различных эффекта, которые проявились во время предъявления ингибиторного сигнала Nogo: синхронизация альфа-диапазона когерентности между двусторонними фронтальными областями и синхронизация тета-когерентности меж-

ду двусторонними лобными, центральными и теменными областями, что, предположительно, связано с процессом моторного торможения.

Вызванные потенциалы

Связанные с событиями потенциалы (вызванные потенциалы), представляют собой усредненные значения ЭЭГ, привязанные по времени к конкретным событиям в сенсорной, моторной или когнитивной задаче. Усредненные отклики, или форма волны, состоят из характерных отрицательных и положительных отклонений (компонентов). Они отражают суммарную активность нейронных сетей, активных во время различных процессов, вовлеченных в задачу (Andrew, Fein, 2010). Анализ вызванных потенциалов включает в себя оценку амплитуды и задержки (латентный период) этих последовательных пиков. Ранние компоненты с латентностью менее 100 мс отражают процессы восприятия и опознания стимула, в то время как более поздние компоненты отражают более высокие ассоциативные процессы. В большинстве исследований основное внимание уделялось компоненту P3, или P300, отражающему процессы принятия решения (Andrew, Fein, 2010).

Хроническое употребление алкоголя имеет общий эффект в виде замедления латентности и уменьшения амплитуды пика P300 как со слуховыми, так и со зрительными стимулами (Andrew, Fein, 2010; Cservenka, Herting, Nagel, 2012). Среди ранних компонентов вызванных потенциалов было отмечено снижение амплитуды N100 у лиц с алкоголизмом, что предполагает участие ранних сенсорных или связанных с вниманием процессов, особенно в случае применения слуховых стимулов (Andrew, Fein, 2010). Изменения компонента N2, согласно ряду исследований, были неоднозначными. B. Porjesz и соавт. (1987) наблюдали большую латентность N2, но не выявили никаких изменений в амплитуде у лиц с алкоголизмом. В другом исследовании F. Cadaveira и соавт. (1991) также сообщали об увеличении латентности N2 и P3 при предъявлении слухового стимула. Тем не менее ряд авторов указывали, что амплитуда N2 в ответ на слуховой стимул была ниже у зависимых от алкоголя лиц по сравнению с контрольной группой (Crego, Holguin, Parada, 2009; Rizvi, Lambert, Kennedy, 2018). Вместе с тем некоторые исследователи сообщали о противоположных изменениях в виде увеличения амплитуды N2 у лиц с алкоголизмом (Paelecke-Habermann et al., 2019).

В связи с полученными данными были выдвинуты две теоретические модели воздействия алкоголя на когнитивные функции. Первая модель – модель распределения внимания, которая предполагает, что алкоголь оказывает влияние на сдвиг внимания, в результате которого учитываются только наиболее заметные (значимые) сигналы, а другие сигналы игнорируются (Steele, Josephs, 1988). Это подтверждается результатами исследований явного и скрытого внимания (Jaaskelainen, Naatanen, Sillanaukee, 1996). Вторая модель – это модель ингибирования ответа, предложенная M.T. Fillmore и M. Vogel-Sprott в 2000 г., основанная на теории когнитив-

ного контроля (Logan, Cowan, 1984), где поведенческая активация и торможение являются двумя независимыми процессами. Нарушение процессов ингибиторного контроля лежит в основе дефицита самоконтроля, наблюдаемого у пациентов с алкогольной зависимостью. Это проявляется трудностями в поддержании внимания к определенной задаче и / или недостатком в подавлении доминантного ответа.

Нарушение ингибиторного контроля было изучено с помощью задачи Go / NoGo, парадигмы, широко используемой для оценки подавления реакции, в которой субъект должен отвечать на заданный стимул (Go) и подавлять ответ (реакцию) на другой стимул (NoGo). Вызванные потенциалы во время задачи Go / NoGo были исследованы рядом ученых для оценки нейронных коррелятов ответа и торможения. Обнаружены две значимые сигнатуры вызванных потенциалов ингибирования ответа: увеличение отрицательного фронтоцентрального N2-компонента NoGo (200–300 мс) и усиление положительного фронтоцентрального P3 NoGo (300–600 мс) (Pfefferbaum, Ford, 1998). У пациентов с алкоголизмом были значимо снижены амплитуды N2- и P3-компонентов во время выполнения задачи Go / NoGo (Pfefferbaum, Ford, 1998; Filipovic, Jahanshahi, Rothwell, 1999). Согласно ряду исследований, пациенты с алкоголизмом не только показывают снижение амплитуды P3 для стимулов Go, но также для стимулов NoGo (Pfefferbaum, Ford, 1998). Кроме того, алкогользависимые лица проявляют меньшую дифференциацию между реакциями на целевые стимулы, имеющие отношение к задаче, и не относящимися к задаче нецелевыми стимулами, что предполагает менее эффективные тормозные процессы (Filipovic et al., 1999). Точно так же Р. Cristini и соавт. (2003) сообщили о снижении амплитуды N2 у лиц с алкоголизмом в задании Go / NoGo. В недавнем исследовании было показано значительное снижение амплитуды N2 у пациентов с алкогольной зависимостью во время выполнения задачи Go / NoGo, особенно в ответ на ингибиторный сигнал NoGo во фронтальных регионах (Pandey et al., 2016). Компонент P3 в ответ на NoGo также был заметно снижен по амплитуде у субъектов с алкоголизмом, а также у лиц с высоким риском развития алкогольной зависимости, что указывает на нарушение ингибирующего контроля у этих групп лиц (Pfefferbaum, Ford, 1998; Colrain, Sullivan, Ford, 2011).

Результаты многочисленных исследований показывают, что нарушение ингибиторного контроля при алкогольной зависимости включает дефицит в поддержании и распределении внимания. Исследование, проведенное G. Petit и соавт. в 2012 г., показало значимое увеличение амплитуды P100 при предъявлении изображений, связанных с алкоголем, у лиц с алкоголизмом по сравнению с нейтральными изображениями, чего не было обнаружено в контрольной группе. При этом более поздние компоненты вызванных потенциалов (N2 и P3) не изменялись, что свидетельствует о смещении внимания к сигналам, связанным с алкоголем.

Влияние алкоголя на когнитивные функции, такие как семантические и мнемонические процессы, практически не изучалось. Однако исследование

J. Marinkovic и соавт. (2014) показало, что систематическое употребление алкоголя ослабляло компонент N180 в височно-теменной области, что подтверждает влияние алкоголя на раннюю прелексическую стадию словесной обработки. Алкоголь значительно увеличивал сложность интеграции получаемого стимула, что влияло на более поздние потенциалы – более высокую амплитуду N450 и более длительную задержку P580. Этот эффект был особенно заметен в исследованиях, связанных с сенсорным возбуждением, что указывает на то, что алкоголь подавляет процессы, которые модулируют когнитивное функционирование, связанное с семантическими и интеграционными системами, а не с процессами памяти.

Заключение

Суммируя результаты исследований последних пяти лет, свидетельствующие о том, что больные алкоголизмом и люди с высоким риском его развития проявляют дефицит управляющих функций, можно предположить, что нарушения управляющих когнитивных функций способны играть значительную роль в формировании аддитивных расстройств, а также связаны с особенностями их течения (рис. 1).

Рис. 1. Дефицит управляющих когнитивных функций как потенциальный этиологический субстрат для расстройств поведенческой регуляции

Недостаточность когнитивных функций выступает важной детерминантой в структуре аддитивных расстройств. Дефицит управляющего функционирования способен предсказывать будущее употребление алкоголя, формирование аддитивного поведенческого паттерна и выступать фактором риска развития алкогольной зависимости. Вместе с тем вопрос о продолжительности, обратимости и мозговых коррелятах когнитивных нарушений у алкогольных аддиктов, вероятно, получит ответ в будущих исследованиях.

Лучшее понимание аддитивных расстройств и других психических и поведенческих нарушений может быть достигнуто в ближайшее десятилетие

тие с опорой на междисциплинарную методологию научных исследований, которая позволит установить принципиально новые данные о структуре и статусе управляющих когнитивных функций в контексте формирования и поддержания болезни. Наряду с расширением научной ценности результатов комплексный подход позволит расширить базис для разработки перспективных технологий здоровьесбережения, в том числе дифференцированных превентивных и реабилитационных мероприятий, включающих методы психо- и фармакотерапии, а также разработать новые диагностические и терапевтические технологии.

Литература

- Бохан, Н. А., Мандель, А. И., Пешковская, А. Г., Бадыргы, И. О., Асланбекова, Н. В. (2013). Этнотерриториальная гетерогенность формирования алкогольной зависимости у коренного населения Сибири. *Журнал неврологии и психиатрии*, 6(2), 9–13.
- Воеводин, И. В., Пешковская, А. Г., Галкин, С. А., Белокрылов, И. И. (2020). Социальная адаптация и психическое здоровье студентов-мигрантов в Сибири. *Социологические исследования*, 11, 157–161. doi: 10.31857/S013216250010306–9
- Галкин, С. А., Пешковская, А. Г., Рощина, О. В., Кисель, Н. И., Иванова, С. А., Бохан, Н. А. (2020). Особенности мозговой активности при алкогольной зависимости в задаче на ингибиторный контроль. *Бюллетень сибирской медицины*, 19(4), 38–45. doi: 10.20538/1682–0363–2020–4–38–45
- Галкин, С. А., Пешковская, А. Г., Симуткин, Г. Г., Васильева, С. Н., Рощина, О. В., Иванова, С. А., Бохан, Н. А. (2019). Нарушения функции пространственной рабочей памяти при депрессии легкой степени тяжести и их нейрофизиологические корреляты. *Журнал неврологии и психиатрии имени С.С. Корсакова*, 119(10), 56–61. doi: 10.17116/jnevro201911910156
- Евсеев, В. Д., Пешковская, А. Г., Бохан, Н. А., Мандель, А. И. (2021). Скрининговое исследование несуицидальных форм самоповреждающего поведения у лиц призывного возраста. *Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова*, 121(8), 54–60. doi: 10.17116/jnevro202112108154
- Корнетов, А. Н., Корнетова, Е. Г., Голенкова, А. В., Козлова, С. М., Самойленко, Ж. А., Бойко, А. С., Семке, А. В. (2019). Нейрокогнитивный дефицит в клиническом полиморфизме шизофрении: типология, выраженность и синдромальные перекрытия. *Бюллетень сибирской медицины*, 18(2), 107–118.
- Морогин, В. Г., Костина, Н. П. (2013). Социально-психологическая история алкоголизации России. *Медицинская психология в России*, 5(22), 16. doi: 10.24411/2219-8245-2013-15140
- Пешковская, А. Г. (2018). Алкогольная зависимость и эмоциональные расстройства: траектория и перспективы исследования управляющих когнитивных функций. *Вестник Российского фонда фундаментальных исследований*, 4, 58–61. doi: 10.22204/2410-4639-2018-100-04-58-61.
- Полунина, А. Г., Давыдов, Д. М., Брюн, Е. А. (2004). Нейропсихологические исследования когнитивных нарушений при алкоголизме и наркоманиях. *Психологический журнал*, 5, 70–76.
- Северьянова, Л. А., Зайцева, М. А. (2018). Когнитивный стиль ригидность / гибкость познавательного контроля при алкоголизме. *Психологические науки*, 2, 31–33.
- Сиволап, Ю. П., Дамулин, И. В., Савченков, В. А., Янушкевич, М. В., Иванов, А. А., Менделевич, С. В. (2007). Когнитивные расстройства у лиц, злоупотребляющих алкоголем. *Практическая медицина*, 3, 51.

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе *References* после англоязычного блока.

Поступила в редакцию 29.07.2022 г.; повторно 07.02.2023 г.;
принята 08.02.2023 г.

Пешковская Анастасия Григорьевна – младший научный сотрудник Научно-исследовательского института психического здоровья Томского национального исследовательского медицинского центра Российской академии наук (Томский НИМЦ).

E-mail: peshkovskaya@gmail.com (доп. letter.87@mail.ru)

Галкин Станислав Алексеевич – научный сотрудник Научно-исследовательского института психического здоровья Томского национального исследовательского медицинского центра Российской академии наук (Томский НИМЦ), кандидат медицинских наук.

E-mail: s01091994@yandex.ru

Бохан Николай Александрович – директор Научно-исследовательского института психического здоровья Томского национального исследовательского медицинского центра Российской академии наук (Томский НИМЦ), академик РАН, доктор медицинских наук, профессор.

E-mail: mental@tnimc.ru

For citation: Peshkovskaya, A. G., Galkin, S. A., Bokhan, N. A. (2023). Cognition in Alcohol Dependence: Review of Concepts, Hypotheses and Research Methods. *Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal – Siberian journal of psychology*, 87, 138–158. In Russian. English Summary. doi: 10.17223/17267080/87/8

Cognition in Alcohol Dependence: Review of Concepts, Hypotheses and Research Methods¹

A.G. Peshkovskaya¹, S.A. Galkin¹, N.A. Bokhan¹

¹ *Mental Health Research Institute, Tomsk National Research Medical Center, Russian Academy of Sciences (TNRMC), 4 Aleutskaya St., Tomsk, 634014, Russia*

Abstract

The high relevance of the problem of alcohol dependence, as well as the influence of modern neuropsychological and neuroimaging studies on the development of ideas about mental health contributes to the active development of cognitive research in the field of addiction. The potential of cognitive and neuroscience methods in the study of the etiology, pathogenesis and effectiveness of therapy of mental disorders is very high, which explains the significant increase in publications in recent years in this direction abroad. Noting the growing interest of our Russian colleagues on this topic, we present an overview of the results of international interdisciplinary research in the field of cognitive sciences and addiction. The articles cited in this text were selected from the Web of Science Citation Indexing Database (Thomson Reuters). The search was conducted using 10 keywords/phrases, such as "cognition", "alcohol use disorder", "executive functions", "neurocognitive deficit", "inhibition", "cognitive flexibility", "EEG", "event-related potential", "ERP", "cognitive deficit". Priority was given to articles published in the past 5 years from journals with a high two-year and five-year impact factor (the top 50% of the rating in the journal category), as well as articles with a high number of citations. The number of citations was determined using the Elsevier Scopus

¹ This work was supported by RSF, Research Project No. 22–75–00023; <https://rscf.ru/project/22–75–00023/>

database. We considered modern hypotheses about the connection of addictive disorders with impaired cognitive functions (control functions, cognitive control, cognitive flexibility, decision-making related to reward, working memory), providing self-regulation of behavior, as well as research results indicating the etiological significance of cognitive insufficiency in the formation of alcohol dependence. New data on neurophysiological features of alcoholism are presented. The review study is aimed at a wide range of specialists in the field of clinical and cognitive psychology, neurophysiology, psychiatry and narcology.

Keywords: executive functions; memory; decision-making; cognitive flexibility; alcohol dependence; neuromarkers; electroencephalography; evoked potentials

References

- Andrew, C., & Fein, G. (2010). Event-related oscillations versus event-related potentials in a P300 task as biomarkers for alcoholism. *Alcoholism: Clinical and Experimental Research*, 4(34), 669–680. doi: 10.1111/j.1530-0277.2009.01136.x
- Barker, J. M., & Taylor, J. R. (2014). Habitual alcohol seeking: modeling the transition from casual drinking to addiction. *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*, 47, 281–294. doi: 10.1016/j.neubiorev.2014.08.012
- Benchenane, K., Tiesinga, P. H., & Battaglia, F. P. (2011). Oscillations in the prefrontal cortex: a gateway to memory and attention. *Current Opinion in Neurology*, 21(3), 475–485. doi: 10.1016/j.conb.2011.01.004
- Bensmann, W., Kayali, Ö. F., Beste, C., & Stock, A. K. (2019). Young frequent binge drinkers show no behavioral deficits in inhibitory control and cognitive flexibility. *Progress in Neuro-Psychopharmacology and Biological Psychiatry*, 13(93), 93–101. doi: 10.1016/j.pnpbp.2019.03.019
- Bernardin, F., Maheut-Bosser, A., & Paille, F. (2014). Cognitive impairments in alcohol-dependent subjects. *Frontiers in Psychiatry*, 16(5), 78. doi: 10.3389/fpsyt.2014.00078
- Betz, L. T., Brambilla, P., & Ilankovic, A. (2019). Deciphering reward-based decision-making in schizophrenia: A meta-analysis and behavioral modeling of the Iowa Gambling Task. *Schizophrenia Research*, 204, 7–15. doi: 10.1016/j.schres.2018.09.009
- Bigorra, A., Garolera, M., Guijarro, S., & Hervás, A. (2016). Long-term far-transfer effects of working memory training in children with ADHD: a randomized controlled trial. *European Child & Adolescent Psychiatry*, 25, 853–867. doi: 10.1007/s00787-015-0804-3
- Bissonette, G. B., Powell, E. M., & Roesch, M. R. (2013). Neural structures underlying set-shifting: roles of medial prefrontal cortex and anterior cingulate cortex. *Behavioural Brain Research*, 1(250), 91–101. doi: 10.1016/j.bbr.2013.04.037
- Bokhan, N. A., Mandel, A. I., Peshkovskaya, A. G., Badyrgy, I. O., & Aslanbekova, N. V. (2013). Etnoterritorial'naya geterogennost' formirovaniya alkogol'noy zavisimosti u korenogo naseleniya Sibiri [Ethnoterritorial heterogeneity of the formation of alcohol addiction among the indigenous population of Siberia]. *Zhurnal nevrologii i psikhiatrii*, 6(2), 9–13.
- Breese, G. R., Sinha, R., & Heilig, M. (2011). Chronic alcohol neuroadaptation and stress contribute to susceptibility for alcohol craving and relapse. *Pharmacology & Therapeutics*, 2(129), 149–171. doi: 10.1016/j.pharmthera.2010.09.007
- Brière, M., Toccanier, L., Allain, P., Le Gal, D., Allet, G., Gorwood, P., & Gohier, B. (2019). Decision-making measured by the iowa gambling task in patients with alcohol use disorders choosing harm reduction versus relapse prevention program. *European Addiction Research*, 25(4), 182–190. doi: 10.1159/000499709
- Brown, R. E., Basheer, R., McKenna, J. T., Strecker, R. E., & McCarley, R. W. (2012). Control of sleep and wakefulness. *Physiological Reviews*, 92(3), 1087–1187. doi: 10.1152/physrev.00032.2011

- Buschman, T. J., & Miller, E. K. (2007). Top-down versus bottom-up control of attention in the prefrontal and posterior parietal cortices. *Science*, 315(5820), 1860–1862. doi: 10.1126/science.1138071
- Cadaveira, F., Grau, C., & Roso, M. (1991). Multimodality exploration of event-related potentials in chronic alcoholics. *Alcoholism: Clinical and Experimental Research*, 15(4), 607–611. doi: 10.1111/j.1530-0277.1991.tb00568.x
- Cai, H., Chow, I. H. I., Lei, S.-M., Lok, G. K. I., Su, Z., Cheung, T., ... & Xiang, Y.-T. (2023). Inter-relationships of depressive and anxiety symptoms with suicidality among adolescents: A network perspective. *Journal of Affective Disorders*, 324, 480–488. doi: 10.1016/j.jad.2022.12.093
- Carr, L., Henderson, J., & Nigg, J. T. (2010). Cognitive control and attentional selection in adolescents with ADHD versus ADD. *Journal of Clinical Child & Adolescent Psychology*, 39(6), 726–740. doi: 10.1080/15374416.2010.517168
- Colrain, I. M., Sullivan, E. V., & Ford, J. M. (2011). Frontally mediated inhibitory processing and white matter microstructure: age and alcoholism effects. *Psychopharmacology*, 213(4), 669–679. doi: 10.1007/s00213-010-2073-7
- Contreras, A., Polin, E., Miguéns, M., Pérez-García, C., Pérez, V., Ruiz-Gayo, M., & Del Olmo, N. (2019). Intermittent-Excessive and Chronic-Moderate Ethanol Intake during Adolescence Impair Spatial Learning, Memory and Cognitive Flexibility in the Adulthood. *Neuroscience*, 418, 205–217. doi: 10.1016/j.neuroscience.2019.08.051
- Crego, A., Holguin, S. R., & Parada, M. (2009). Binge drinking affects attentional and visual working memory processing in young university students. *Alcoholism: Clinical and Experimental Research*, 33(11), 1870–1879. doi: 10.1111/j.1530-0277.2009.01025.x
- Cristini, P., Fournier, C., & Timsit-Berthier, M. (2003). ERPs (N200, P300 and CNV) in alcoholics: relapse risk assessment. *Clinical Neurophysiology*, 33(3), 103–119. doi: 10.1016/s0987-7053(03)00027-3
- Cservenka, A., Herting, M. M., & Nagel, B. J. (2012). Atypical frontal lobe activity during verbal working memory in youth with a family history of alcoholism. *Drug and Alcohol Dependence*, 123(1–3), 98–104. doi: 10.1016/j.drugalcdep.2011.10.021
- Di Chiara, G., & Bassareo, V. (2007). Reward system and addiction: what dopamine does and doesn't do. *Current Opinion in Pharmacology*, 7(1), 69–76. doi: 10.1016/j.coph.2006.11.003
- Duka, T. (2017). Decision Making in Alcoholic Patients and Its Contribution to Relapse. *Biological Psychiatry*, 82(11), 779–780. doi: 10.1016/j.biopsych.2017.09.026
- Easton, C. J., Sacco, K. A., Neavins, T. M., Wupperman, P., & George, T. P. (2008). Neurocognitive performance among alcohol dependent men with and without physical violence toward their partners: a preliminary report. *American Journal of Drug and Alcohol Abuse*, 34, 29–37. doi: 10.1080/00952990701764326
- Evseev, V. D., Peshkovskaya, A. G., Bokhan, N. A., & Mandel, A. I. (2021). A screening study of non-suicidal forms self-injurious behavior in persons of draft age. *Zhurnal nevrologii i psikiatrii imeni S.S. Korsakova – The Korsakov's Journal of Neurology and Psychiatry*, 121(8), 54–60. (In Russian). doi: 10.17116/jnevro202112108154
- Filipovic, S. R., Jahanshahi, M., Rothwell, J. C. (1999). Cortical potentials related to decision-making: comparison of two types of go/no-go decision. *NeuroReport*, 10(17), 3583–3587. doi: 10.1097/00001756-199911260-00022
- Fillmore, M. T., & Vogel-Sprott, M. (2000). Response inhibition under alcohol: effects of cognitive and motivational conflict. *Journal of Studies on Alcohol and Drugs*, 61(2), 239–246. doi: 10.15288/jsa.2000.61.239
- Galandra, C., Basso, G., Cappa, S., & Canessa, N. (2018). The alcoholic brain: neural bases of impaired reward-based decision-making in alcohol use disorders. *Neurological Sciences*, 39(3). doi: 10.1007/s10072-017-3205-1
- Galkin, S. A., Peshkovskaya, A. G., Roshchina, O. V., Kisel, N. I., Ivanova, S. A., & Bokhan, N. A. (2020). Osobennosti mozgovoy aktivnosti pri alkogol'noy zavisimosti v zadache na ingibitornyy kontrol' [Features of brain activity in alcohol dependence in the task for

- inhibitory control]. *Byulleten' sibirskoy meditsiny*, 19(4), 38–45. doi: 10.20538/1682-0363-2020-4-38-45
- Galkin, S. A., Peshkovskaya, A. G., Simutkin, G. G., Vasilieva, S. N., Roshchina, O. V., Ivanova, S. A., & Bokhan, N. A. (2019). Disorders of spatial working memory in affective disorders with mild current depression and their neurophysiological correlates. *Zhurnal nevrologii i psikiatrii imeni S.S. Korsakova – The Korsakov's Journal of Neurology and Psychiatry*, 119(10), 56–61. (In Russian). doi: 10.17116/jnevro201911910156
- Grant, J. E., Potenza, M. N., Weinstein, A., & Gorelick, D. A. (2010). Introduction to behavioral addictions. *American Journal of Drug and Alcohol Abuse*, 5, 233–241. doi: 10.3109/00952990.2010.491884
- Haass-Koffler, C. L., Leggio, L., & Kenna, G. A. (2014). Pharmacological approaches to reducing craving in patients with alcohol use disorders. *CNS Drugs*, 28(4), 343–360. doi: 10.1007/s40263-014-0149-3
- Hallgren, K., Mccrady, B. (2018). Interference in the alcohol Stroop task with college student binge drinkers. *Journal of behavioral health*, 2(2), 87–99. doi: 10.5455/jbh.20130224082728
- Helle, A. C., Watts, A. L., Trull, T. J., & Sher, K. J. (2019). Alcohol Use Disorder and Anti-social and Borderline Personality Disorders. *Alcohol Research and Health*, 40(1). doi: 10.35946/arcr.v40.1.05
- Hobkirk, A. L., Bell, R. P., & Utevsky, A. V. (2019). Reward and executive control network resting-state functional connectivity is associated with impulsivity during reward-based decision making for cocaine users. *Drug and Alcohol Dependence*, 194, 32–39. doi: 10.1016/j.drugalcdep.2018.09.013
- Houben, K., Wiers, R. W., & Jansen, A. (2011). Getting a grip on drinking behavior: training working memory to reduce alcohol abuse. *Psychological Science*, 22(7), 968–975. doi: 10.1177/0956797611412392
- Houck, J. M., & Feldstein Ewing, S. W. (2018). Working memory capacity and addiction treatment outcomes in adolescents. *American Journal of Drug and Alcohol Abuse*, 44(2), 185–192. doi: 10.1080/00952990.2017.1344680
- Isabel, A. (2011). Dynamics of a Stroop matching task: effect of alcohol and reversal with training. *Psychoanalysis and Neuroscience*, 4, 279–283. doi: 10.3922/j.psns.2011.2.013
- Jaaskelainen, I. P., Naatanen, R., & Sillanauke, P. (1996). Effect of acute ethanol on auditory and visual event-related potentials: a review and reinterpretation. *Biological Psychiatry*, 40, 284–291. doi: 10.1016/0006-3223(95)00385-1
- Jauregi, A., Kessler, K., & Hassel, S. (2018). Linking Cognitive Measures of Response Inhibition and Reward Sensitivity to Trait Impulsivity. *Frontiers in Psychology*, 9. doi: 10.3389/fpsyg.2018.02306
- Kamarajan, C., Porjesz, B., & Jones, K. A. (2004). The role of brain oscillations as functional correlates of cognitive systems: a study of frontal inhibitory control in alcoholism. *International Journal of Psychophysiology*, 51(2), 155–180. doi: 10.1016/j.ijpsycho.2003.09.004
- Köpetz, C. E., Lejuez, C. W., Wiers, R. W., & Kruglanski, A. W. (2013). Motivation and Self-Regulation in Addiction: A Call for Convergence. *Perspectives on Psychological Science*, 8(1), 3–24. doi: 10.1177/1745691612457575
- Kopp, B., Steinke, A., Bertram, M., Skripuletz, T., & Lange, F. (2019). Multiple Levels of Control Processes for Wisconsin Card Sorts: An Observational Study. *Behavioral and Brain Sciences*, 9(6), 141. doi: 10.3390/brainsci9060141
- Kornetov, A. N., Kornetova, E. G., Golenkova, A. V., Kozlova, S. M., Samoylenko, Zh. A., Boyko, A. S., & Semke, A. V. (2019). Neyrokognitivnyy defitsit v klinicheskom polimorfizme shizofrenii: tipologiya, vyrazhennost' i sindromal'nye perekrytiya [Neurocognitive deficit in the clinical polymorphism of schizophrenia: typology, severity and syndromic overlap]. *Byulleten' sibirskoy meditsiny*, 18(2), 107–118.
- Kuhbandner, C., Aslan, A., Emmerdinger, K., & Murayama, K. (2016). Providing Extrinsic Reward for Test Performance Undermines Long-Term Memory Acquisition. *Frontiers in Psychology*, 4. doi: 10.3389/fpsyg.2016.00079

- Lindgren, K. P., Hendershot, C. S., Ramirez, J. J., Bernat, E., Rangel-Gomez, M., Peterson, K. P., & Murphy, J. G. (2019). A dual process perspective on advances in cognitive science and alcohol use disorder. *Clinical Psychology Review*, 69, 83–96. doi: 10.1016/j.cpr.2018.04.002
- Logan, G. D., & Cowan, W. B. (1984). On the ability to inhibit thought and action: A theory of an act of control. *Clinical Psychology Review*, 91, 295–327. doi: 10.1037/a0035230
- Looby, A., Norton-Baker, M., & Russell, T. D. (2018). Interactive effects of baseline executive functioning and working memory depletion on alcohol use among heavy drinking young adults. *Experimental and Clinical Psychopharmacology*, 26(4), 341–346. doi: 10.1037/pha0000205
- Martinovic, J., Jones, A., Christiansen, P., Rose, A. K., Hogarth, L., & Field, M. (2014). Electrophysiological Responses to Alcohol Cues Are Not Associated with Pavlovian-to-Instrumental Transfer in Social Drinkers. *PLoS ONE*, 9(4). doi: 10.1371/journal.pone.0094605
- McCaul, M. E., Hutton, H. E., Stephens, M. A. C., Xu, X., & Wand, G. S. (2017). Anxiety, Anxiety Sensitivity, and Perceived Stress as Predictors of Recent Drinking, Alcohol Craving, and Social Stress Response in Heavy Drinkers. *Alcoholism: Clinical and Experimental Research*, 41(4), 836–845. doi: 10.1111/acer.13350
- Morogin, V. G., & Kostina, N. P. (2013). Sotsial'no-psikhologicheskaya istoriya alkogolizatsii Rossii [Socio-psychological history of alcoholization in Russia]. *Meditinskaya psikhologiya v Rossii*, 5(22), 16. doi: 10.24411/2219-8245-2013-15140
- Mumtaz, W., Vuong, P. L., Malik, A. S., & Rashid, R. (2018). A review on EEG-based methods for screening and diagnosing alcohol use disorder. *Cognitive Neurodynamics*, 12(2), 141–156. doi: 10.1007/s11571-017-9465-x
- Murphy, F. C., Rubinsztein, J. S., & Michael, A. (2001). Decision-making cognition in mania and depression. *Psychological Medicine*, 31(4), 679–693. doi: 10.1017/s0033291701003804
- Nolen-Hoeksema, S. (2013). Predictors of alcohol-related problems among depressed and non-depressed women. *Journal of Affective Disorders*, 150, 967–973. doi: 10.1016/j.jad.2013.05.022
- Oscar-Berman, M., & Marinković, K. (2007). Alcohol: effects on neurobehavioral functions and the brain. *Neuropsychology Review*, 17(3), 239–257. doi: 10.1007/s11065-007-9038-6
- Oscar-Berman, M., & Marinković, K. (2003). Alcoholism and the Brain: An Overview. *Alcohol Research and Health*, 27(2), 125–133. doi: 10.1488/11065-2495-9738-9
- Paelecke-Habermann, Y., Paelecke, M., & Mauth, J. A. (2019). Comparison of implicit and explicit reward learning in low risk alcohol users versus people who binge drink and people with alcohol dependence. *Addictive Behaviors Reports*, 9, 100178. doi: 10.1016/j.abrep.2019.100178
- Pandey, A. K., Kamarajan, C., Manz, N., Chorlian, D. B., Stimus, A., & Porjesz, B. (2016). Delta, theta, and alpha event-related oscillations in alcoholics during Go/NoGo task: Neurocognitive deficits in execution, inhibition, and attention processing. *Progress in Neuro-Psychopharmacology & Biological Psychiatry*, 65, 158–171. doi: 10.1016/j.pnpbp.2015.10.002
- Peshkovskaya, A. G. (2018). Alkogol'naya zavisimost' i emotsional'nye rasstroystva: traektoriya i perspektivy issledovaniya upravlyayushchikh kognitivnykh funktsiy [Alcohol dependence and emotional disorders: trajectory and prospects for the study of executive cognitive functions]. *Vestnik Rossiyskogo fonda fundamental'nykh issledovaniy – Russian Foundation for Basic Research Journal*, 4, 58–61. doi: 10.22204/2410-4639-2018-100-04-58-61
- Peshkovskaya, A. (2021). Letter to the editor: Other Consequences. COVID-19 and underestimated public health crisis. *Journal of Psychiatric Research*, 144, 320–322. doi: 10.1016/j.jpsychires.2021.10.038

- Peshkovskaya, A., & Myagkov, M. (2020). Eye Gaze Patterns of Decision Process in Prosocial Behavior. *Frontiers in Behavioral Neuroscience*, 14, 525087. doi: 10.3389/fnbeh.2020.525087
- Petit, G., Kornreich, C., & Maurage, P. (2012). Early attentional modulation by alcohol-related cues in young binge drinkers: an event-related potentials study. *Clinical Neurophysiology*, 123(5), 925–936. doi: 10.1016/j.clinph.2011.10.042
- Pfefferbaum, A., & Ford, J. M. (1998). ERPs to stimuli requiring response production and inhibition: effects of age, probability and visual noise. *Electroencephalography and Clinical Neurophysiology*, 71, 55–63. doi: 10.1016/0168-5597(88)90019-6
- Polunina, A. G., Davydov, D. M., & Bryun, E. A. (2004). Neyropsikhologicheskie issledovaniya kognitivnykh narusheniy pri alkogolizme i narkomaniyakh [Neuropsychological studies of cognitive impairment in alcoholism and drug addiction]. *Psikhologicheskii zhurnal*, 5, 70–76.
- Porjesz, B., Begleiter, H., & Bihari, B. (1987). The N2 component of the event-related brain potential in abstinent alcoholics. *Electroencephalography and Clinical Neurophysiology*, 66, 121–131. doi: 10.1016/0013-4694(87)90181-7
- Realmutto, G., Begleiter, H., & Odencrantz J. (1993). Event-related potential evidence of dysfunction in automatic processing in abstinent alcoholics. *Biological Psychiatry*, 33, 594–601. doi: 10.1016/0006-3223(93)90097-w
- Rizvi, S. J., Lambert, C., Kennedy, S. (2018). Presentation and neurobiology of anhedonia in mood disorders: commonalities and distinctions. *Current Psychiatry Reports*, 20(2), 13. doi: 10.1007/s11920-018-0877-z
- Rodberg, E. M., Den Hartog, C. R., Moorman, D. E., & Vazey, E. M. (2019). Neural circuits underlying the interaction between chronic alcohol, stress, and cognitive flexibility. *Alcoholism: Clinical and Experimental Research*, 43. doi: 10.1038/s41586-019-0931-y
- Rosas-Vargas, W. (2010). Brain-Derived Neurotrophic Factor, Food Intake Regulation, and Obesity. *Archives of Medical Research*, 42(6), 482–494. doi: 10.1016/j.arcmed.2011.09.005
- Rosen, B. Q., Padovan, N., & Marinkovic, K. (2014). Alcohol Hits You When It Is Hard: Intoxication, Task Difficulty, and Theta Brain Oscillations. *Alcoholism: Clinical and Experimental Research*, 40(4), 743–752. doi: 10.1111/acer.13014
- Rossiter, H. E., Davis, E. M., Clark, E. V., Boudrias, M. H., & Ward, N. S. (2014). Beta oscillations reflect changes in motor cortex inhibition in healthy ageing. *Neuroimage*, 91, 360–365. doi: 10.1016/j.neuroimage.2014.01.012
- Severyanova, L. A., & Zaytseva, M. A. (2018). Kognitivnyy stil' rigidnost' / gibkost' poznatel'nogo kontrolya pri alkogolizme [Cognitive style rigidity / flexibility of cognitive control in alcoholism]. *Psikhologicheskie nauki*, 2, 31–33.
- Shibata, T., Shimoyama, I., Ito, T., Abila, D., Iwasa, H., Koseki, K., Yamanouchi, N., Sato, T., & Nakajima, Y. (1997). The time course of interhemispheric EEG coherence during a GO/NO-GO task in humans. *Neuroscience Letters*, 233(2-3), 117–120. doi: 10.1016/s0304-3940(97)00652-6
- Shibata, T., Shimoyama, I., Ito, T., Abila, D., Iwasa, H., Koseki, K., Yamanouchi, N., Sato, T., & Nakajima, Y. (1998). The synchronization between brain areas under motor inhibition process in humans estimated by event-related EEG coherence. *Journal of Neuroscience Research*, 31(4), 265–271. doi: 10.1016/s0168-0102(98)00046-7
- Siep, N., Jansen, A., Havermans, R., & Roefs, A. (2010). Cognitions and Emotions in Eating Disorders. *Current Topics in Behavioral Neurosciences*, 6, 17–33. doi: 10.1007/7854_2010_82
- Sivolap, Yu. P., Damulin, I. V., Savchenkov, V. A., Yanushkevich, M. V., Ivanov, A. A., & Mendelevich, S. V. (2007). Kognitivnye rasstroystva u lits, zloupotreblyayushchikh alkogolem [Cognitive disorders in people who abuse alcohol]. *Prakticheskaya meditsina*, 3, 51.
- Snider, S. E., Deshpande, H. U., Lisinski, J. M., Koffarnus, M. N., LaConte, S. M., & Bickel, W. K. (2018). Working memory training improves alcohol users' episodic future thinking:

- a rate-dependent analysis. *Biological Psychiatry: Cognitive Neuroscience and Neuroimaging*, 3(2), 160–167. doi: 10.1016/j.bpsc.2017.11.002
- Snyder, H. R., Miyake, A., & Hankin, B. L. (2015). Advancing understanding of executive function impairments and psychopathology: bridging the gap between clinical and cognitive approaches. *Frontiers in Psychology*, 26(6), 328. doi: 10.3389/fpsyg.2015.00328
- Solis, J. M., Shadur, J. M., Burns, A. R., & Hussong, A. M. (2012). Understanding the diverse needs of children whose parents abuse substances. *Current drug abuse reviews*, 5(2), 135–147. doi: 10.2174/1874473711205020135
- Spadoni, A. D., Norman, A. L., Schweinsburg, A. D., & Tapert, S. F. (2008). Effects of family history of alcohol use disorders on spatial working memory BOLD response in adolescents. *Alcoholism: Clinical and Experimental Research*, 32(7), 1135–1145. doi: 10.1111/j.1530-0277.2008.00694.x
- Spear, L. P. (2018). Effects of adolescent alcohol consumption on the brain and behavior. *Nature Reviews Neuroscience*, 4, 31–39. doi: 10.1038/nrn.2018.10
- Squeglia, L., Jacobus, J., Nguyen-Louie, T., & Tapert S. (2014). Inhibition during early adolescence predicts alcohol and marijuana use be late adolescence. *Neuropsychology*, 28(5), 782–790. doi: 10.1037/neu0000083
- Steele, C. M., & Josephs, R. A. (1988). Drinking your troubles away. II: An attention-allocation model of alcohol's effect on psychological stress. *Journal of Abnormal Psychology*, 97, 196–205. doi: 10.1037//0021-843x.97.2.196
- Thoma, P., Wiebel, B., & Daum, I. (2007). Response inhibition and cognitive flexibility in schizophrenia with and without comorbid substance use disorder. *Schizophrenia Research*, 92, 168–180. doi: 10.1016/j.schres.2007.02.004
- Trusova, A., Klimanova, S., Berezina, A., & Gvozdetskiy, A. (2018). Cognitive control in patients with alcohol use disorder: testing a three-function model. *Archives of Psychiatry and Psychotherapy*, 2, 34–41. doi: 10.12740/APP/86211
- Verdejo-García, A., Alcázar-Córcoles, M. A., & Albein-Urios, N. (2018). Neuropsychological Interventions for Decision-Making in Addiction: a Systematic Review. *Neuropsychology Review*, 7. doi: 10.1007/s11065-018-9384-6
- Verdejo-Garcia, A., Chong, T. T., Stout, J. C., Yucel, M., & London, E. D. (2018). Stages of dysfunctional decision-making in addiction. *Pharmacology Biochemistry and Behavior*, 164, 99–105. doi: 10.1016/j.pbb.2017.02.003
- Voevodin, I. V., Peshkovskaya, A. G., Galkin, S. A., & Belokrylov, I. I. (2020). Social Adaptation and Mental Health of Migrant Students in Siberia. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*, 11, 157–161. (In Russian). doi: 10.31857/S013216250010306-9
- Vollstädt-Klein, S., Hermann, D., Rabinstein, J., Wichert, S., Klein, O., Ende, G., & Mann, K. (2019). Increased Activation of the ACC During a Spatial Working Memory Task in Alcohol-Dependence Versus Heavy Social Drinking. *Alcoholism: Clinical and Experimental Research*, 34(5), 771–776. doi: 10.1111/j.1530-0277.2010.01149.x
- Walton, E. M., & Bouret, S. (2019). What Is the Relationship between Dopamine and Effort? *Trends in Neurosciences*, 2. doi: 10.1016/j.tins.2018.10.001
- Whelan, R. (2014). Neuropsychosocial profiles of current and future adolescent alcohol misusers. *Nature*, 512, 185–189. doi: 10.1038/nature13402
- Wilcox, C. E., Dekonenko, C. J., Mayer, A. R., Bogenschutz, M. P., & Turner, J. A. (2014). Cognitive control in alcohol use disorder: deficits and clinical relevance. *Nature Reviews Neuroscience*, 25(1), 1–24. doi: 10.1515/revneuro-2013-0054
- Wimmer, K., Ramon, M., Pasternak, T., & Compte, A. (2016). Transitions between multiband oscillatory patterns characterize memory guided perceptual decisions in prefrontal circuits. *The Journal of Neuroscience*, 36, 489–505. doi: 10.1523/JNEUROSCI.3678-15.2016
- Wolff, N., Gussek, P., Stock, A. K., & Beste, C. (2018). Effects of high-dose ethanol intoxication and hangover on cognitive flexibility. *Addiction Biology*, 23(1), 503–514. doi: 10.1111/adb.12470

- Wong, Y. T., Fabiszak, M. M., Novikov, Y., Daw, N. D., & Pesaran, B. (2016). Coherent neuronal ensembles are rapidly recruited when making a lookreach decision. *Nature Neuroscience*, 19(2), 327–334. doi: 10.1038/nn.4210
- Zeier, J. D., Baskin-Sommers, A. R., Hiatt Racer, K. D., & Newman, J. P. (2012). Cognitive control deficits associated with antisocial personality disorder and psychopathy. *Personality Disorders*, 3(3), 283–293. doi: 10.1037/a0023137
- Zink, N., Zhang, R., Chmielewski, W. X., Beste, C., & Stock, A. K. (2019). Detrimental effects of a high-dose alcohol intoxication on sequential cognitive flexibility are attenuated by practice. *Progress in Neuro-Psychopharmacology and Biological Psychiatry*, 8(89), 97–108. doi: 10.1016/j.pnpbp.2018.08.034

*Received 29.07.2022; Revised 07.02.2023;
Accepted 08.02.2023*

Anastasia G. Peshkovskaya – Researcher, Mental Health Research Institute, Tomsk National Research Medical Center, Russian Academy of Sciences (TNRMC).

E-mail: peshkovskaya@gmail.com

Stanislav A. Galkin – Researcher, Mental Health Research Institute, Tomsk National Research Medical Center, Russian Academy of Sciences (TNRMC), PhD.

E-mail: s01091994@yandex.ru

Nicolay A. Bokhan – Director of the Research Institute of Mental Health, Tomsk National Research Medical Center of the Russian Academy of Sciences (Tomsk NIMC), Academician of the Russian Academy of Sciences, D.Sc.(Med.), Professor.

E-mail: mental@tnimc.ru

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

УДК 159.9.07

СВЯЗЬ СОМАТИЗАЦИИ С СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИМИ ОСОБЕННОСТЯМИ ЛИЧНОСТИ У ПОДРОСТКОВ

М.М. Главатских¹, И.В. Реверчук², К.Г. Языков^{2,3}

¹ Удмуртский государственный университет, Россия, 426034, Удмуртская Республика, Ижевск, ул. Университетская, д. 1

² Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта, Россия, 236041, Калининград, ул. А. Невского, д. 14

³ Томский государственный университет, Россия, 634050, Томск, пр. Ленина, д. 36

Резюме

В современной науке, изучающей человека, все более заметны тенденции интеграции различных сфер познания в единую целостную картину, описывающую психологические феномены. Учитывая сложность и системность психосоматических расстройств, целесообразным и обоснованным является биопсихосоциальный подход к объяснению их природы. Авторами обосновывается изучение связи феноменов «социально-психологическая зрелость» и «психосоматическое расстройство», поскольку в их природе существуют общие моменты, а именно интеграция социальных и психологических факторов и наличие противоречия, конфликта в развитии. Показано, что соматизация школьников связана с непродуктивно разрешаемым противоречием между потребностями к признанию и успеху и трудностями его достижения при таких социально-психологических качествах, как низкая исполнительность, волевой контроль и эмоциональная реактивность, что проявляется в эмоционально негативных переживаниях и соматоформных расстройствах как способе проявления данного напряжения.

Ключевые слова: биопсихосоциальный подход; соматизация; психосоматическое расстройство; социально-психологическая зрелость; конфликт

Введение

Учитывая системность природы психосоматических и соматоформных расстройств, изучение факторов их формирования возможно с опорой на биопсихосоциальный подход (Реверчук, 2008). Анализ имеющихся к настоящему времени исследований показывает, что из всех факторов этой группы расстройств наименее изучен вклад социального компонента, как самостоятельно, так и в соотношении с биологическими и психологическими детерминантами.

В работах отечественных и зарубежных психологов (Л.С. Выготского, Л.И. Божович, А.Н. Леонтьева, Д.Б. Эльконина, А.В. Петровского, Н.Н. Толстых, Г.С. Холла, Ш. Бюлера, В. Штерна, Э. Шпрангера, Э.Х. Эриксона, К. Левина, Б. Заззо, Ж. Пиаже и др.) подростковый возраст представляется одним из самых значимых для развития личности. Два аспекта подросткового возраста наиболее значимы в рамках данного исследования: роль общения в формировании личности подростка и переживание им внутриличностного конфликта.

«Общение со сверстниками настолько значимо в отрочестве, что Д.Б. Эльконин и Т.В. Драгунова предложили придать ему статус ведущей деятельности этого возраста» (Сапогова, 2005, с. 323). Д.Б. Эльконин пишет: «Оно выступает как особая практика действий подростков в коллективе, направленная на самоутверждение себя в этом коллективе, на реализацию в нем норм отношений взрослых» (Эльконин, 1989, с. 18). Е.Ф. Сайфутдинова указывает, что наряду с общением в развитии личности подростка важную роль играет его социальная активность. Подросток ищет себя не только в учебной деятельности, но и в других сферах, пытаясь обратить на себя внимание окружающих и найти свое место в социуме (Сайфутдинова, 2016).

Наряду с другими детерминантами кризис подростка связан с переживанием им внутриличностного конфликта (ВЛК). Э. Шпрангер отмечает, что открытие «Я» является главным новообразованием подросткового возраста. Он характеризует этот возраст как «возраст мечтаний, неясных стремлений, неудовлетворенности, пессимистических настроений; возраст повышенной нервозности и максимума самоубийств» (Обухова, 2020). Важность преодоления противоречий и внутренней конфликтности при переходе на качественно новый уровень в развитии познавательных процессов подростка отмечает Т.П. Авдулова (2020). ВЛК подросткового возраста, по мнению Т.В. Павловой, это есть нарушения целостности единства «Я» (Павлова, Бенькова, 2015).

Как и любой конфликт, внутренний конфликт может быть конструктивным и деструктивным. Конфликт является следствием взаимодействия элементов психики, различных интересов, целей, мотивов и желаний личности. Внутриличностный конфликт характеризуется острым негативным переживанием, связанным с борьбой структур внутреннего мира личности, выявляющим противоречивые связи с социальной средой. Ведущим признаком ВЛК в эмоциональной сфере выступает психоэмоциональное напряжение; в поведенческой сфере снижаются качество и удовлетворенность деятельностью.

Подростковый возраст характеризуется преимущественно следующими внутриличностными конфликтами: конфликтом доверия к миру, конфликтом противоречивых потребностей, конфликтом двойственных чувств, конфликтом самоотношения, конфликтом в развитии психосексуальной функции (Павлова, Бенькова, 2015). Показано, что подростки с конфликтным соотношением самооценки и внешней оценки имеют также и более высокий

уровень таких форм агрессии, как раздражительность, физическая агрессия, негативизм и обида (Медведев, 2009).

По мнению В.Д. Суриковой, у кризиса переходного возраста отмечается две формы протекания (Сурикова, 2018).

Первая форма характеризуется упрямством, негативизмом, стремлением к самостоятельности и независимости, в этом проявляются схожие черты с кризисами других возрастов. Вторая форма характеризуется тем, что подросток становится послушным и в отношении с родителями соблюдает предъявляемые к нему требования. Такая форма поведения встречается реже, чем первая. Подросток не хочет взрослеть, а желает оставаться ребенком.

Можно предполагать, что у подростков с яркой выраженностью данных форм кризиса не достигнут определенный уровень социально-психологической зрелости, формирующейся как результат интеграции личных интересов, потребностей и социальных требований, предъявляемых к подростку. Как следствие, наблюдается явление самоиндукции негативного эмоционального напряжения: дезорганизованное поведение усиливает стрессовое состояние, которое еще больше дезорганизует поведение.

Феномен конфликта в связи с психосоматическими проявлениями рассматривался Ф. Александером в связи с символическим выражением конфликта (Александер, 2002). Н. Пезешкиан оценивал психосоматические расстройства как результат односторонней переработки конфликта, «бегства в тело» (Пезешкиан, 1996). Концепции А. Митчерлиха принадлежит разработка положений о двухфазной защите от разрушительного воздействия конфликта, или двухфазного вытеснения (психологическое совладание – невротические защитные механизмы – соматизация) (Маринчева, Злоказова, Соловьев, 2012). Анализ различных взаимоотношений, существующих между картиной отдельных невротических синдромов и характером патогенных условий, позволил В.Н. Мясищеву описать три основных типа невротических конфликтов: неврастенический, истерический, обсессивно-психастенический (Мясищев, 1995). Личностные особенности как ведущий фактор в возникновении психосоматических расстройств изучались в работах (Рассказова, 2011; Старшенбаум 2006). К. Леонгард акцентировал внимание на социально-психологических аспектах проблемы, выделяя из них агрессивные, тревожно-мнительные черты, чувство одиночества и неспособность к отреагированию эмоций (Леонгард, 1997).

В настоящее время психологические особенности личности, взаимосвязанные с возникновением психосоматических заболеваний, на ранних периодах жизни изучаются на основании многофакторных моделей, в частности предложенной А.Б. Холмогоровой в отношении аффективных расстройств с учетом макросоциальных факторов (Холмогорова, 2011). В ряде работ, посвященных психогенной соматизации в подростковый период, делается акцент на индивидуально-типологических особенностях личности и детско-родительских отношениях (Исаев, 2005; Ооржак, 2019).

На современном этапе проблема социально-психологических особенностей «психосоматической модели» личности находится на начальном этапе

разработки. Согласно Г.М. Андреевой (2003), социально-психологические особенности личности подростка рассматриваются как коммуникативные качества, формирующиеся в процессе общения и взаимодействия с другими людьми. Исследования связи межличностного общения и соматоформных расстройств малочисленны, в них показано, что личность не может установить «комфортную» дистанцию в межличностных отношениях. Психосоматические проявления рассматриваются в поведенческой модели как реакция «побега–борьбы» или «отступления–самосохранения» в ситуации угрозы со стороны социального окружения (Крюкова, 2004; Бодров, 2008).

Методология исследования основывается на положениях биопсихосоциальной концепции, важнейшие из которых выражены в эмпирических конструктах личностного свойства «тревожности», соматических проявлениях и социально-психологических особенностях.

Цель исследования: проанализировать связь соматизации с тревогой и социально-психологическими особенностями личности у подростков.

Материалы и методы исследования

Выборка. В исследовании приняли участие 122 учащихся общеобразовательных школ, из них 46% мальчиков и 54% девочек. Возраст подростков колебался от 15 до 16 лет.

В качестве **методики** для определения социально-психологических особенностей личности подростков применили опросник-тест Р.Б. Кеттелла в модификации Л.А. Ясюковой (Ясюкова, 2005). Для оценки соматических проявлений использован четырехмерный опросник для оценки дистресса, депрессии, тревоги и соматизации (4ДДТС; 4DSQ) (Смулевич, 2014). Опросник 4ДДТС состоит из 50 пунктов, оценивающих состояние пациента за последние 7 дней. При обработке опросника количество баллов суммируется в соответствии с отдельными шкалами. Шкала стресса содержит 16 пунктов (общая сумма баллов от 0 до 32), шкала депрессии – 6 пунктов (общая сумма баллов от 0 до 12), шкала тревожности – 12 пунктов (общая сумма баллов от 0 до 24), шкала соматоформных нарушений – 16 пунктов (общая сумма баллов от 0 до 32). Статистический анализ проведен с использованием пакета SPSS. Применены методы описательной статистики, параметрические критерии Стьюдента, множественный регрессионный анализ.

Результаты исследования

Нормальность распределения по показателю соматоформных расстройств оценивалась критерием Колмогорова–Смирнова (D-тах статистика; $p = 0,2$) и показателями асимметрии (0,76) и эксцесса (0,96). В результате определения статистической нормы выраженности показателя (посредством подсчета среднего значения (8,99) и стандартного отклонения (6,05)) выявлено,

что показатель по шкале соматоформных нарушений до 12 баллов определяет границу нормы. Соматоформные нарушения не выявлены у 81 школьника (66,4%). Умеренно выраженные нарушения обнаруживаются у 23 учащихся (18,9%). Сильно выраженные соматоформные нарушения выявлены у 18 подростков (14,7%). Достоверных различий по данному показателю в группах мальчиков и девочек не выявлено.

С целью выявления системы взаимосвязей в показателях социально-психологических особенностей личности и соматизации использовался факторный анализ, проводимый методом главных компонент с вращением методом «варимакс». Меры выборочной адекватности – величина Кайзера–Мейера–Олкина (0,776) и критерий специфичности Бартлетта ($p < 0,001$) – демонстрируют приемлемую адекватность выборки для факторизации. На основании факторного анализа выделено пять факторов, которые имеют процент общей дисперсии 75%.

Показатели тревоги и соматизации вошли в первый фактор, обозначенный как «соматизированная тревога» (25,8% общей дисперсии): соматизация (0,686), тревога (0,724). Также его составляют социально-психологические качества личности: потребность в общении (–0,420), эмоциональность (–0,599), беспечность / исполнительность (–0,467), активность в общении (–0,631), честолюбие (0,405), тревожность в общении (0,765), волевой самоконтроль (–0,392), самокритичность (0,383). Таким образом, были выявлены компоненты структуры личности подростков с признаками умеренной и сильной соматизации.

В психологических исследованиях подростков с соматизацией выявляется выраженная беспечность в соблюдении социальных норм и требований. Подростков характеризует навязчивое стремление к успеху, признанию при низких волевом контроле и исполнительности, высокой эмоциональной реактивности, что не позволяет достигать поставленных целей и способствует высокой самокритичности, разочарованию в себе, поддержанию тревоги и соматизации. Низкая активность в общении может быть рассмотрена с позиции стратегии избегания трудностей, а психосоматические проявления – как самосохранение в ситуации угрозы со стороны социального окружения. В целом факторный анализ в составе и структуре предикторных компонентов подтверждает данные наблюдений и тем самым эмпирически усиливает содержательную часть исследований.

Определены связи и зависимости внутри латентной переменной первого фактора «соматизированная тревога». Для выявления предикторов соматизации у подростков с признаками умеренной и сильной соматизации по шкале соматоформных нарушений 4ДДТС был проведен регрессионный анализ методом пошагового включения предикторов. Регрессионная модель ($F = 7,775$; $p < 0,001$) и регрессионные коэффициенты предикторов «потребность в общении», «эмоциональность» и «честолюбие» являются статистически значимыми ($t = 2,699$ при $p < 0,01$; $t = 2,432$ при $p < 0,05$, $t = 2,185$ при $p < 0,05$). При этом 17% дисперсии переменной «соматизация» подростков объясняется влиянием данных предикторов.

Уравнение множественной линейной регрессии имеет следующий вид:

$$\begin{aligned} \text{Соматизация} = & 6,41 - 0,548 \times (\text{эмоциональность}) - \\ & - 0,577 \times (\text{потребность в общении}) + 0,481 \times (\text{честолюбие}). \end{aligned}$$

Переживаемое напряжение школьников с более выраженной соматизацией связано с непродуктивно разрешаемым противоречием между выраженной потребностью к признанию и успеху и трудностями его достижения при таких социально-психологических качествах, как низкая исполнительность, волевой контроль и эмоциональная реактивность (согласно структуре первого фактора), что проявляется в эмоционально негативных переживаниях и соматоформных расстройствах как способе проявления данного напряжения.

Обсуждение результатов

Результаты факторного анализа свидетельствуют о том, что соматизация и тревога с положительными нагрузками, с одной стороны, эмоциональные и социально-психологические и регулятивные компоненты фактора с отрицательными нагрузками – с другой, находятся под управлением общего латентного фактора. Можно предположить, что такое структурное единство определяется закономерностями системных образований развития психики, опосредованными функциями мозга. Социально-психологическая незрелость наблюдаемых подростков обусловлена характеристиками созревания высших психических функций. Действительно, нейропсихологические исследования развития ребенка указывают на существование стадийных особенностей развития зон головного мозга. Незавершенность определенных этапов социально-психологического развития в интегрированном качестве отражает «диффузность», незрелость системно связанных свойств зон мозга, ответственных за комплексование ВПФ. Исходя из полученных данных, соматизированная тревога подростков коррелирована с эмоциональными и регулятивными особенностями личности, которые постепенно соотносятся с развивающейся когнитивной сферой. В классической нейропсихологии можно получить определенного рода ответы на вопросы о некоторых особенностях развитии эмоционально-личностной сферы (ЭЛС) подростка. Их связывают с лобными структурами: передними отделами определяются диссоциации нарушения ЭЛС с относительно сохранными когнитивными функциями, задними – нарушения различных когнитивных процессов на фоне сохранности ЭЛС (Хомская, 2021, с. 312). А.Р. Лурия отмечает, что с медиобазальными структурами связано «перемещение в аффективную сферу» с эндокринными и вегетативными нарушениями, нарушениями контроля за эмоциональными реакциями (Хомская, 2021, с. 313). Дезадаптирующая социально-психологическая среда, сопровождающая подростка, может модифицировать генетико-средовые параметры нейропсихологических факторов развития, кумулятивно нарушая процесс системных сопряжений ВПФ. Диссопряжения создают невротизирующие реакции, принимающие застойный характер и переходящие в невротиче-

ские и соматоформные состояния. Соматизация в более легких формах проявляется в необъяснимых с медицинской точки зрения симптомах, так называемых «симптомах функциональной соматизации» (Rask et al., 2009).

Заключение

Значимыми для понимания природы соматоформных расстройств с позиций биопсихосоциального подхода являются теории, рассматривающие взаимодействие биологических, психологических и социальных факторов. В настоящее время в системе детерминант соматизации наименее изученным является влияние социального фактора, особенно в детском и подростковом возрасте. Проведенное исследование вносит вклад в понимание обоих феноменов: и «социально-психологической зрелости», интегрируя ее с соматической, телесной сферой, и «психосоматического расстройства», раскрывая социальные и психологические факторы его формирования. Соматоформные расстройства связаны с риском сопутствующих психиатрических осложнений (тревожных и депрессивных расстройств), конфликтов в семье. Эффективные подходы к диагностике проблемы включают междисциплинарный подход, нацелены на принятие биопсихосоциальной формулировки в понимании психосоматических проблем подростков.

Изучение детской и подростковой соматизации и ее последствий продолжается. Важное значение имеет сотрудничество между специалистами в области психического здоровья. Предполагается развитие терминологии, классификации, а систематические будущие исследования будут необходимы для разработки успешных стратегий профилактики и лечения (Camro, Fritsch, 1994).

Литература

- Авдулова, Т. П. (2020). *Психология подросткового возраста: учебник и практикум для вузов*. М.: Юрайт.
- Александр, Ф. (2002). *Психосоматическая медицина. Принципы и практическое применение*. М.: Эксмо пресс.
- Андреева, Г. М. (2003). *Социальная психология*. М.: Аспект Пресс.
- Бодров, В. А. (2008). *Проблема преодоления стресса*. СПб.: Питер.
- Исаев, Д. Н. (2005). *Эмоциональный стресс, психосоматические и соматопсихические расстройства у детей*. СПб.: Речь.
- Крюкова, Т. Л. (2004). *Психология совладающего поведения*. Кострома: Авантитул.
- Леонгард, К. (1997). *Акцентуированные личности*. М.: Феникс.
- Маринчева, Л. П., Злоказова, М. В., Соловьев, А. Г. (2012). Развитие биопсихосоциального подхода в психосоматической медицине. *Вестник угроведения*, 3 (10), 163–177.
- Медведев, А. М. (2009). *Психологическая работа с девиантными подростками: проблемы и возможности*. Волгоград: Изд-во ФГОУ ВПО ВАГС.
- Мясищев, В. Н. (1995). *Психология отношений*. М.: Ин-т практической психологии.
- Обухова, Л. Ф. (2020). *Возрастная психология: учебник для вузов*. М.: Юрайт.
- Ооржак, А. Ю. (2019). Особенности психосоматических расстройств в подростковом возрасте. *Молодой ученый*, 47 (285), 462–464.

- Павлова, Т. В., Бенькова, О. А. (2015). Внутриличные конфликты современных подростков. В сб.: *Ломоносовские чтения на Алтае: фундаментальные проблемы науки и образования: сборник научных статей международной конференции Алтайского государственного университета* (с. 2007–2013). Барнаул: АлтГУ.
- Пезешкиан, Н. (1996). *Психосоматика и позитивная психотерапия*. М.: Медицина.
- Рассказова, Е. И. (2011). Копинг-стратегии в психологии стресса: подходы, методы и перспективы. *Психологические исследования: электронный научный журнал*, 3 (17). 4 с.
- Реверчук, И. В. (2008). Теоретические и методологические противоречия становления биопсихосоциальной парадигмы. *Вестник психиатрии и психологии Чувашии*, 4, 109–123.
- Сайфутдинярова, Е. Ф. (2016). Личностный эгоцентризм как фактор конфликтности в подростковом возрасте. *Социальная и экономическая психология*, 1(2), 99–114.
- Сапогова, Е. Е. (2005). *Психология развития человека*. М.: Аспект Пресс.
- Смулевич, А. Б. (2014). Четырехмерный опросник для оценки дистресса, депрессии, тревоги и соматизации (4ДДТС) при вегетативных психосоматических расстройствах пограничного уровня. *Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова*, 114(11), 67–73.
- Старшенбаум, Г. В. (2006). *Психосоматика и психотерапия*. М.: Изд-во Ин-та психотерапии и клинической психологии.
- Сурикова, В. Д. (2018). Психологические особенности конфликтов и пути их разрешения в системе отношений «родитель–ребенок» в младшем школьном и подростковом возрасте. В сб.: Д. А. Яковец, Н. Г. Брюхова (ред.). *Конфликты в образовании и социальной сфере: теоретические и прикладные аспекты: материалы 1-й Международной научно-практической конференции* (с. 178–181). Астрахань: АГУ.
- Холмогорова, А. Б. (2011). *Интегративная психотерапия расстройств аффективного спектра*. М.: Медпрактика.
- Хомская, Е. Д. (2021). *Нейропсихология: учебник для вузов*. СПб.: Питер.
- Эльконин, Д. Б. (1989). *Избранные психологические труды*. М.: Педагогика.
- Ясюкова, Л. А. (2005). *Прогноз и профилактика проблем обучения, социализация и профессиональное самоопределение старшеклассников*. СПб.: Иматон.

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе *References* после англоязычного блока.

Поступила в редакцию 24.08.2022 г.; повторно 01.02.2023 г.;
принята 08.02.2023 г.

Главатских Марианна Михайловна – доцент кафедры клинической психологии, конфликтологии и психоанализа Удмуртского государственного университета, кандидат психологических наук, доцент.

E-mail: Gl.Marianna@hotmail.com.

Реверчук Игорь Васильевич – заведующий кафедрой психиатрии и нейронаук Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта, доктор медицинских наук, профессор.

E-mail: igor7272igor@gmail.com

Языков Константин Геннадьевич – профессор кафедры генетической и клинической психологии Томского государственного университета; профессор Высшей школы образования и психологии Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта, доктор медицинских наук.

E-mail: yazk@mail.ru

For citation: Glavatskih, M. M., Reverchuk, I. V., Yazykov, K. G. (2023). The Relationship of Somatization with the Socio-Psychological Characteristics of Personality among Adolescents. *Sibirskiy Psikhologicheskiy Zhurnal – Siberian journal of psychology*, 87, 159–169. In Russian. English Summary. doi: 10.17223/17267080/87/9

The Relationship of Somatization with the Socio-Psychological Characteristics of Personality among Adolescents

M.M. Glavatskih¹, I.V. Reverchuk², K.G. Yazykov^{2,3}

¹ Udmurt State University, 1 Universitet St., Izhevsk, Udmurt Republic, 426034, Russian Federation

² Immanuel Kant Baltic Federal University, 14 A. Nevskogo Ul., Kaliningrad, 236041, Russian Federation

³ Tomsk State University, 36 Lenin Ave., Tomsk, 634050, Russian Federation

Abstract

In modern science studying humans, there are more noticeable trends towards the integration of different spheres of knowledge in one holistic picture describing psychological phenomena. Considering the complexity and systemic nature of psychosomatic disorders, a biopsychosocial approach to explaining their nature is appropriate and justified. The authors substantiate the expediency of studying the connection between the phenomena of “socio-psychological characteristics of personality” and “psychosomatic disorder”, since there are common points in their nature, namely the integration of social and psychological factors and the presence of contradiction, conflict in development. The paper shows that the somatization of schoolchildren is associated with an unproductively resolved contradiction between the needs for recognition and success and the difficulties of achieving it with such socio-psychological qualities as poor performance, volitional control and emotional reactivity, which manifests itself in emotionally negative experiences and somatoform disorders as a way of manifesting given voltage.

Keywords: biopsychosocial approach; somatization; psychosomatic disorders; socio-psychological maturity; conflict

References

- Avdulova, T. P. (2020). *Psikhologiya podrozkovogo vozrasta* [Psychology of Adolescence]. Moscow: Yurayt.
- Alexander, F. (2002). *Psikhosomaticheskaya meditsina. Printsipy i prakticheskoe primeneniye* [Psychosomatic medicine. Principles and practical application] (Trans.). Moscow: Eksmo press.
- Andreeva, G. M. (2003). *Sotsial'naya psikhologiya* [Social Psychology]. Moscow: Aspekt Press.
- Bodrov, V. A. (2008). *Problema preodoleniya stressa* [The problem of coping with stress]. St. Petersburg: Piter.
- Campo, J. V., & Fritsch, S. L. (1994). Somatization in children and adolescents. *Journal of the American Academy of Child & Adolescent Psychiatry*, 33(9), 1223–1235. doi: 10.1097/00004583-199411000-00003
- Elkonin, D. B. (1989). *Izbrannye psikhologicheskie trudy* [Selected Works on Psychology]. Moscow: Pedagogika.
- Isaev, D. N. (2005). *Emotsional'nyy stress, psikhosomaticheskie i somatopsikhicheskie rasstroystva u detey* [Emotional stress, psychosomatic and somatopsychic disorders in children]. St. Petersburg: Rech'.
- Kholmogorova, A. B. (2011). *Integrativnaya psikhoterapiya rasstroystv affektivnogo spectra* [Integrative psychotherapy for affective spectrum disorders]. Moscow.: Medpraktika.

- Khomskeya, E. D. (2021). *Neyropsikhologiya* [Neuropsychology]. St. Petersburg: Piter.
- Kryukova, T. L. (2004). *Psikhologiya sovladayushchego povedeniya* [Psychology of coping behavior]. Kostroma: Avantitul.
- Leongard, K. (1997). *Aktsentuirovannye lichnosti* [Accentuated personalities]. Moscow: Feniks.
- Marincheva, L. P., Zlokazova, M. V., & Soloviev, A. G. (2012). Razvitie biopsikhosotsial'nogo podkhoda v psikhosomaticheskoy meditsine [Development of a biopsychosocial approach in psychosomatic medicine]. *Vestnik ugrovedeniya*, 3(10), 163–177.
- Medvedev, A. M. (2009). *Psikhologicheskaya rabota s deviantnymi podrostkami: problemy i vozmozhnosti* [Psychological work with deviant adolescents: problems and opportunities]. Volgograd: FGOU VPO VAGS.
- Myasishchev, V. N. (1995). *Psikhologiya otnosheniy* [Psychology of Relations]. Moscow: Institute of Practical Psychology.
- Obukhova, L. F. (2020). *Vozrastnaya psikhologiya* [Developmental Ppsychology]. Moscow: Yurayt.
- Oorzhak, A. Yu. (2019). Osobennosti psikhosomaticheskikh rasstroystv v podrozkovom vozraste [Psychosomatic disorders in adolescence]. *Molodoy uchenyy*, 47(285), 462–464.
- Pavlova, T. V., & Benkova, O. A. (2015). Vnutrilichnostnye konflikty sovremennykh pod-rostkov [Intrapersonal conflicts of modern teenagers]. In E. D. Rodionov (Ed.), *Lomonosovskie chteniya na Altae: fundamental'nye problemy nauki i obrazovaniya* [The Lomonosov Readings in Altai: Fundamental problems of science and education] (pp. 2007–2013). Barnaul: AltSU.
- Pezeshkian, N. (1996). *Psikhosomatika i pozitivnaya psikhoterapiya* [Psychosomatics and positive psychotherapy]. Moscow: Meditsina.
- Rask, C. U., Olsen, E. M., Elberling, H., Christensen, M. F., Ornbol, E., Fink, P., ... & Skovgaard, A. M. (2009). Functional somatic symptoms and associated impairment in 5–7-year-old children: the Copenhagen Child Cohort 2000. *European Journal of Epidemiology*, 24, 625–634.
- Rasskazova, E. I. (2011). Koping-strategii v psikhologii stressa: podkhody, metody i perspektivy [Coping strategies in the psychology of stress: approaches, methods and perspectives]. *Psikhologicheskie issledovaniya*, 3(17).
- Reverchuk, I. V. (2008). Teoreticheskie i metodologicheskie protivorechiya stanovleniya biopsikhosotsial'noy paradigmy [Theoretical and methodological contradictions in the formation of the biopsychosocial paradigm]. *Vestnik psikiatrii i psikhologii Chuvashii*, 4, 109–123.
- Sayfutdiyaroova, E. F. (2016). Lichnostnyy egotsentrizm kak faktor konfliktnosti v podrozkovom vozraste [Personal egocentrism as a factor of conflict in adolescence]. *Sotsial'naya i ekonomicheskaya psikhologiya*, 1(2), 99–114.
- Sapogova, E. E. (2005). *Psikhologiya razvitiya cheloveka* [Psychology of Human Development]. Moscow: Aspekt Press.
- Smulevich, A. B. (2014). Chetyrekhmernyy oprosnik dlya otsenki distressa, depressii, trevogi i somatizatsii (4DDTS) pri vegetativnykh psikhosomaticheskikh rasstroystvakh pogranichnogo urovnya [The Four Dimensional Distress, Depression, Anxiety, and Somatization Inventory (4DDTS) in Borderline Autonomic Psychosomatic Disorders]. *Zhurnal nevrologii i psikiatrii im. S.S. Korsakova – The S.S. Korsakov Journal of Neurology and Psychiatry*, 114(11), 67–73.
- Starshenbaum, G. V. (2006). *Psikhosomatika i psikhoterapiya* [Psychosomatics and Psychotherapy]. Moscow: Institute of Psychotherapy and Clinical Psychology.
- Surikova, V. D. (2018). Psikhologicheskie osobennosti konfliktov i puti ikh razresheniya v sisteme otnosheniy “roditel’–rebenok” v mladshem shkol'nom i podrozkovom vozraste [Psychological features of conflicts and ways of their resolution in the system of relations “parent-child” in primary school and adolescence]. In D. A. Yakovets, & N. G. Bryukhova (Eds.), *Konflikty v obrazovanii i sotsial'noy sfere: teoreticheskie i prikladnye*

aspekty [Conflicts in Education and the Social Sphere: Theoretical and Applied Aspects] (pp. 178–181). Astrakhan: ASU.

Yasyukova, L. A. (2005). *Prognoz i profilaktika problem obucheniya, sotsializatsiya i professional'noe samoopredelenie starsheklassnikov* [Forecast and prevention of learning problems, socialization and professional self-determination of high school students]. St. Petersburg: Imaton.

Received 24.08.2022; Revised 01.02.2023;

Accepted 08.02.2023

Marianna M. Glavatskikh – Associate Professor of the Department of Clinical Psychology, Conflictology and Psychoanalysis, Udmurt State University, Cand. Sc. (Psychol.), Associate Professor.

E-mail: Gl.Marianna@hotmail.com.

Igor V. Reverchuk – Head of the Department of Psychiatry and Neuroscience, Immanuel Kant Baltic Federal University, D. Sc. (Med.), Professor.

E-mail: igor7272igor@gmail.com

Konstantin G. Yazykov – Professor of the Department of Genetic and Clinical Psychology, Tomsk State University, Professor of the High School of Education and Psychology, Immanuel Kant Baltic Federal University, D. Sc. (Med.).

E-mail: yazk@mail.ru

УДК 159.9.07

УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ МАТЕРИАЛЬНЫМ ПОЛОЖЕНИЕМ И ВЗАИМООТНОШЕНИЯ В СЕМЬЯХ С ЭКО И ЕСТЕСТВЕННЫМ ЗАЧАТИЕМ¹

Т.Г. Бохан¹, О.В. Терехина¹, А.В. Силаева^{1,2},
С.Б. Лещинская¹, М.В. Шабаловская^{1,2}

¹ Томский государственный университет, Россия, 634050, Томск, пр. Ленина, д. 36

² Сибирский государственный медицинский университет, Россия, 634050, Томск,
Московский тракт, д. 2

Резюме

Переживание снижения экономического положения семьи может оказывать негативное влияние на супругов, отрицательно воздействуя на психологическое благополучие их родительской роли, качество родительских воспитательных стратегий. Относительно семей, зачавших ребенка с помощью ЭКО, особенности супружеских и родительских отношений в контексте материального благополучия семьи изучены недостаточно. Цель исследования заключалась в выявлении связи удовлетворенности материальным положением семей, зачавших ребенка с помощью ЭКО, с особенностями внутрисемейных (супружеских и родительских) отношений. Использовались данные Проспективного лонгитюдного междисциплинарного исследования детского развития (PLIS) по достижении ребенком возраста четырех лет, выявлялись особенности удовлетворенности материальным положением, супружеских и родительских отношений в семьях, зачавших ребенка с помощью ЭКО, по сравнению с семьями с естественным зачатием. Применялись следующие методики: Шкала «Недостаток денежных средств для оплаты необходимых расходов», шкала «Ощущение нестабильности, вызванное нехваткой еды» (Household Food Security Scale), методика «Ваши супружеские взаимоотношения» (Dyadic Adjustment Scale), методика «Ваши взаимоотношения с ребенком» (Квебекское лонгитюдное исследование детского развития). Выборку составили 220 семейных пар: 90 родителей, зачавших ребенка посредством ЭКО, и 130 родителей, зачавших ребенка естественным способом. В семьях с беременностью женщин посредством ЭКО удовлетворенность материальным положением прямо связана с супружеской сплоченностью; удовлетворенность супружескими отношениями у отца выступает модератором влияния удовлетворенности материальным положением на отношение отца к ребенку; позитивное отношение матери и отца, насильственное отношение и последовательное воспитание матери являются модераторами связи между удовлетворенностью материальным положением семьи и благополучием супружеских отношений. В семьях, зачавших детей посредством ЭКО, обнаружено прямое и опосредованное влияние удовлетворенности материальным положением на супружеские отношения и стратегии воспитания родителей.

¹ Исследование выполнено при поддержке Программы развития Томского государственного университета (Приоритет-2030).

Ключевые слова: материальное положение; финансовая нестабильность; супружеские отношения; отношение к ребенку; позитивное отношение; последовательное воспитание; насильственное отношение; экстракорпоральное оплодотворение; естественное зачатие

Введение

Материально-экономическое положение семьи выступает одним из важных факторов системы семейных отношений, которая имеет тесную связь с состоянием здоровья и развитием ребенка. На сегодняшний день данная тема остается неразработанной, но актуальной. Более низкий социально-экономический статус семьи связан с менее здоровым физическим, эмоциональным, поведенческим и когнитивным функционированием взрослых и детей (Сычев, Казанцева, 2017; Козлова, 2018). Низкий социально-экономический статус семьи, связанный с низким уровнем доходов, безработицей, низким уровнем образования, является существенным фактором, повышающим вероятность развода (Hardie, Lucas, 2010; Amato, Beattie, 2011). Стресс у супругов, вызванный экономическими проблемами, повышает риск супружеских конфликтов, враждебности и отсутствия поддержки в семейных отношениях (Pinquart, Silbereisen, Kömer, 2010; Neppl, Senia, Donnellan, 2016), определяет низкое качество воспитания детей, неблагоприятно влияет на их когнитивное и эмоциональное развитие (Bronfenbrenner, Morris, 1998; Meltzer, Gatward, Goodman, Ford, 2003). Существуют данные о факторах и процессах, опосредующих влияние ухудшения материального положения семьи на адаптацию и психологическое здоровье ребенка, к которым относятся: воспринимаемое членами семьи давление материальных проблем, эмоциональный стресс, супружеские отношения, родительские воспитательные практики (Pinquart et al., 2010; Puff, Renk, 2014; Neppl et al., 2016). Снижение материально-экономического положения отрицательно воздействует на психологическое благополучие родительской роли, что в дальнейшем влияет на качество родительских воспитательных стратегий, при этом отмечается, что специфика супружеских отношений может выступать и опосредующим фактором (Шелег, 2005; Сопун, Лидерс, 2007). Влияние социально-экономического статуса на психологическое благополучие семьи имеет сложный и опосредованный характер (Шведовская, Загвоздкина, 2013). В связи с этим возникает исследовательский интерес к изучению различных факторов, характеризующих семейные отношения, способные нивелировать отрицательное влияние ухудшающегося материального положения (Слободская, Ахметова, 2012). Однако в научной литературе существует дефицит эмпирических данных о влиянии субъективной системы оценки экономических факторов родителей на особенности семейных отношений и стратегий воспитания (Головей, Савенышева, Энгельгардт, 2016; Сычев, Казанцева, 2017).

К настоящему моменту становится многочисленной новая категория семей – семьи, зачавшие ребенка с помощью экстракорпорального оплодотворения (ЭКО). В ряде отечественных и зарубежных исследований выяв-

лены особенности супружеских отношений и родительских отношений к ребенку (Дуева, 2014; Соловьева, 2014; Mohammadi, Shamshiri, Mohammadpour, Vehviläinen-Julkunen, Abbasi, Sadeghi, 2014; Darwiche, Favez, Simonelli, Antonietti, Frascarolo, 2015; Гарданова, Петров, Хритинин, 2021; Fata, Aluş Tokat, Temel Uğur, 2021). Однако особенности супружеских и родительских отношений и их влияние на психическое развитие ребенка, зачатого с помощью ЭКО, в контексте материально-экономического благополучия семьи недостаточно изучены и представлены в отечественных публикациях. Такой анализ представляется необходимым, так как речь идет об определении новых мишеней и направлений психологической поддержки семей. Цель данного исследования заключается в выявлении характера влияния удовлетворенности материальным положением семей, зачавших ребенка с помощью ЭКО, на особенности внутрисемейных отношений (супружеских взаимоотношений и отношения родителей к ребенку). Общая гипотеза исследования представлена допущениями о наличии особенностей супружеских и родительских отношений в семьях, зачавших ребенка с помощью ЭКО, и возможном прямом и опосредованном влиянии характера удовлетворенности материальным положением на супружеские и родительские отношения в таких семьях.

Материалы и методы исследования

В анализ были включены данные шестого исследовательского среза Проспективного лонгитюдного междисциплинарного исследования детского развития (PLIS) по достижении ребенком возраста четырех лет (Воронина, Бохан, Терехина, Уайт, Малых, Ковас, 2016). Выборку составили 220 семейных пар: экспериментальная группа – 90 родителей, зачавших ребенка посредством ЭКО (условное обозначение ЭКО, возраст матерей – $37,40 \pm 4,90$, отцов – $38,75 \pm 5,50$), и группа сравнения – 130 родителей, зачавших ребенка естественным способом (условное обозначение ЕЗ, возраст матерей – $32,96 \pm 4,06$, отцов – $35,01 \pm 4,79$).

Удовлетворенность материальным положением семьи (отвечали только матери) изучалась с помощью двух методик. Шкала «Недостаток денежных средств для оплаты необходимых расходов» включала 4 вопроса, позволяющих оценить наличие финансов для оплаты необходимых расходов (жилье, коммунальные платежи, медикаменты, транспорт и др.). Вычислялся индекс удовлетворенности материальным положением (4–16 баллов). Более высокое значение индекса соответствовало более высокому материальному благополучию (в каждой группе $\alpha = 0,80$). Шкала «Ощущение нестабильности, вызванное нехваткой еды» (сокращенная версия методики Household Food Security Scale (Blumberg, Bialostosky, Hamilton, Briefel, 1999) в адаптации исследовательской группы Квебекского лонгитюдного исследования детского развития, QLSCD) состоит из 4 вопросов о наличии финансовых проблем, связанных с оплатой питания. Вычислялся Индекс финансовой нестабильности (0–10 баллов). Более высокие баллы соответствовали более

выраженному ощущению финансовой нестабильности у матери (в каждой группе $\alpha > 0,65$).

Для выявления особенностей внутрисемейных отношений использовались две методики: «Ваши супружеские взаимоотношения» (сокращенная версия Dyadic Adjustment Scale в адаптации Sabourin, Valois, Lussier (2005)) и «Ваши взаимоотношения с ребенком» (разработана группой Квебекского лонгитюдного исследования детского развития, QLSCD). Методика «Ваши супружеские взаимоотношения» включала 6 вопросов в опроснике для матери и 4 вопроса в опроснике для отца, которые объединялись в следующие шкалы: Шкала 1 «Удовлетворенность отношениями» (в обеих группах у матерей и отцов $\alpha = 0,78-0,85$); Шкала 2 «Супружеская сплоченность» (заполняли только матери; в каждой группе $\alpha > 0,72$). Высчитывался общий Индекс супружеский взаимоотношений отдельно у матери и у отца как сумма баллов по всем вопросам. Более высокое значение Индекса соответствовало более благополучным семейным отношениям (в обеих группах у матерей и отцов $\alpha = 0,69-0,85$). Методика «Ваши взаимоотношения с ребенком» состоит из 15 вопросов, оценивающих особенности взаимодействия родителей с ребенком по трем шкалам: «Позитивное отношение» (совместная деятельность, вербальные способы коррекции поведения), «Насильственное / нерациональное отношение» (злость, несдержанность, физические наказания), «Последовательное воспитание» (исполнение обещанного наказания в случае проступка, непослушания ребенка) ($\alpha = 0,74-0,75$).

Статистическая обработка данных производилась в программе IBM SPSS Statistics 26: описательная статистика, проверка шкал на внутреннюю согласованность (α -Кронбаха) и нормальность распределения критерием Колмогорова–Смирнова (по всем шкалам распределение ненормальное), непараметрические критерии для сравнительного и корреляционного анализа (U-критерий Манна–Уитни для независимых выборок, W-критерий Вилкоксона для связанных выборок, критерий Спирмена), регрессионный анализ, кластеризация К-средними, анализ модерации.

Результаты исследования

Материальное положение семьи. Результаты описательной статистики позволили определить, что в группе ЭКО медиана индекса удовлетворенности материальным положением соответствует максимально возможному значению шкалы, а индекса финансовой нестабильности – минимально возможному, что говорит о высоких оценках своего материального благополучия преобладающим количеством участников исследования (табл. 1). Частотный анализ в соответствии с квантилями позволил выделить и уточнить разные уровни выраженности изучаемых индексов. По индексу материального положения низкий уровень материального благополучия (ниже 1-го квантиля) обнаружен у 20,0% семей, а средний и высокий уровень (от 1-го квантиля до максимума) – у 80,0% семей; по индексу финансовой нестабильности высокий уровень ощущения финансовой нестабильности

ченности у 57,7% матерей. Остальные респонденты указывали на высокий уровень удовлетворенности в показателях супружеских отношений. Сравнительный анализ не обнаружил значимых различий между экспериментальной группой и группой сравнения ($U = 3061,5-3459,0$; $p > 0,05$).

Таблица 2

Результаты описательной статистики показателей супружеских отношений

Описательные статистики	Группа	Индекс супружеских взаимоотношений		Удовлетворенность отношениями (мать)	Супружеская сплоченность (мать)
		Мать	Отец		
Медиана [1-й квартиль; 3-й квартиль]	ЭКО	24 [20,25; 26]	17 [16; 19]	17 [14; 18]	7 [6; 8]
	ЕЗ	24 [21; 27]	17 [15; 19]	17 [15; 18]	8 [6; 9]
Минимум–максимум	ЭКО	12–31	10–21	9–21	2–10
	ЕЗ	0–31	5–21	0–21	0–10

Сравнение (критерий Вилкоксона) показателей семейных отношений между супругами внутри групп не выявило различий между супругами в семьях ЭКО. В группе сравнения у матерей удовлетворенность супружескими отношениями оказалась значимо выше, чем у их супругов ($Z = -2,06$; $p = 0,039$). Корреляционный анализ выявил значимые прямые взаимосвязи ($r = 0,398-0,884$; $p \leq 0,01$) между всеми шкалами методики «Ваши супружеские взаимоотношения» в обеих группах, исключение составило отсутствие значимой связи ($r = 0,158$; $p = 0,274$) показателей супружеской сплоченности (мать) и индекса супружеских отношений (отец) в группе ЭКО.

Выявление родительских стратегий по отношению к ребенку показало, что в семьях ЭКО, как и в группе ЕЗ, более выраженной стратегией является позитивное отношение, а менее выраженной – насильственное отношение со стороны обоих родителей (табл. 3). В группе ЭКО низкий уровень позитивного отношения характерен для 25,5% матерей и 20% отцов, последовательного воспитания – 18,8% матерей и 15,5% отцов; высокий уровень насильственного отношения к ребенку обнаружен у 23,3% матерей и 22,2% отцов. Сравнительный анализ выявил значимые различия между семьями по шкале последовательного воспитания со стороны матери ($U = 3381,0$; $p = 0,013$): матери группы ЭКО проявляют меньшую последовательность в воспитании ребенка.

Таблица 3

Результаты описательной статистики показателей отношения родителей с ребенком

Показатели	Член семьи	Медиана		Минимум–максимум	
		ЭКО	ЕЗ	ЭКО	ЕЗ
Позитивное отношение	Мать	15 [12,25; 17]	15 [12; 17]	7–20	6–20
	Отец	14 [12; 16,25]	13 [10; 16]	6–20	3–20
Насильственное отношение	Мать	6 [4; 9]	6 [4; 9]	0–14	0–16
	Отец	4 [2; 7]	5 [3; 7]	0–16	0–16
Последовательное воспитание	Мать	11 [9; 14]	13 [11; 15]	5–20	5–20
	Отец	13 [9; 14,25]	12 [10; 15]	5–22	4–20

Сравнительный анализ критерием Вилкоксона позволил выявить различия в отношении к ребенку между матерью и отцом внутри каждой группы. В группе ЭКО насильственное отношение оказалось более выраженным у матерей ($Z = -3,211$; $p = 0,001$). В группе ЕЗ у матерей стратегии позитивного ($Z = -3,791$; $p = 0,001$) и насильственного ($Z = -3,490$; $p = 0,001$) отношения к ребенку более выражены у матерей, чем у отцов. В группе ЭКО у матерей ($r = -0,308$; $p = 0,013$) и у отцов ($r = -0,489$; $p = 0,000$) отмечены обратные корреляционные связи между насильственным отношением и последовательным воспитанием. У матерей ЕЗ выявлена значимая отрицательная связь между насильственным отношением к ребенку и последовательным воспитанием ($r = -0,233$; $p = 0,009$), у отцов ЕЗ – обратная корреляционная связь между позитивным и насильственным отношением к ребенку ($r = -0,233$; $p = 0,009$). Были изучены взаимосвязи между характером отношений к ребенку со стороны отцов и матерей. В группе ЭКО выявлена обратная корреляционная связь последовательного отношения отца и насильственного отношения матери ($r = -0,475$; $p = 0,001$), а также положительная взаимосвязь между насильственным отношением отца и матери ($r = 0,406$; $p = 0,004$); в группе ЕЗ – прямые взаимосвязи позитивного отношения ($r = 0,189$; $p = 0,047$), насильственного отношения ($r = 0,430$; $p = 0,000$), последовательного воспитания ($r = 0,399$; $p = 0,000$) матери и отца.

Выявление особенностей влияния удовлетворенности материальным положением на супружеские отношения и родительские стратегии воспитания ребенка осуществлялось в два исследовательских этапа. На первом этапе был проведен корреляционный анализ показателей удовлетворенности материальным положением с показателями супружеских отношений и родительских стратегий, а также кластерный анализ, позволивший выделить типы респондентов по критерию удовлетворенности материальным положением и по характеру супружеских и родительских отношений. Выявлено две значимые взаимосвязи индекса финансовой нестабильности: обратная с супружеской сплоченностью (мать) в группе ЭКО ($r = -0,274$; $p = 0,043$), обратная с позитивным отношением к ребенку со стороны отца в группе ЕЗ ($r = -0,187$; $p = 0,044$). В результате кластеризации К-средними в каждой группе респондентов выделено по две кластерные группы (табл. 4). В группе семей ЭКО между кластерными группами обнаружили различия (U-критерий Манна–Уитни) по показателям удовлетворенности материальным положением семьи и взаимоотношениями с ребенком. Первая кластерная группа (53,3%) определяет первый тип семей, который характеризуется материальным благополучием (выше значения по индексу удовлетворенности материальным положением и ниже значения по индексу финансовой нестабильности), более последовательным воспитанием ребенка и менее насильственным отношением со стороны обоих родителей; второй тип семей (46,7%) – более низким материальным благополучием (ниже значения по индексу удовлетворенности материальным положением и выше значения по индексу финансовой нестабильности), а также более насильственным отношением к ребенку в сочетании с менее последова-

тельным воспитанием ребенка со стороны обоих родителей. В группе ЕЗ между кластерными группами были выявлены значимые различия только по показателям внутрисемейных отношений: первый тип семей (34,6%) имеет более низкие показатели индексов супружеских отношений со стороны обоих супругов, менее позитивное и последовательное отношение к ребенку со стороны обоих родителей, более насильственное отношение к ребенку со стороны матери; второй тип семей (65,4%) характеризуется более высокими показателями индексов супружеских отношений со стороны обоих супругов, более позитивным и последовательным отношением к ребенку со стороны обоих родителей, менее насильственным отношением к ребенку со стороны матери. Результаты позволили предположить, что материальное положение может оказывать как прямое, так и опосредованное влияние на характер отношения родителей к ребенку.

Таблица 4

Результаты сравнительного анализа между кластерными группами в семьях с ЭКО и ЕЗ

Показатели	ЭКО			ЕЗ		
	Кластер 1	Кластер 2	U	Кластер 1	Кластер 2	U
Индекс удовлетворенности материальным положением	15,86	14,47	129,5	14,89	15,18	1 082,5
Индекс финансовой нестабильности	0,14	0,79	130,0	0,46	0,32	1 063,0
Индекс супружеских отношений (М)	24,45	22,47	165,0	19,49	25,91	209,5
Индекс супружеских отношений (О)	17,32	16,74	186,0	14,23	17,90	370,5
Удовлетворенность отношениями (М)	16,95	15,68	171,5	13,69	17,59	341,0
Супружеская сплоченность (М)	7,50	6,79	164,5	5,80	8,32	365,0
Позитивное отношение (М)	14,82	14,89	207,5	13,54	15,25	851,0
Насильственное отношение (М)	5,59	8,68	103,5	8,26	5,59	650,0
Последовательное воспитание (М)	12,59	10,42	127,5	11,63	13,28	799,5
Позитивное отношение (О)	13,32	14,42	159,0	11,03	13,87	661,5
Насильственное отношение (О)	3,36	7,26	66,5	5,80	4,84	978,5
Последовательное воспитание (О)	13,82	9,84	75,0	10,43	13,15	596,5
<i>Примечание.</i> Жирным выделены значимые различия ($p \leq 0,05$); М – мать, О – отец.						

На втором этапе посредством анализа модерации была исследована роль индекса супружеских отношений, опосредующего связь между финансовой нестабильностью и отношением родителей к ребенку. Значимая модель

получена только в группе ЭКО – индекс супружеских отношений отца является значимым модератором связи между финансовой нестабильностью и позитивным отношением отца к ребенку ($b = 0,38$; $t(44) = 2,35$; $p = 0,02$). При высоком благополучии супружеских отношений, по оценкам отца, рост субъективной финансовой нестабильности не был сопряжен с выраженным снижением позитивного родительского отношения отца, а снижение супружеского благополучия для отца способствовало более выраженному отрицательному влиянию финансовой нестабильности на позитивный характер родительского отношения к ребенку. Также установлено, что различные аспекты родительского отношения к ребенку являются значимыми модераторами связи между удовлетворенностью материальным положением семьи и благополучием супружеских отношений только в группе семей ЭКО. Последовательное отношение матери к ребенку являлось значимым модератором связи между финансовой нестабильностью и удовлетворенностью матери супружескими отношениями ($b = 0,35$; $t(45) = 2,37$; $p = 0,02$). Позитивное ($b = -0,15$; $t(48) = -2,17$; $p = 0,04$) и насильственное ($b = -0,12$; $t(48) = -2,09$; $p = 0,04$) отношение матери к ребенку являлось значимым модератором связи между индексом удовлетворенности материальным положением и удовлетворенностью супружескими отношениями у матери. Позитивное отношение отца к ребенку являлось значимым модератором связи между индексом финансовой нестабильности и индексом супружеских отношений у отца ($b = 0,27$; $t(44) = 2,24$; $p = 0,03$), а также связи между индексом материального положения и индексом супружеских отношений у отца ($b = -0,17$; $t(46) = -3,21$; $p = 0,00$).

Обсуждение результатов

Результаты исследования демонстрируют, что в изучаемый период (когда ребенок в семье достигает 4-летнего возраста), материальное положение большинства семей группы ЭКО, участников Проспективного лонгитюдного междисциплинарного исследования детского развития (PLIS), характеризуется достаточной удовлетворенностью материальным состоянием и отсутствием переживания финансовой нестабильности, связанной с оплатой питания, что количественно и качественно не различается с результатами контрольной группы. При этом в обеих эмпирических группах есть семьи, в которых чаще указывается на недостаток небольшой суммы денег при оплате необходимых расходов для всех членов семьи (одежда, транспорт и т.п.), оплаты жилья, коммунальных услуг и пр.

Выявление особенностей внутрисемейных отношений через оценку супружеских отношений и отношений родителей к ребенку показало, что в целом можно говорить об отсутствии выраженной специфики внутрисемейных отношений, связанной с типом зачатия ребенка, что согласуется с данными других исследователей (Cairo et al., 2012; Cebert., Silva, Stevenson, 2019). У большинства семей – участников проекта отношения между супругами можно охарактеризовать как благополучные, т.е. супруги дают положи-

тельную оценку степени согласия с партнером в проявлении любви и привязанности, доверия партнеру, отсутствия сожалений о браке с партнером, субъективного уровня счастья в отношениях, совместного времяпрепровождения, появляющегося в спокойном обсуждении происходящих в семье ситуаций, совместных занятиях. Более низкие показатели удовлетворенности супружескими отношениями у партнеров и супружеской сплоченности у матерей характерны для определенного процента семей вне зависимости от типа зачатия ребенка. Семьи с низкой удовлетворенностью супружескими отношениями попадают в группу риска с высоким количеством семейных стрессов, неблагоприятным климатом в семье и низким качеством воспитания детей, что в целом неблагоприятно влияет на развитие ребенка (Meltzer et al., 2003). Данные результаты сходны с результатами, полученными S. Sabourin и соавт. (Sabourin et al., 2005) на выборке родителей детей раннего возраста с естественным типом зачатия. В литературе также имеются данные о некоторых специфических особенностях отношений в семьях, зачавших ребенка с помощью ЭКО (Гарданова и др., 2021; Лещинская, Стоянова, Бохан, Терехина, Силаева, 2022; Blake, Casey, Jadvá, Golombok, 2012; Gameiro, Nazaré, Fonseca, Moura-Ramos, Canavatto, 2011). В нашем исследовании определенные различия были обнаружены в том, что удовлетворенность супружескими отношениями в группе ЭКО воспринимается и оценивается супругами более согласованно, в то время как в группе ЕЗ удовлетворенность супружескими отношениями значимо выше у матерей, чем у отцов.

Отношения родителей с ребенком в семьях группы ЭКО у большинства родителей характеризуются средним и высоким уровнем выраженности позитивного и последовательного отношения, более низким уровнем нерационального отношения, т.е. родители часто разговаривают, занимаются спортом и играют вместе с ребенком, делают совместно с ним что-то, что приносит удовольствие ребенку, спокойно обсуждают возникающие проблемы, учат более приемлемым способам поведения в конфликтах, стараются соблюдать последовательность и рациональность в вопросах воспитания и наказания, редко применяют физическое воздействие или повышают голос, ругают, кричат на ребенка. В каждой группе есть семьи, где матери и отцы не всегда руководствуются последовательностью в воспитании, используют физическое воздействие, ругают, повышают голос, злятся на ребенка, не включаются в совместную деятельность с ребенком, что может являться негативным фактором риска в возникновении проблем с физическим и психическим здоровьем и развитием ребенка. Матери семей ЭКО проявляют менее последовательное отношение к ребенку, чем матери ЕЗ, что в определенной степени согласуется с рядом исследовательских данных о преобладании гиперопеки или неготовности к уходу за ребенком у матерей, родивших детей с помощью ЭКО (Дуева, 2014; Соловьева, 2014; Mohammadi et al., 2014). Матери обеих групп чаще прибегают к нерациональным стратегиям, чем отцы, т.е. чаще отношение матерей к регуляции поведения детей определяется их эмоциями. В отношении выраженности

позитивного и последовательного отношения к ребенку матери и отца группы ЭКО не различаются, что отличает их от группы сравнения, в которой позитивное отношение к ребенку у матерей значимо более выражено, чем у отцов. Можно сделать предположение, что внутрисемейные отношения в семьях с ЭКО более согласованные между супругами и между родителями и ребенком, в группе ЕЗ у отцов отмечается меньшая удовлетворенность супружескими отношениями и менее позитивное отношение к ребенку, чем у матерей.

В семьях ЭКО у матерей и отцов не было обнаружено значимых взаимосвязей между стратегиями отношения к ребенку, хотя в семьях с ЕЗ такие взаимосвязи существуют – нерациональность (насильственность) обратно взаимосвязана с последовательностью в воспитании у матерей и с позитивным отношением у отцов. Однако значимые взаимосвязи проявились между стратегиями отношения к ребенку обеих родителей, что может указывать на степень родительской согласованности в отношениях к ребенку и его воспитанию. Так, в группе ЭКО отсутствие нерационального и насильственного отношения матери к ребенку прямо связано с последовательным воспитанием и отсутствием стратегий нерационального отношения у отца. Некоторые отличия в системе взаимодействия стратегий отношения к ребенку есть в группе ЕЗ – позитивное отношение отца к ребенку прямо связано с ненасильственным отношением матери к ребенку, также установлена согласованность во всех трех стратегиях отношения к ребенку у матерей и отцов.

Выявление связи материального благополучия с характером семейных отношений показало, что в семьях с ЭКО показатели удовлетворенности материальным положением прямо связаны с супружеской сплоченностью, в то время как в группе ЕЗ удовлетворенность материальным положением связана с отношением отца к ребенку, т.е. более позитивное отношение к ребенку со стороны отца характерно для семей с большей финансовой стабильностью. О связи удовлетворенности материальным положением с супружескими и родительскими отношениями определенное косвенное подтверждение можно получить по результатам характеристик выделенных кластеров, указывающих на вероятностные типы респондентов по изучаемым психологическим переменным, согласно гипотезе исследования. В группе ЭКО первый тип семей, в отличие от второго, характеризуется большим материальным благополучием, более последовательным воспитанием ребенка и менее насильственным отношением со стороны обоих родителей. Группа ЕЗ не показала значимых различий кластеров по показателю удовлетворенности материальным положением. Первый тип семей по сравнению со вторым имеет более низкий уровень благополучия в супружеских отношениях, менее позитивное отношение и последовательное воспитание в отношении ребенка со стороны родителей и более выраженное насильственное отношение к ребенку со стороны матери. Характеристики выделенных типов семей позволяют точнее определить мишени психологического воздействия и сделать психологическую помощь более дифференциро-

ванной и целенаправленной, решая задачу снижения влияния негативных факторов на здоровье и психическое развитие детей, согласно Указу Президента «О национальных целях и стратегических задачах развития РФ» на период до 2024 г. и Федеральному закону об основах охраны и здоровья граждан в РФ № 323-ФЗ.

Задача поиска опосредующего влияния удовлетворенности материальным положением на отношение родителей к ребенку решена с помощью модерационного анализа. Была исследована роль супружеских отношений как фактора, опосредующего связь между финансовой нестабильностью и отношением родителей к ребенку. В семьях ЭКО уровень благополучия супружеских отношений в восприятии отца оказался значимым модератором связи между финансовой нестабильностью и позитивным отношением отца к ребенку, т.е. уровень благополучия в супружеских отношениях со стороны отца сможет усилить или ослабить связь между переменными, увеличивая или снижая эффект влияния материального положения семьи на отношение родителей к ребенку. При высокой оценке благополучия супружеских отношений для отца рост субъективной финансовой нестабильности не будет вызывать снижение позитивного отношения отца к ребенку. В то же время ценностное и ответственное родительское отношение к ребенку может нивелировать переживания материального положения, способствуя пониманию сохранения теплых и близких супружеских отношений как условия здорового развития ребенка. Результаты модерационного анализа подтвердили данную рабочую гипотезу в группе семей ЭКО: при более выраженном последовательном отношении матери к ребенку рост субъективной финансовой нестабильности не влияет на снижение удовлетворенности супружескими отношениями матери; чем менее позитивным и более насильственным (нерациональным) является отношение матери к ребенку, тем сильнее становится прямое влияние удовлетворенности материальным положением на удовлетворенность супружескими отношениями матери; при более выраженном позитивном отношении отца к ребенку рост субъективной финансовой нестабильности и переживание снижения материального благополучия в семье не сопряжены со снижением удовлетворенности супружескими отношениями у отцов.

Заключение

Выявленные в группе семей ЭКО факты о прямой связи удовлетворенности материальным положением с супружеской сплоченностью, двух типах семей, значительно различающихся по уровню материального благополучия и стратегиям воспитания ребенка, удовлетворенности супружескими отношениями отца как фактора, опосредующего влияние удовлетворенности материальным положением семьи на отношение к ребенку, о последовательном отношении матери к ребенку как значимом модераторе связи между финансовой нестабильностью и удовлетворенностью супружескими отношениями, а также позитивном и ненасильственном отношении матери

к ребенку, выступающих значимыми модераторами связи между удовлетворенностью материальным положением и удовлетворенностью супружескими отношениями, о позитивном отношении отца к ребенку, являющемся значимым модератором связей между переживанием финансовой нестабильности, удовлетворенностью материальным положением и удовлетворенностью супружескими отношениями, свидетельствуют о подтверждении гипотезы о прямом и опосредованном влиянии удовлетворенности материальным положением на супружеские и родительские отношения в семьях ЭКО. Результаты сравнительного анализа с контрольной группой указывают на определенные особенности в системе внутрисемейных отношений в семьях ЭКО. Перспективы исследования требуют дальнейшего научного поиска биопсихосоциальных факторов, оказывающих различное влияние на внутрисемейные отношения, здоровье и психическое развитие детей в динамике социокультурных и экономических изменений.

Литература

- Воронина, И. Д., Бохан, Т. Г., Терехина, О. В., Уайт, Э. К., Малых, С. Б., Ковас, Ю. В. (2016). Демографические показатели, образ жизни и здоровье в семьях с естественной и индуцированной беременностью в России и Великобритании. *Теоретическая и экспериментальная психология*, 9(4), 63–76.
- Гарданова, Ж. Р., Петров, Н. И., Хритинин, Д. Ф. (2021). Эмоциональные особенности реагирования у мужчин в бесплодном браке. *Вестник неврологии, психиатрии и нейрохирургии*, 5, 339–345. doi: 10.33920/med-01-2105-02
- Головей, Л. А., Савенышева, С. С., Энгельгардт, Е. Е. (2016). Структура семьи и родительское воспитание как факторы интеллектуального развития дошкольников. *Социальная психология и общество*, 7(3), 18–32. doi:10.17759/sps.2016070302
- Дуева, А. А. (2014). Взаимодействие с матерью детей, рожденных в результате экстракорпорального оплодотворения (ЭКО): привязанность и особенности стиля воспитания. *Психолого-педагогические исследования*, 6(2), 293–305. doi: 10.17759/psyedu.2014060225
- Козлова, Е. А. (2018). Каким образом социально-экономические характеристики семьи связаны с благополучием ребенка? *Мир науки, культуры, образования*, 4(71), 331–334.
- Лещинская, С. Б., Стоянова, И. Я., Бохан, Т. Г., Терехина, О. В., Силаева, А. В. (2022). Динамика супружеских и родительских отношений в семьях, зачавших ребенка посредством экстракорпорального оплодотворения. *Российский психологический журнал*, 19(3), 41–55. doi: 10.21702/rpj.2022.3.3
- Слободская, Е. Р., Ахметова, О. А. (2012). Взаимодействие личностных и семейных факторов благополучия детей. *Культурно-историческая психология*, 8(2), 60–68.
- Соловьева, Е. В. (2014). О материнском отношении к детям раннего возраста, зачатым посредством экстракорпорального оплодотворения. *Психолого-педагогические исследования*, 6(4), 147–156. doi: 10.17759/psyedu.2014060413
- Сопун, С. М., Лидерс, А. Г. (2007). Психологическая совместимость супружеской пары и удовлетворенность браком. *Сибирский психологический журнал*, 25, 156–162.
- Сычев, О. А., Казанцева, О. А. (2017) Социально-демографические и психологические факторы удовлетворенности отношениями в браке. *Вестник Новосибирского государственного педагогического университета*, 7(1), 106–128. doi: 10.15293/2226-3365.1701.08
- Шведовская, А. А., Загвоздкина, Т. Ю. (2013) Социально-экономический статус семьи и психическое развитие ребенка: зарубежный опыт исследования. *Психологическая наука и образование psyedu.ru*, 18(1), 65–76. URL: <https://psyjournals.ru/files/58600/pnio-1-2013-Shvedovskaya-Zagvozdina.pdf>

Шелег, Л. А. (2005). Неблагополучная семья как объект социально-педагогической деятельности. В сб.: В.К. Шабельников, А.Г. Лидерс (ред.). *Психологические проблемы современной российской семьи: тезисы второй всероссийской научной конференции (25–27 октября 2005 г.)*. М.: [б. и.]. Ч. 3. URL: <http://childpsy.ru/lib/articles/id/10334.php>

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе References после англоязычного блока.

*Поступила в редакцию 01.12.2022 г.; повторно 29.12.2022 г.;
принята 25.01.2023 г.*

Бохан Татьяна Геннадьевна – заведующая кафедрой психотерапии и психологического консультирования Томского государственного университета, доктор психологических наук, профессор.

E-mail: btg960@mail.ru

Терехина Ольга Владимировна – доцент кафедры психотерапии и психологического консультирования Томского государственного университета, кандидат психологических наук.

E-mail: doterekhina@mail.ru

Силаева Анна Владимировна – доцент кафедры психотерапии и психологического консультирования Томского государственного университета; старший преподаватель кафедры фундаментальной психологии и поведенческой медицины Сибирского государственного медицинского университета, кандидат психологических наук.

E-mail: silaevaav@yandex.ru

Лещинская Светлана Борисовна – младший научный сотрудник лаборатории когнитивных исследований и психогенетики Томского государственного университета, кандидат психологических наук.

E-mail: s_leschins94@mail.ru

Шабаловская Марина Владимировна – доцент кафедры психотерапии и психологического консультирования Томского государственного университета; доцент кафедры фундаментальной психологии и поведенческой медицины Сибирского государственного медицинского университета, кандидат психологических наук.

E-mail: m_sha79@mail.ru

For citation: Bokhan, T. G., Terekhina, O. V., Silaeva, A. V., Leshchinskaia S.B., Shabalovskaya M.V. (2023). Financial Satisfaction and Relationship in Families with In Vitro Fertilization and Natural Pregnancy. *Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal – Siberian journal of psychology*, 87, 170–186. In Russian. English Summary. doi: 10.17223/17267080/87/10

Financial Satisfaction and Relationship in Families with In Vitro Fertilization and Natural Pregnancy¹

**T.G. Bokhan¹, O.V. Terekhina¹, A.V. Silaeva^{1, 2},
S.B. Leshchinskaia¹, M.V. Shabalovskaya^{1, 2}**

¹ Tomsk State University, 36, Lenin Ave., Tomsk, 634050, Russian Federation

² Siberian State Medical University, 2, Moskovsky Tract, Tomsk, 634050, Russian Federation

Abstract

Experiencing economical decline in a family can have a negative impact on the spouses, negatively affecting their psychological well-being in parenting and quality of parental behaviors.

¹ This study was supported by the Tomsk State University Development Programme (Priority-2030).

There is a lack of data on the characteristics of marital and parental relations in the context of the financial well-being of families who have conceived a child though in vitro fertilization (IVF). The purpose of this study is to identify the relationship between financial satisfaction of families who conceived a child though IVF, and the characteristics of intra-family (marital and parental) relationships. The data of Prospective Longitudinal Interdisciplinary Study of child development (PLIS) collected when a child was 4 years old were used. The characteristics of the financial satisfaction, marital and parental relations in families with IVF vs natural pregnancy were assessed. The following methods were used: Scale "Lack of money for essential needs", "Household Food Security Scale", "Dyadic Adjustment Scale", "Relationships with the child" (Quebec Longitudinal Study of Child Development). The participants were 220 married couples: 90 parents with IVF and 130 parents with natural pregnancy. In families with IVF, the financial satisfaction was directly related to marital cohesion. Fathers' satisfaction with marital relations served as a moderator in the relationship between the financial satisfaction and the fathers' attitude to the child. Positive maternal and paternal parenting, harsh and consisted maternal parenting significantly moderated the relationship between financial satisfaction and the marital well-being. In families with IVF, a direct and indirect relationships between satisfaction with the financial situation, and marital and parental relations were found.

Keywords: financial satisfaction; financial instability; marital satisfaction; positive parental attitudes; consistent parenting; harsh parenting; in vitro fertilization

References

- Amato, P. R., & Beattie, B. (2011) Does the unemployment rate affect the divorce rate? An analysis of state data. *Social Science Research*, 40(3), 705–715. doi: 10.1016/j.ssresearch.2010.12.012
- Blake, L., Casey, P., Jadvá, V., & Golombok, S. (2012) Marital stability and quality in families created by assisted reproduction techniques: a follow-up study. *Reproductive BioMedicine Online*, 25, 678–683. doi:10.1016/j.rbmo.2012.09.006
- Blumberg, S. J., Bialostosky, K., Hamilton, W. L., & Briefel, R. R. (1999). The effectiveness of a short form of the Household Food Security Scale. *American Journal of Public Health*, 89(8), 1231–1234. doi:10.2105/ajph.89.8.1231
- Bronfenbrenner, U., & Morris, P. A. (1998). The ecology of developmental processes. In R. M. Lerner (Ed.), *Handbook of Child Psychology* (Vol. 1., pp. 993–1028). New York: Wiley.
- Cairo, S., Darwiche, J., Tissot, H., Favez, N., Germond, M., Guex, P., ... Despland, J.-N. (2012). Family interactions in IVF families: Change over the transition to parenthood. *Journal of Reproductive and Infant Psychology*, 30(1), 5–20. doi: 10.1080/02646838.2012.669830
- Cebert, M., Silva, S., & Stevenson, E. L. (2019). Are there differences in marital-role quality between women and their male partners who conceived via IVF and those who did not? *The Journal of Best Practices in Health Professions Diversity*, 11(2), 135–149.
- Darwiche, J., Favez, N., Simonelli, A., Antonietti, J.-P., & Frascarolo, F. (2015). Prenatal coparenting alliance and marital satisfaction when pregnancy occurs after assisted reproductive technologies or spontaneously. *Family Relations: An Interdisciplinary Journal of Applied Family Studies*, 64(4), 534–546. doi: 10.1111/fare.12131
- Dueva, A. A. (2014). Vzaimodeystvie s mater'yu detey, rozhdennykh v rezul'tate ekstra-korporal'nogo oplodotvoreniya (EKO): privyazannost' i osobennosti stilya vospitaniya [Interaction with the mother of children born as a result of in vitro fertilization (IVF): attachment and features of parenting style]. *Psikhologo-pedagogicheskie issledovaniya*, 6(2), 293–305. doi: 10.17759/psyedu.2014060225

- Fata, S., Aluș Tokat, M., & Temel Uğur, G. (2021). Does conception spontaneously or with ART affect postpartum parenting behaviors? *Psychology, Health & Medicine*, 26(6), 755–763. doi: 10.1080/13548506.2020.1799044
- Gameiro, S., Nazaré, B., Fonseca, A., Moura-Ramos, M., & Canavarro, M. C. (2011). Changes in marital congruence and quality of life across the transition to parenthood in couples who conceived spontaneously or with assisted reproductive technologies. *Fertility and Sterility*, 96(6), 1457–1462. doi: 10.1016/j.fertnstert.2011.09.003
- Gardanova, Zh. R., Petrov, N. I., & Khritinin, D. F. (2021). Emotsional'nye osobennosti reagirovaniya u muzhchin v besplodnom brake [Emotional features of response in men in infertile marriages]. *Vestnik nevrologii, psikiatrii i neyrokhirurgii*, 5, 339–345. doi: 10.33920/med-01-2105-02
- Golovey, L. A., Savenysheva, S. S., & Engeldardt, E. E. (2016). Struktura sem'i i roditel'skoe vospitanie kak faktory intellektual'nogo razvitiya doshkol'nikov [Family structure and parental education as factors in the intellectual development of preschool children]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo*, 7(3), 18–32. doi: 10.17759/sps.2016070302
- Hardie, J. H., & Lucas, A. (2010). Economic factors and relationship quality among young couples: Comparing cohabitation and marriage. *Journal of Marriage and Family*, 72(5), 1141–1154. doi: 10.1111/j.1741-3737.2010.00755.x
- Kozlova, E. A. (2018). Kakim obrazom sotsial'no-ekonomicheskie kharakteristiki sem'i svyazany s blagopoluchiem rebenka? [How are the socioeconomic characteristics of the family related to the well-being of the child?]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 4(71), 331–334.
- Leshchinskaya, S. B., Stoyanova, I. Ya., Bokhan, T. G., Terekhina, O. V., & Silaeva, A. V. (2022). Dinamika supruzheskikh i roditel'skikh otnosheniy v sem'yakh, zachavshikh rebenka posredstvom ekstrakorporal'nogo oplodotvoreniya [The dynamics of marital and parental relations in families who conceived a child through in vitro fertilization]. *Rossiyskiy psikhologicheskiy zhurnal*, 19(3), 41–55. doi: 10.21702/rpj.2022.3.3
- Meltzer, H., Gatward, R., Goodman, R., & Ford, T. (2003). Mental health of children and adolescents in Great Britain. *International Review of Psychiatry (Abingdon, England)*, 15(1-2), 185–187. doi: 10.1080/0954026021000046155
- Mohammadi, N., Shamshiri, M., Mohammadpour, A., Vehviläinen-Julkunen, K., Abbasi, M., & Sadeghi, T. (2014). Super-mothers: the meaning of mothering after assisted reproductive technology. *Journal of Reproductive and Infant Psychology*, 33(1), 42–53. doi: 10.1080/02646838.2014.970152
- Neppl, T. K., Senia, J. M., & Donnellan, M. B. (2016) Effects of economic hardship: Testing the family stress model over time. *Journal of Family Psychology*, 30(1), 12–21. doi: 10.1037/fam0000168
- Pinquart, M., Silbereisen, R. K., & Körner, A. (2010). Coping with family demands under difficult economic conditions: Associations with depressive symptoms. *Swiss Journal of Psychology*, 69(1), 53–63. doi:10.1024/1421-0185/a000006
- Puff, J., & Renk, K. (2014). Relationships Among Parents' Economic Stress, Parenting, and Young Children's Behavior Problems. *Child Psychiatry Hum Dev*, 45, 712–727. doi: 10.1007/s10578-014-0440-z
- Sabourin, S., Valois, P., & Lussier, Y. (2005). Development and Validation of a Brief Version of the Dyadic Adjustment Scale with a Nonparametric Item Analysis Model. *Psychological Assessment*, 17(1), 15–27. doi: 10.1037/1040-3590.17.1.15
- Slobodskaya, E. R., & Akhmetova, O. A. (2012). Personality and Family Factors in Children's Well Being. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya – Cultural-historical Psychology*, 8(2), 60–68. (In Russian).
- Solovieva, E. V. (2014). O materinskom otnoshenii k detyam rannego vozrasta, zachatym posredstvom ekstrakorporal'nogo oplodotvoreniya [On maternal attitude towards young children conceived through in vitro fertilization]. *Psikhologo-pedagogicheskie issledovaniya*, 6(4), 147–156. doi: 10.17759/psyedu.2014060413

- Sopun, S. M., & Liderc, A. G. (2007). Psikhologicheskaya sovmestimost' supruzheskoy pary i udovletvorennost' brakom [Psychological compatibility of a married couple and satisfaction with marriage]. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*, 25, 156–162.
- Sychev, O. A., & Kazantseva, O. A. (2017). Sotsial'no-demograficheskie i psikhologicheskie faktory udovletvorennosti otnosheniyami v brake [Socio-demographic and psychological factors of satisfaction with marital relationships]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 7(1), 106–128. doi: 10.15293/2226-3365.1701.08
- Shvedovskaya, A. A., & Zagvozdina, T. Yu. (2013). Sotsial'no-ekonomicheskii status sem'i i psikhicheskoe razvitie rebenka: zarubezhnyy opyt issledovaniya [Socio-economic status of the family and mental development of the child: Foreign research]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie*. 18(1), 65–76. Retrieved from: <https://psyjournals.ru/files/58600/pnio-1-2013-Shvedovskaya-Zagvozdina.pdf>
- Sheleg, L. A. (2005). Neblagopoluchnaya sem'ya kak ob"ekt sotsial'no-pedagogicheskoy deyatelnosti [A dysfunctional family as an object of social and pedagogical activity]. In V. K. Shabelnikov, & A. G. Liders (Eds.), *Psikhologicheskie problemy sovremennoy rossiyskoy sem'i* [Psychological problems of the modern Russian family]. Moscow: [s.n.]. Retrieved from: <http://childpsy.ru/lib/articles/id/10334.php>
- Voronina, I. D., Bokhan, T. G., Terekhina, O. V., White, E. K., Malykh, S. B., & Kovas, Yu. V. (2016). Demograficheskie pokazateli, obraz zhizni i zdorov'e v sem'yakh s estestvennoy i indutsirovannoy beremennost'yu v Rossii i Velikobritanii [Demographic indicators, life-style and health in families with natural and induced pregnancy in Russia and the UK]. *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psikhologiya*, 9(4), 63–76.

Received 01.12.2022; Revised 29.12.2022;

Accepted 25.01.2023

Tatiana G. Bokhan – Head of the Department of Psychotherapy and Psychological Counseling, Tomsk State University. D. Sc. (Psychol.), Professor.

E-mail: btg960@mail.ru

Olga V. Terekhina – Associate Professor, Department of Psychotherapy and Psychological Counseling, Tomsk State University. Cand. Sc. (Psychol.).

E-mail: doterekhina@mail.ru

Anna V. Silaeva – Associate Professor, Department of Psychotherapy and Psychological Counseling, Tomsk State University; Senior lecturer, Department of Fundamental Psychology and Behavioral Medicine, Siberian State Medical University. Cand. Sc. (Psychol.).

E-mail: silaevaav@yandex.ru

Svetlana B. Leshchinskaia – Junior Research Fellow of the Laboratory for Cognitive Investigations and Behavioral Genetics, Tomsk State University. Cand. Sc. (Psychol.).

E-mail: s_leschins94@mail.ru

Marina V. Shabalovskaya – Associate Professor, Department of Psychotherapy and Psychological Counseling, Tomsk State University, Associate Professor, Department of Fundamental Psychology and Behavioral Medicine, Siberian State Medical University. Cand. Sc. (Psychol.).

E-mail: m_sha79@mail.ru

ПОЗДРАВЛЯЕМ А.Д. КАРНЫШЕВА С ЮБИЛЕЕМ!

Одному из авторов и члену редакционной коллегии с первых дней существования Сибирского психологического журнала Александру Дмитриевичу Карнышеву 17 апреля этого года исполняется 75 лет. Поздравляем с юбилеем и желаем познакомиться с ним тем читателям, которые по каким-то причинам еще недостаточно знакомы.

Александр Дмитриевич – доктор психологических наук, профессор, заведующий междисциплинарной лабораторией психолого-экономических и кросскультурных исследований (МЛ ПЭККИ) Иркутского государственного университета. С факультетом психологии ТГУ Александр Дмитриевич связан многими годами дружбы и сотрудничества. Долгое время он был членом Совета по защите докторских и кандидатских диссертаций по общей и медицинской психологии; два его ученика защитили кандидатские диссертации в данном совете. Он является членом редакционной коллегии Сибирского психологического журнала с первых дней его существования и автором более десятка статей. Александр Дмитриевич – традиционный участник Сибирских психологических форумов, которые на протяжении 20 лет организуются в Томском государственном университете, преподаватель летних студенческих школ (особенно запомнившейся школы, организованной ТГУ в Горном Алтае), неизменный гид для преподавателей психологического факультета университета и зарубежных гостей в поездках на Байкал. Александра Дмитриевича связывала долгая дружба с первым главным редактором Сибирского психологического журнала – Генрихом Владиславовичем Залевским. Им было написано предисловие к шеститомнику трудов «Теория и практика многогранной личности», вышедшему к 75-летию Генриха Владиславовича. До самых последних дней Генриха Владиславовича они были друзьями.

Свой научный путь Александр Дмитриевич начал в 1979 г. уже взрослым человеком, имея за плечами 15 лет трудового стажа: рабочий на стройке, в геологической партии, на Улан-Удэнском авиационном заводе, солдат Советской Армии. Во время учебы был секретарем комсомольских организаций историко-филологического, физико-математического факультетов и всего Бурятского пединститута, командиром студенческих строительных и путинных отрядов в Бурятии, на Камчатке и на острове Шикотан Курильской гряды. Закончил БГПИ в 1974 г., получив диплом с отличием. За активную деятельность и организацию работы ССО получал награды союзного и республиканского значения: Орден «Знак Почета» СССР (1976), Почетную грамоту Президиума Верховного Совета Бурятской АССР (1972). После окончания института больше трех лет работал директором средней школы № 9 в Улан-Удэ. Знание практических проблем, желание решать их на научной основе стимулировали Александра Дмитриевича

на поступление в 1979 г. в аспирантуру Иркутского пединститута с должности директора школы.

В 1983 г. на психологическом факультете Ленинградского государственного университета А.Д. Карнышев защитил кандидатскую диссертацию «Социально-психологические основы применения поощрений и наказаний в практике управления производственным коллективом». Руководил подготовкой диссертационной работы профессор В.Г. Асеев. Защите диссертации предшествовал важный момент. Эмпирическая часть работы выполнялась на Иркутском авиационном заводе, где весьма заинтересовались ее прикладными аспектами. Разработанный «Кодекс авиастроителя» (один из первых вариантов современных отечественных документов по организационной (корпоративной) культуре) был принят на заводе в 1981 г. Содержание проделанной работы и «Кодекс...» направили на конкурс, и А. Карнышев стал лауреатом VII Всесоюзного конкурса молодых ученых по общественным наукам 1982 г., организованного Академией общественных наук СССР и ЦК ВЛКСМ.

Докторскую диссертацию по теме «Социальная психология управления в школе» Александр Дмитриевич защитил в Санкт-Петербургском государственном университете в 1992 г. Консультантом по диссертации выступил профессор ЛГУ (СПбГУ) А.Л. Свенцицкий. В подготовке диссертации помогла деятельность в образовании, и не только прошлая: в период написания диссертации соискатель несколько лет руководил Советом школы № 40 в Улан-Удэ.

В 1993 г. А.Д. Карнышев назначен проректором по науке Бурятского пединститута, а в 1994 г. был избран депутатом первого созыва Народного Хурала Республики Бурятия и на первой сессии на альтернативной основе стал заместителем председателя Народного Хурала (НХ). Региональные парламенты тех лет только проходили становление, поскольку впервые были внесены в Конституцию РФ как законодательные органы. Наряду с законотворческой деятельностью под руководством А. Карнышева в НХ была создана социально-психологическая лаборатория. Подготавливая поправки к закону о Байкале, о местном самоуправлении, о молодежной и национальной политике и т.д., организаторы лаборатории проводили исследования и выступали с конкретными аргументами по проблемным вопросам, с цифрами в руках убеждали и депутатов, и представителей исполнительной власти в необходимости принятия конкретных мер. Ведь высшая эффективность норм закона – это когда они становятся психологическими привычками людей, а это невозможно, если не считаться с их мнением.

В 1999 г. по семейным обстоятельствам А.Д. Карнышев переехал в Иркутск, где организовал кафедру социальной и экономической психологии Байкальского государственного университета экономики и права и стал ее заведующим. С первых лет функционирования кафедра избрала четкое научное направление, признанное в России. Директор института психологии Российской академии наук профессор А.Л. Журавлев в 2004 г. писал

об этом: «На границах с этнической психологией за короткий срок сформировалась **экономическая этнопсихология** во многом благодаря исследованиям научно-педагогического коллектива кафедры социальной и экономической психологии Байкальского государственного университета экономики и права. Под научным руководством А.Д. Карнышева выполнены фундаментальные работы в этой области, позволившие обосновать и сформировать указанную отрасль» (Проблемы экономической психологии. М.: ИП РАН, 2004, с. 12)

В последующем проблематику экономической этнопсихологии А.Д. Карнышев расширил за счет работ по экономической экологии и экономическому патриотизму. По данным проблемам с 2000 г. ежегодно его кафедрой проводились конференции в Иркутске и на Байкале (всего 14), научными коллективами под руководством А.Д. Карнышева было получено свыше 10 грантов РГНФ и РФФИ по изучению актуальных проблем современного общества. Он был участником большинства научно-практических конференций по экономической психологии, которые проводились в Калуге, Москве, Санкт-Петербурге.

С 2012 г. Александр Дмитриевич работает в Иркутском государственном университете, где создал междисциплинарную лабораторию психолого-экономических и кросскультурных исследований (МЛ ПЭККИ). Сотрудники лаборатории не только плодотворно работают над научной проблематикой, но и сумели выстроить связи с Университетом Париж-8: дважды выезжали на научные конференции и научные школы в Париж, проводили научную школу в Улан-Удэ, Иркутске и на Байкале. По результатам школ выпущены сборники «Траектории познания природы и взаимопонимания: материалы французско-российской школы на Байкале» (2017) и «Опыты экономического патриотизма во Франции и в России: материалы II-й летней российско-французской школы в Университете Париж-8» (2018).

А.Д. Карнышев имеет свыше 450 публикаций, из них персонально и в соавторстве около 40 монографий, учебников и учебных пособий и свыше 130 статей в журналах ВАК и других рецензируемых изданиях. Две монографии вышли в издательстве ИП РАН:

Карнышев А.Д., Винокуров М.А. Этнокультурные традиции и инновации в экономической психологии. М.: Изд-во ИП РАН, 2010. 480 с.

Карнышев А.Д., Иванова Е. А., Карнышева О.А. Природа экономического патриотизма и гражданского сотрудничества: этнопсихологические аспекты. М.: ИП РАН, 2017. 480 с.

Самое серьезное внимание уделяет А.Д. Карнышев проблемам Байкала. В 2011 г. им была организована Школа молодых исследователей на Байкале «Этнопсихологические и кросскультурные ресурсы экологичной экономики». В 2012 г. он получил грант Правительства Иркутской области и исполнительной дирекции БЦБК на исследование по теме «Отношение населения Иркутской области к модернизации или закрытию целлюлозно-бумажного комбината». Любимое научно-публицистическое детище Александра Дмитриевича – книга «Байкал таинственный, многоликий и разно-

языкий» – вышла в Иркутске и Улан Удэ с 2007 г. в 6 изданиях. Четвертое издание в Бурятском университете вышло на английском языке.

Восемнадцать учеников А.Д. Карнышева защитили кандидатские диссертации, один консультируемый монгольский соискатель защитил докторскую диссертацию.

А.Д. Карнышеву было присвоено почетное звание «Заслуженный учитель школы РФ» (1998), он награжден медалью К.Д. Ушинского (РСФСР), знаком «Отличник просвещения СССР». Имеются и другие отличия: Почетная грамота Президента Республики Бурятия, медаль «350 лет вхождения Бурятии в состав России», медаль «В память 350-летия г. Иркутска», грамоты руководителей муниципальных образований и вузов: БГУ, ИГУ, ТГУ, ВСГАО и др.

ПОЗДРАВЛЯЕМ И.Я. СТОЯНОВУ С ЮБИЛЕЕМ!

Психологический факультет и редакция Сибирского психологического журнала поздравляют с юбилеем профессора Ирину Яковлевну Стоянову и желает здоровья, благополучия и долгого и плодотворного сотрудничества с коллегами, студентами, магистрантами и аспирантами факультета психологии.

Ирина Яковлевна – доктор психологических наук по специальности «Медицинская психология», профессор кафедры психотерапии и психологического консультирования, осуществляет преподавательскую деятельность в течение двадцати лет. Трудовая деятельность Ирины Яковлевны началась после окончания историко-филологического факультета Томского государственного университета в 1971 г. В том же году она начала работать в качестве патопсихолога в Томской психиатрической больнице. Во время курсов повышения квалификации на кафедре патопсихологии МГУ и в Институте повышения квалификации Министерства здравоохранения СССР посещала лекции и семинары Б.В. Зейгарник, С.Я. Рубинштейн, Ю.Ф. Полякова. В Ленинградском НИИ им. В.Н. Бехтерева (профессор М.М. Кабанов) и на кафедре психиатрии Томского медицинского института (профессор Е.Д. Красик) изучала концепцию реабилитации психически больных.

В 1975 г. в Томске был организован психогигиенический кабинет межвузовской больницы, куда ее направили работать в качестве психолога.

С 1981 г. Ирина Яковлевна работает в Институте психического здоровья, сначала в должности клинического психолога, с 1984 г. – младшего научного сотрудника, с 1988 г. – старшего научного сотрудника лаборатории медицинской психологии. С 2007 г. – ведущий научный сотрудник.

В 1988 г. Ирина Яковлевна защитила кандидатскую диссертацию на тему «Психологические аспекты исследования и профилактики семейного окружения больных шизофренией». После защиты занималась поиском новых научных направлений, разрабатывала научно-исследовательскую проблематику, отражающую специфику защитно-совладающего комплекса в норме и при нарушениях психического здоровья. Это позволило в ноябре 2007 г. защитить диссертацию на соискание ученой степени доктора психологических наук «Психологические образования в норме и патологии» по специальности «Медицинская психология».

Диапазон научно-практических интересов Ирины Яковлевны широк и разнообразен. Это клиническая психология и психология здоровья, семейная клиническая психология, патопсихология, личностные расстройства, психологические методы диагностики развития в норме и патологии, технологии психологической помощи в сложных жизненных ситуациях, история и современные исследования сибирской клинической психологии.

В рамках учебных курсов И.Я. Стоянова разрабатывает проблематику, отражающую психологические аспекты психического здоровья человека и психологической помощи семье.

В настоящее время научно-исследовательскую и консультативную работу в НИИ психического здоровья ТНИМЦ Ирина Яковлевна успешно совмещает с преподавательской деятельностью на факультете психологии Национального исследовательского Томского государственного университета. Данная работа в 2018 г. была отмечена медалью «За заслуги перед Томским государственным университетом».

И.Я. Стоянова активно занимается научно-исследовательской работой, ею опубликовано свыше 200 работ, в том числе научные статьи, методические и учебные пособия, монографические издания. Под общей редакцией Ирины Яковлевны готовится к публикации коллективная монография сибирских клинических психологов «Становление научной клинической психологии в Сибири: истоки и современность».

Под руководством Ирины Яковлевны защищено 9 диссертаций на соискание ученой степени кандидата психологических наук и одна диссертация на соискание ученой степени доктора психологических наук. Свой профессиональный опыт она передает молодым специалистам, участвуя в семинарах, российских и международных конференциях, психологических форумах.

В настоящее время И.Я. Стоянова ведет интенсивную научную и общественно-педагогическую деятельность, является членом Диссертационного совета Д 212.267.16 при Национальном исследовательском Томском государственном университете, а также членом редакционных коллегий журнала «Сибирский вестник психиатрии и наркологии», научного сетевого журнала «Медицинская психология в России».

Профессиональная деятельность Ирины Яковлевны отмечена наградами: почетными грамотами, в том числе грамотами РАМН (2001), администрации Томской области (2008), администрации г. Томска (2010), Президиума ТНЦ СО РАМН, благодарностью СО РАМН (2006), благодарностью Государственной Думы Томской области (2023). Она – Лауреат конкурса Томской области в сфере науки и образования.

Ирину Яковлевну характеризуют высокий профессионализм, творческая активность. Она пользуется заслуженным уважением коллег. И.Я. Стоянова передает свой опыт и знания студентам, сотрудникам института, оказывает консультативно-психологическую помощь психологам Сибирского региона.